

ТАДЕУШ ЗУБИНЬСКИЙ

Мифология эстов

ТАДЕУШ ЗУБИНЬСКИЙ

Мифология эстов

Перевод
Анатолия Нехая
и Миланы Ковальковой

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2016

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 398.3(=511.113)
ББК 63.5
3 912

*Издание поддержано
Польским институтом книги
The © POLAND Translation Program*

Зубиньский Т.

3 912 Мифология эстов / пер. с польск. А. Нехая, М. Ковальковой. —
СПб.: Алетейя, 2016. — 176 с.

ISBN 978-5-906860-07-1

Книга представляет собой популярное изложение древней истории и культуры жителей нынешней Эстонии, знакомящее читателя с мифами, преданиями и обычаями народов, живших на ее территории: эстов, сету и ливов. В книге, написанной в жанре эссе, описаны их древние верования и обычаи, местами сохранившиеся и до нашего времени. Книгу дополняет словарь персонажей, предметов, действий и мифологических мест, присутствующих в духовной культуре и фольклоре эстонцев, сету и ливов. Приводится также календарь их традиционного и обрядового года.

Книга будет полезна многочисленным туристам, выезжающим в Эстонию, а также всем интересующимся историей и культурой прибалтийских стран.

УДК 398.3(=511.113)
ББК 63.5

ISBN 978-5-906860-07-1

© Т. Зубиньский (Tadeusz Zubiński), 2011
© А. Нехай, М. Ковалькова,
перевод на русский язык, 2016
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Эстония — страна ветра и песен	6
Старейший народ Европы по-прежнему живет у себя на Ливском берегу	39
В конце мира лежит Сетумаа	45
Герои, которые жили, и мифы, которые произошли на самом деле	53
Словарь понятий, явлений, персонажей, предметов, действий и мифологических мест, присутствующих в духовной культуре и фольклоре эстонцев, сету и ливов	87
Гадания и заклинания, чары, суеверия	143
Традиционный и обрядовый год эстонцев, сету и ливов	150
Символические или гербовые животные и растения, цвета флагов	167
Национальные гимны	170

ЭСТОНИЯ – СТРАНА ВЕТРА И ПЕСЕН

Эстония — это небольшая по территории страна, расположенная на восточном побережье Балтийского моря. Эстонская республика, эст. Eesti Vabariik, в наше время занимает территорию в 45215 км², всегда считавшуюся окраиной Европы.

Эстония никогда не находилась в центре внимания так называемого большого мира. Возможно, поэтому она сохранила свою единую и неповторимую, уникальную культуру, ландшафт, ауру, обычаи и герметичный для нас язык. Не похожа на нашу и особенная ментальность этого земледельческого народа. Существенно отличен от нашего и язык, относящийся к финно-угорской семье, в нем существует целых 14 падежей и только один общий грамматический род. Эту экономию компенсирует большое количество и точность существительных. У нас существует только четыре стороны света, а у эстонцев их восемь. Нам, чтобы, к примеру, назвать ветер, дующий с северо-востока, потребуется три слова, а эстонцам достаточно одного слова — loodetuul.

Эстонский народ был и остается немногочисленным, однако это не означает, что духовно он мал. В настоящий

момент в общей сложности он насчитывает 1,3 миллиона, включая эмиграцию, однако его особенная и выразительная культура, история и прочно укорененная в народной традиции литература со многих точек зрения являются уникальными не только в европейском масштабе. Эстонская литература исключительно ответственная, так как она всегда была прочно связана с родными корнями, сосредоточена на конкретных проблемах повседневности и общих темах, значимых для национального сообщества.

Эстония является частью культурно-исторического пространства, определяемого немецкой наукой как *Balticum*, а российской — как Прибалтика. Этот термин используется в отношении Балтийского моря, а также прилегающих к нему территорий суши, связанных с ним географически, экономически и политически. Как показывают археологические раскопки, человек на эстонских землях появился в конце последнего Ледникового периода — около 10 000 лет до нашей эры.

Некоторые историки полагают, что примерно 4 тыс. лет до н.э. на северо-восточном побережье Балтийского моря поселились предки лапландцев, которых затем стали вытеснять другие родственные им народности. В этот период на землях Южной Эстонии появляются, возможно, первые форпосты балтийских племен, из которых значительно позже вырос этнос латышского народа.

Более обоснованным является тезис, что в 3 тысячелетии до нашей эры на землях современной Эстонии и Латвии, а немного позднее и в Финляндии появились финно-угорские племена. В более точном понимании, в ландшафте лесов, болот и вод эсты (предки современных эстонцев) появились вместе с другими племенами финно-угорской языковой группы в период неолита, около 1300–1500 г. до н.э., с прародины финно-угорских племен, находившейся между реками Кама и Урал.

Скорее всего, прибытие этих времен на территорию современных эстонских племен датируется 2800 годом до н.э. С языковой и культурной точки зрения эсты были и являются родственными с ближайшими их соседями: с юга ливами, а также с водью, ижорцами, финнами, вепсами.

На основании исследования костей из могильников известно, что изначально, в период «заселения родины», предки ливов и эстов антропологически принадлежали к беломорско-балтийскому европеоидному типу, который отличается короткая голова, светлые волосы, голубые глаза, розовая кожа, сильная растительность, средний или низкий рост.

Со временем финно-угры, населявшие восточное побережье Балтики, постепенно были вытеснены более экспансивными и прибывшими позднее индо-европейскими балтийскими племенами. В 1 тысячелетии до н.э. на территории Скандинавии появились германские народы, оттеснившие лапландцев к северу. В начале нашей эры готы и бургунды переплыли Балтийское море и высадились на его южном побережье, переместившись в последующие века на юг к Черному морю. После их ухода (а, возможно, и раньше, поскольку вопрос этот по-прежнему остается спорным) на оставленных ими территориях появились славянские народы.

Окончательный распад финно-угорской общности в районе восточной Балтики произошел в период с XI по XIII век. После этого времени и в результате этого процесса начали формироваться современные народы: финны, карелы, эсты, ливы, ингры, вожане (водь), вепсы. В настоящее время эти народы носят общее название балто-финских.

В результате этих переселений в районе Балтики окончательно сформировались 4 этно-языковые группы; финно-угры — предки современных финнов, эстонцев, ливов, балтийские племена, из которых произошли латыши, литовцы и до XIII–XIV веков — прусы. Третья группа — это мы, славяне, а четвертая, самая поздняя — германская группа,

поскольку она прибыла из-за моря, а не так, как славяне и финны — по суше.

Этимология названия Эстония происходит, скорее всего, от старо-английского, а в настоящее время английского термина *east* — (восток). В первый раз это название использовал англо-саксонский путешественник и хронист Вульфстан в 9 веке, описывая *Estland* — восточный край. Ранее в 98 г. н.э. римский историк Тацит отметил присутствие народов *Aesti* — эстов, собирателей янтаря (лат. *aestiorum gentes*¹), хотя современные исследователи склоняются к точке зрения, что римский историк, скорее всего, имел в виду предков современных балтийских народов, т.е. литовцев и латышей. Языческие балто-финские племена, к которым относятся эстонцы, занимались земледелием, скотоводством, собирательством, охотой и рыболовством. Они совершали также грабительские набеги на соседей. Оживленные контакты между ними и славянами заметны в двустороннем влиянии в языках, в материальной культуре, в элементах верований. Славяне заимствовали у финнов некоторые украшения, типы демонических существ, хозяйственные термины, особенно из сферы рыболовства, и названия продуктов питания.

Поскольку мы уже знаем, где точно находится Эстония на карте Европы, займемся ее регионами. Эстония — это страна, небольшая по территории, но сильно различающаяся по регионам. Главной причиной этого является тот факт, что отдельные части этой страны веками в различные исторические периоды находились под различной интенсивности влиянием и натиском культур и языков: русского, немецкого, шведского, датского, финского и, наконец, во второй половине XVI — первой половине XVII века, польского. Регионам приписываются языковые диалекты, отсюда

¹ Латинское сочетание *ae* читается как «э» (Прим. автора здесь и далее).

множественность вариантов названий и имен тех же самых предметов, объектов, явлений, существ и даже животных. Если двигаться от моря вглубь суши, проявляется такая картина: на эстонских островах используется диалект¹ *saarte* (островной). На западном побережье люди говорят на диалекте *lääppe* (западном). Центр страны вместе с Таллином, составляющий около половины территории всей страны, — это диалект *kesk* (центральный). Этот диалект послужил основой для современного литературного эстонского языка. Непосредственно у озера Пейпус (Чудского) говорят на диалекте *ida* (восточном). Севернее от этого места мы встречаем диалект *gaapik* (прибрежный). Юго-Восток страны поделен на 3 диалекта — ближе к морю, однако не доходя до него, расположена территория диалекта *mulgi* (переходного). Вокруг города Тарту преобладает диалект тартуский, а далекие юго-восточные рубежи — регион проявления диалекта *võgi*. Его название происходит от основной провинции этого региона Вырумаа. Интересно и знаменательно то, что после вхождения Эстонии в Европейский Союз процесс восстановления сферы использования языка выру значительно ускорился.

Одним из говоров этого диалекта пользуются коренные сету, живущие по обе стороны эстонско-российской границы. Диалект Вырумаа в настоящее время считается отдельным, вторым эстонским языком. Другие его названия, в частности: язык *Ugandi* или юго-восточный эстонский язык.

Исторически эстонский язык выделился из начального обще-финского языка приблизительно в первом веке нашей эры, наряду с финским, карельским, ливским и несколькими другими. В диалектном делении эстонского языка различают южную и северную группу. В соответствии с классифи-

¹ Диалект *эст. тигге* (здесь и далее — *прим. автора*).

кацией профессора Люции Окулич-Козарин, южный диалект достаточно однороден, в отличие от северного, который делится на западную и восточную группу. Северо-западная группа, на которой основан литературный язык, более приближена к финскому языку, чем к южной эстонской группе.

Географические и этнографические регионы Эстонии следующие: в принципе северная часть страны, прилегающая к Финскому заливу, носит название Вырумаа. Восточная часть этого региона, крупнейшим городом которого является Нарва, в настоящее время в значительной степени русифицирована и называется *Ida Virumaa* (Восточная Вируния). Старое название этого региона — *Alutaguse*. В Вырумаа выделяются подрегионы: вокруг Таллина — Харьюмаа, вокруг порта и курорта Хаапсала — Ляэнемаа, в котором сохранилось некоторое шведское влияние. Регион Ярвамаа ближе к центру, он находится возле города Пайды (по-польски Белый Камень). Далее на юг расположены регионы (считая от моря вглубь суши): Парнумаа, Вильянди, Тартумаа и Вырумаа. При этом юго-восточные окраины последнего относятся к Сетумаа (страны Сету). Отдельным этнографическим регионом являются острова Сааремаа, площадью 2933 км², который также носит название Эзель от старого немецкого названия *Ösel*, и меньший Хиумаа (эст. *Hiiu*маа) площадью 989 км², старое шведское название *Dagö* — остров дня.

Вообще острова составляют около 9% площади всей страны. Эстония имеет свыше 1550 островов, в большинстве своем необитаемых. Окончание «маа», столь часто встречаемое в эстонских названиях, означает «земля». Эстония — страна плоская, болотистая, где заболоченные, затопленные места составляют около 20% площади. Но, прежде всего, это страна, покрытая лесами. В Эстонии леса занимают 43% всей территории. При этом сосна составляет 46%, береза — 28% и ель — 20%. Эстонские земли

являются северной границей естественного ареала произрастания дубов. В эстонской народной топонимике дубрава носит гордое имя леса Таары. Сосняк называется королевским лесом, березовый лес — девичьим, а ольховые леса, столь часто произрастающие в этой болотистой стране, называются сиротскими лесами.

В средневековые предки современных эстонцев: крестьяне, рыбаки, ремесленники, очень тонкий слой мещанства определяли себя до середины XIX века как «таатеес», или «таарахвас», т.е. «люди земли», что означало также и «люди из деревни». Выражение «эстонский народ» впервые использовал Йохан Вольдемар Янсен (1818–1890), журналист, публицист и будитель эстонского национального самосознания, лишь во второй половине XVIII века.

Подведем итог. Народы финно-угорской языковой семьи прибыли с территории восточной окраины Европы, с прародины финно-угорских племен, расположенной между реками Камой и Уралом. Эти новые жители являются предками современных финнов, эстонцев, ливов, ижорцев, вожан, вепсов, карелов. Праэстонцы добрались в своей экспансии до южных рубежей, которыми была река Двина (латыш. Daugava, эст. Vaina, лив. Vēpa). По поводу того, когда это произошло, существуют лишь более или менее обоснованные гипотезы. Наиболее убедительным является предположение, что этот процесс происходил волнами в последние столетия прошлой эры.

Мы можем допустить, что несколько позднее от более многочисленного корня племен эстов выделились ливские племена. Часть из них осталась на территории современного латышского региона Видземе, а часть пересекла Двину, заселив нынешнюю Курляндию. Таким образом, ливы пересекли реку и заняли пространство современной Курляндии, и даже есть основания предполагать, что сфера заселения ливов доходила до Куршской косы.

Вместе воинственные ливские племена заселяли до середины XIII века около половины территории современной Латвии, целые два региона — Курляндию и Ливонию, соответственно по-латышски Kurzeme и Vidzeme.

До христианского завоевания (около 1200 г. н.э.) плотность заселения эстонских и латышских земель составляла 3 человека на кв. км.

Сейчас в наше повествование следует ввести очередной термин, а вместе с ним и очередного субъекта истории: «Чудь». Это старо-русское название эстов и иных финно-угорских племен, заселявших, в частности, окрестности Новгорода Великого, озера Онега, Северной Двины и пр. Считается, что с X по XI век восточные эстонские земли находились под мягким управлением Руси. В 1030 г. эстонское городище Тарбату было взято князем Ярославом Мудрым (978–1054 г) и переименовано в Юрьев¹, в честь завоевателя. Русское правление на этих землях длилось около 30 лет. Русские правители начали обращать языческих эстов в христианство, но их действия не оставили более прочных институциональных следов, хотя первые и самые важные слова из области христианской терминологии, попавшие в эстонский язык, такие как римский папа, крест, писание имеют греческое происхождение, вошедшее в их язык через Новгород.

Со стороны моря датчане предприняли первые попытки христианизации и завоевания эстонских земель в 1134–1157 гг. Этот процесс усилился в 1219 г., когда датский архиепископ Лунда Андерс Сунесен (1201–1223) получил от папы Иннокентия III специальную буллу, предписывающую ему распространять веру Христа на землях язычников, т.е. эстонцев.

¹ Юрий — христианское имя Ярослава.

Самые интенсивные действия по обращению в новую веру велись на юге. Начиная с 1208 г., систематическое покорение свободных земель и языческих эстонских племен начали немцы. Главной ударной силой германской экспансии на свободные земли и все еще языческие эстонские племена стал Орден Меченосцев (лат. *Fratres militiae Christi de Livonia*, нем. *Brüder der Ritterschaft Christi*). Другие его названия — Ливонский орден, кавалеры Меча, рыцари Христа, братья Христа, рыцари Меча. Меченосцы — это рыцарский орден, состоявший, в основном, из немцев, действующий в Ливонии с центром в Риге и в Киясе, основанный Рижским епископом Альбертом фон Буксгевденом в 1202 г. на основе Ордена тамплиеров. Орден имел очень бурную историю. Уже первый магистр ордена Венно фон Рорбах (1204–1209), происходивший из княжества Кассель-Наумбург, был убит топором своим собратом рыцарем Викбертом. Неизвестна причина убийства. Рыцарь Викберт был казнен, а наследником жертвы стал Фолквин Шенк. После тяжелого поражения от балтов в битве под Шавлями в 1236 г., в которой, в частности, погиб их второй магистр Фолквин Шенк, ослабленные кавалеры меча объединились в 1237 г. с более сильным Тевтонским Орденом, приняв его устав. Уцелевшие после Шавельского разгрома меченосцы, усиленные контингентом тевтонских рыцарей под предводительством Германа фон Балка, стали рыцарями Тевтонского Ордена. Герман фон Балк должен был стать первым магистром автономного Ливонского Ордена. По сути, тогда произошла инкорпорация Ордена Меченосцев в Тевтонский Орден, в результате чего возникла Ливонская ветвь тевтонцев, которая сохранила в Ливонии некоторую административную автономию по отношению к прусской и немецкой ветвям ордена (например, право выбора местного магистра, который только утверждался Великим магистром). По-прежнему в некоторой степени они подчинялись епископу Риги. Формой одежды

Ордена Кавалеров Меча был плащ белого цвета, а эмблемой — красный крест над красным мечом с рукоятью, направленный вверх, хотя известны также изображения двух красных перекрещенных мечей с красной звездой над ними или без нее. В итоге обновленный в период реформации Ливонский орден прекратил свое существование 19 октября 1561 г. Тут следует напомнить кое-что о Тевтонском ордене, который в течение 300 лет играл ключевую роль на эстонских землях. Его полное название звучит «Орден Пресвятой Девы Марии немецкого дома в Иерусалиме» (Тевтонский орден, Германский орден, лат. *Ordo fratrum domus hospitalis Sanctae Mariae Theutonicorum in Jerusalem*, *Ordo Teutonicus*, OT, нем. *Orden der Brüder vom Deutschen Haus Sankt Mariens in Jerusalem*, *Deutscher Orden*, DO). Этот рыцарский орден, один из трех самых крупных, объединял в основном немцев и был орудием агрессивной германизации. Его гербом был черный крест на белом поле. Первым Великим магистром Ордена в 1198–1200 гг. был Герман Вальпот. Орден на многие годы с помощью оружия и интриг овладел землями позднейшей восточной Пруссии. Он занял территории современной Латвии и Эстонии. Закон захватил также некоторые земли Польши и Литвы — район так называемой малой Литвы с Клайпедой. Тевтонцы — это один из крупнейших рыцарских орденов, возникших в XII веке в результате крестовых походов. Известной столицей Тевтонского Ордена был величественный замок в Мальборке. Мальборк с 1309 г. стал второй после Венеции столицей тевтонцев, после того, как их ввел туда Конрад Мазовецкий. Происхождение ордена связано с Третьим крестовым походом и осадой Акки. В XII веке, когда германские рыцари создали неформальное объединение, целью которого должен была стать уход за ранеными и больными немцами, крестоносцы под нажимом князя Фредерика дали обет чистоты, получив взамен госпиталь Пресвятой Девы Марии

при немецком доме в Иерусалиме. В момент покорения Акки римский папа передал ордену окрестные земли. Экспансия тевтонцев имела необычайно широкий размах. В истории, в частности известны: первый этап покорения Пруссии, первое восстание пруссов, мирный договор на Коралловом острове в 1248 г., Христбургский договор в 1249 г. Второй этап покорения Пруссии связан с великим восстанием пруссов под предводительством динамичного Херкуса Монте в 1260 г. Очередная фаза — экспансия против Литвы и Польши в 1308 г. Дальнейшие существенные события — битва под Пловцами, съезд в Вышеграде в 1335 г., союз с чехами, папский суд в Варшаве в 1339 г., Калишский мирный договор в 1343 г. Мирный договор, заключенный в Калише, вынудил прекратить атаки на Польшу и направил тевтонскую экспансию против Литвы. Орден применил против нее вооруженную силу, заняв частично Жмудь. В результате захвата своих земель Ягайло был вынужден принять крещение, а затем жениться на дочери Людвига Венгерского, результатом чего стала Польско-литовская уния. Она была персональной, что, в частности, означало переход обоих народов под власть одного правителя. Князь Витольд после постоянных атак со стороны тевтонцев решился на борьбу, поддержанную польским королем Ягайло. В результате этого антагонизма разразилась великая война 1409–1411 гг., главным сражением которой стала битва под Грюнвальдом (1411) — одна из величайших битв эпохи позднего средневековья.

Судьбу свободных эстонских племен решила большая война 1215–1217 гг., кульминацией которой была битва в день св. Матфея 21 сентября 1217 г. близ Феллина (эст. Вильянди). После поражения в битве в день св. Матфея свободные племена эстов уже не поднялись.

Стоит отметить, что существовавшее в начале XIII века разделение эстонской этнической территории приблизительно на 45 так называемых кихельконн, т.е. локальных племен-

ных общин, из которых большинство входило в состав более крупных региональных структур, так называемых маакондов, значительно затрудняло эстам успешную оборону.

На первой стадии завоевания немцы последовательно и успешно покорили и христианизировали более крупные южные общины-кихельконны: Сакалу — столица Вильянди, и Уганди — столица Отепя.

Затем германские завоеватели одновременно подчинили себе малочисленные племенные союзы, находившиеся в центре страны — Алемпоис, Мыху, Нурмекунд, Вайга, Йоген — Тагана, Соо — Поолитсе.

Несколько позднее, в 1219 и 1220 гг. датчане захватили земли, находившиеся на севере — Харьюмаа, Ярвамаа и большую часть Вырумаа вместе с округом Ревала, главным городом которого был Таллин, в то время — Линданисе.

С запада в экспансию включились шведы, покорив Эзель и остров Муху, а также прибрежный регион Ляэне, центральным городом которого была Лихула.

Именно шведы инициировали массовую христианизацию северной части Эстонии — Ляэнемаа около 1220 г. и южную — в 1226 г. На этой территории во второй половине XIII века возникли важные церкви и приходы. Собор в Хаапсалу, впоследствии кафедральный, впервые упоминается в 60-е гг. того же века. В 1224 г. немцы захватили героически защищавшийся объединенными русско-эстонскими силами город Тарту.

Жители острова Муху по принуждению приняли веру только в 1227 г. В том же году покорились жители острова Эзель. Это стало последним аккордом длившейся более 20 лет войны, которую вели за независимость свободные языческие эстонские племена, мужественно сопротивлявшиеся немцам, шведам и датчанам.

Каковы были религиозные верования эстонских и ливских племен до христианского завоевания? Разумеется,

эстонцы-язычники, так же как и другие древние люди, жили в мире, полном различного рода опасностей, и были вынуждены либо их избегать, либо, по крайней мере, как-то их называть.

Угрозой для них были не только бури, молнии, пожары, засухи, наводнения, снегопады, но и дикие животные, болезни, голод. По убеждению эстов, все это зло, но также и добро, в той или иной форме проявлялось в тесной связи с миром духов и предков. Собственных сил и чувств человека не хватило бы, чтобы эти угрозы распознавать, а тем более успешно им противостоять. Поэтому он пытался выйти за свои пределы, за обыденный круг видимого и осязаемого, чтобы искать помощи в мире неочевидном, войти в сферу сакрального, добраться до божеств и непосредственно у них просить о помощи. Посредниками между людьми, с одной стороны, и богами и духами, с другой, были шаманы. Шаманизм и культ сил и объектов природы — это древнейшее наследие, которое досталось эстонским племенам от своей родины, приуральской тайги. Основой верований было убеждение, что существует и сохраняется сверхъестественная и вечная космическая энергия, заключенная в каждом живом существе, в неодушевленных предметах, например в камнях. Вездесущая сакральная сила. Индивидуальная, но одновременно и коллективная. Эта сила выходит за пределы человеческого понимания и воздействия. Именно она приводит в движение все жизненные процессы, контролирует ход событий. Эта сила, подобная полинезийской Мане, постоянно присутствует в жизни человека, определяет ее и контролирует. У финнов эта сверхъестественная сила именовалась *väki*. К сожалению, мы не знаем, как назывался ее эстонский эквивалент.

Древние верования эстонских и ливских племен можно определить как анимизм, от латинского *anima* — душа. Иными словами, это комплекс верований, типичных для

первобытных религий, предполагающий параллельное существование взаимопроникающих миров, материального и духовного, комплементарное существование души и тела, как у людей, так и у животных, растений, стихий, минералов, мира в целом. При этом очень важна была взаимозависимость живых людей и духов их умерших предков. Духи мертвых исполняли функции опекунов и судий. Все, что окружало человека, и материальное и сверхчувственное, имело свою душу: звери, леса, болота, птицы, камни, объекты на небе, такие как солнце, звезды или молнии... Как я уже писал, деревья также были наделены индивидуальной душой — *puu hing/ puu vaim*. Есть свидетельства, что бортники во времена язычества приносили жертвы душам самых значительных представителей царства флоры.

В соответствии с этой основной концепцией, душа человека после смерти отправляется в потусторонний мир, полный иных душ, а также всевозможных духов. Духи эти оказывают влияние на жизнь людей и бывают к ним благосклонны или нет. Неотъемлемым элементом анимистических верований является наличие людей-экстатиков, шаманов, колдунов, гадалей, связанных с миром духов, уравнивающих взаимные отношения между миром человеческим и иными мирами.

Шаман с магическим бубном одурманивал себя отваром из трав и в магическом трансе пел обрядовые песни, пока не отключалось сознание и он не погружался в экстатический сон. Иногда шаманский транс мог длиться целые сутки. Исповедовавшие культ верили, что в этот момент душа шамана покидает тело и устремляется к вершинам гор, чтобы там, во вместилище богов, вымолить милость для всей общины. Шаман передавал людям волю божества, он мог противодействовать агрессивной атаке со стороны другого шамана, выполнять иные магические действия, например указать место лучшего клева рыбы или район удачной

охоты. Люди верили, что шаманы имеют способность перемещаться между тремя параллельными мирами¹: небом, подземным миром и миром реальным, принимая облик орла либо пребывая в своем обычном облике.

Жертвы богам (например: молоко, яйца, кровь, мясо, зерно) приносились регулярно во время праздников или, скажем, перед началом военного похода. После счастливого возвращения из похода в качестве благодарности за поддержку эсты также приносили пленных в жертву своим богам.

Днем, наиболее подходящим для принесения жертв, считался четверг.

Жертвы обычно приносились эстами в священных местах, отмеченных, например ударом молнии, либо у камня, имевшего особенную форму, скажем, наминавшего фигуру человека, либо у холмов, скал, каменных глыб, отличавшихся чем-то особенным, в дубовых и липовых рощах. Также подходящим местом для задабривания богов и сакральных действий бывали холмы. Память об их древних сакральных функциях сохранилась в географических названиях отдельных возвышенностей. В Сетумаа находятся, к примеру, *Kumagusõmägi*, или гора Поклонения, и *Munamägi* — Яичная гора (напомним, что яйца были одним из даров, которые люди приносили богам).

Следует отметить, что эсты и ливы принадлежат к числу финно-угорских народов — тех народов, предки которых отправились на запад из уральской тайги. В то время, когда кочевые народы, привыкшие к открытым пространствам степей, боялись мистических дебрей и обманчивости болот, финно-угорские народы, наоборот, мигрировали именно через заросли, болота и чащи, превосходно чувствуя себя в мире зеленого полумрака. Финно-угорские народы

¹ См. статью Космология и Космогония в «Словаре понятий...

испытывали к лесам и трясинам добрые чувства, воспринимали их как превосходное место для укрытия. Заняв свою территорию, они, будучи не столь многочисленными, как нападавшие на них племена, полагались на свою тесную связь с лесами и болотами. Финно-угорские народы избегали сражений на открытом поле, выбирали партизанскую войну и успешно устраивали засады в лесных чащобах. Такая тактика приносила успех. В 1132 г. эстонцы на болотах центральной Эстонии разгромили армию русского князя Изяслава. Благодаря тактике неожиданного нападения на лесной тропе у реки Умера, в 1210 г. они одержали великолепную победу над немецкими крестоносцами и их союзниками (сегодня эта река называется Юмара и находится в границах Латвии).

Вывод из такого свойственного финно-уграм уважения к лесам напрашивается сам собой: племена эстов и ливов, будучи детьми великих и дружественных им лесов, естественным образом почитали рощи и особенные единичные деревья, например поврежденные молниями либо имевшие необычную форму, как посредников в общении с богами. Именно в священных рощах и под избранными деревьями приносились жертвы и собирались люди в ритуальных целях. Другие места культа устраивались в пещерах, что было особенно свойственно ливам, а также у водопадов, озер, источников.

Избранные места для осуществления религиозных обрядов вообще должны были отличаться некими специфическими свойствами. Речь идет о возникновении в этих местах неких ассоциаций с потусторонним миром. Например, это могло быть странное эхо, особенные формы предметов или иные факторы, пробуждающие страх. Скорее всего, к сакральным объектам люди приближались на коленях и с открытой головой. Эстонские племена в местах культа устанавливали деревянных или каменных идолов своих бо-

жеств, а также украшали их ветками, цветами, возможно, также рогами оленей и серн. По аналогии с сохранившимися до XX века верованиями языческих приволжских финнов, например удмуртов и марийцев, с большой долей вероятности можно предположить, что и языческие эсты также имели собственные домашние изображения богов в виде фигурок, которые изготавливались из кости, рога, из камня и дерева и ставились на почетном месте в срубленных на возвышении избах, то есть на полке или в ящике в правом углу избы, напротив двери. Подобные фигурки подвешивались на ветвях деревьев в священных рощах и вокруг домашних хозяйств. В обрядовости языческих эстов домашний алтарь носил название *Pühapaik*. Языческий храм назывался *Pühapi*.

Изначально эсты сжигали своих умерших, после чего прах вместе с украшениями и снаряжением на тот свет высыпали в специально выкопанные могилы. Люди верили, что таким образом души умерших приобретают легкость и, как птицы, вместе с дымом улетают прямо в потусторонний мир. Существовало также поверье, что души умерших домохозяев могут вселяться в домашних насекомых: жучков, мух, пауков, в божьих коровок и пчел, а потому запрещено было вредить такой одомашненной мелкой живности.

Коллективные места захоронений размещались обычно в лесах либо на их опушках и ограждались камнями. Эти камни образовывали круги, поэтому можно предположить, что там устаивались также советы и племенные суды. Интересным феноменом является сооружение на эстонских островах и в западной части страны целых каменных лабиринтов. В настоящее время трудно определить их изначальную высоту и размеры, а тем более цели, с которыми они создавались. Верования эстонских и ливских племен в языческий период были очень схожи, хотя о верованиях ливов мы знаем очень мало.

Люди верили во вмешательство добрых или, наоборот, злых духов в земную жизнь человека. Верили, что человек, животное, камень, река могут наделяться особой мощью, либо иметь животворную силу. Отсюда среди эстонского крестьянства было распространено поверье, что найденные в лесах или на болотах как бы потерянные предметы (например, перчатки, кожа, топоры, яйца домашних птиц и т.п.) — это не что иное, как приманка, подкинутая лесными и болотными духами, чтобы испытать людей. Поэтому ничего такого подозрительного нельзя было из леса приносить в дом. Также отдельные части тела человека или животного имели особенное значение, как например ногти, когти, сердце или глаза. Поэтому у убитых врагов вырывалось сердце — источник жизненных сил и разбивался череп — вместилище мысли.

Волосы также воспринимались как источник силы и самоопределения. Людям, лишенным свободы, брили головы, женщинам после замужества стригли волосы, чтобы те слушались своих мужей. Воины из соображения практической магии носили обручи и амулеты, выполненные из клыков и когтей хищных животных и птиц, веря, что сила и внезапность действий перейдет к ним.

Отсюда до сего дня столь распространен культ бус, которые носят эстонские женщины и девушки. До недавних пор эстонские женщины и девушки не расставались с бусами даже после смерти. Покойников укладывали в могилу с бусами. При жизни бусы обеспечивали крепкое здоровье, долгую жизнь и хорошее отношение к людям, их носящим.

Будучи анимистами, эсты и ливы верили в переселение душ, по крайней мере — душ тех, кто в земной жизни отличался достойными поступками и сохранял верность богам. Распространена была вера, что душа покойника, особенно в первый период после смерти, блуждает по священным рощам и дубравам и не теряет связи с живыми. Поэтому

каждая семья давала своим близким умершим в дальний путь в иной мир одежду, украшения, оружие и еду. Считалось, что в определенное время, возможно в годовщину смерти, людям следовало собираться вместе, исполняя соответствующие ритуалы — на особые поминки, на трапезу вместе с покойным.

Всё подчинялось иерархии и взаимной комплементарности. Принципы поведения были ясными и неизменными как для индивидуума, так и для всей общины.

За добрые дела и правильное поведение люди ожидали соответствующего вознаграждения от духов, покровителей данной сферы. Если они не вредили воде, то дух-покровитель воды не угрожал утоплением, если не уничтожали лес, то дух леса отвечал взаимностью, в изобилии давая ягоды, грибы, древесину и охотничью добычу и т.п.

Сонм богов и круг меньших идолов, демонов, духов был многочисленным и имел всестороннюю специализацию. Были солярные божества: солнечные, лунные, астральные — персонифицирующие звезды и планеты, отождествляемые с землей — теллурические (например Праматерь Земля), с водами — акватические, или же связанные с потусторонним подземным миром — хтонические. Были известны также весьма экспансивные божества, повелевавшие атмосферой, громами, бурями, засухой, ливнями, градом, морозом, снегами.

Демоны отвечали за отдельные части окружающей природы — поэтому были демоны лесные, полевые, воздушные, дворовые, водные, болезнетворные, военные или занимавшиеся отдельным ремеслом и т.п. Разумеется, из-за отсутствия письменных источников имена этих божеств и способы поклонения этим божествам не сохранились. Но нельзя также утверждать, что таких божеств языческие эсты вовсе не имели, коль скоро их религиозные верования были очень развиты и охватывали все аспекты человеческой жизни.

Существуют различные основания полагать, что первобытная вера ливов была типичной анимистической верой. В языческие времена ливы приписывали всей природе — дереву, ручью, ветру и т.п. существование отдельной души. Человек, разумеется, также имел такую душу (по-ливски *jeng*), которая продолжала существовать и после смерти тела. В хрониках встречаются различные имена верховного бога ливов, такие как Торс, Пиктулис, но скорее следует признать их литературной узурпацией. Считается, что ливы своего верховного бога, некоего эквивалента греческому Зевсу, не имели.

Ливы располагали материальными изображениями своих божеств, о чем свидетельствуют письменные источники. Они вытачивали из камня или лепили из воска фигуры идолов, возле которых проводили свои религиозные обряды.

Возможно, но с меньшей долей вероятности, они имели особую группу жрецов-шаманов, которая, впрочем, не всегда, сакральные функции соединяла со знахарскими. Более обоснованным кажется тезис, что у ливов магические и медицинские действия мог осуществлять сам заинтересованный человек.

С периода письменных источников у ливов различаются три формы культа:

1. Обряды, связанные с принесением даров и ритуальной трапезой, затем, возможно, переходящей в оргию, устраиваемые в период летнего солнцестояния.

2. Осенние обряды, посвященные мертвым, проводившиеся в период от св.Михаила до св.Мартина по христианскому календарю. Об этих обрядах мы имеем меньше всего сведений.

3. Обряды, не связанные строго с определенным временем, назовем их круглогодичными, и относящиеся, например, к инициации: первому сбору ягод, первому весеннему выходу в море на рыбную ловлю. Также свадебные и иные

обряды. Все эти обряды, за исключением свадебных, скорее всего, исчезли.

Даже после принятия новой веры в эстонской и ливской деревне имело место специфическое смешение местных верований, сформированных в языческой традиции, с ярким культом католической религии, а также протестантизма, навязанным народу высшими слоями — горожанами, немецким дворянством и властной элитой. Селяне по-прежнему продолжали обращаться за помощью к священным деревьям, приносили жертвы в священных рощах, почитали камни, колодцы, источники.

Култ предков и божеств, дарующих изобилие, сохранился повсеместно, а языческая народная обрядовость навсегда вписалась в национальную традицию ливов и эстонцев. Хронист Бальтазар Руссов в своей ливонской хронике 1578 г. отмечал, что ливонцы-язычники¹ по-прежнему привязаны к своим отвратительным фетишам, таким как солнце, месяц, звезды, змеи и другие твари. Они прячут своих идолов в густых зарослях, под деревьями. У них существует суеверие, согласно которому тот, кто срубит такое почитаемое дерево, будет сразу же предан смерти разгневанным божеством.

Почти столетие спустя, в 1645 г., во время посещения региона Нигула, в Ляэнемаа, в западной Эстонии, шведское лютеранское духовенство с гневом отмечало, что языческие обряды и языческая магия являются частью повседневной жизни. Другой путешественник Давид Дубберх констатировал, что селяне погребают своих покойников совсем как в языческие времена — в лесах или на окраине полей, а не на освященной земле.

Столь же долго сохранялись древние верования у ливов, о чем свидетельствует распоряжение энергичного швед-

¹ Определение «ливонцы» относится ко всему коренному населению тогдашней Ливонии, частью которой были эстонские земли.

ского губернатора Видземе от 1693 г. (напомним, что в то время в Видземе еще жили ливы) Якоба Йоханна Хафстера (1647–1695), который строго велел «все объекты, предметы, связанные с суевериями и подготовленные для поклонения, деревянные идолы, а также всякие рощи, кусты, перелески, камни, единичные деревья и т.п., срубить, вырезать, затоптать, сжечь вместе с предметами, которые служат для отправления этого непристойного культа. Уничтожить и так то место изменить, чтобы никоим образом оно не напоминало, что на нем прежде было».

Систематизируя историю Эстонии, ее следует разделить на следующие эпохи по хронологии.

Благословенные времена свободных племен, живших в язычестве, и свободных племенных союзов со времен занятия этого края до прибытия немецких завоевателей, начиная с последних лет XII века.

Saksa aeg или **ordu aeg** — эстонское названия эпохи эстонских земель с 30-х годов XIII века до середины XVI века, буквально: немецкие времена или времена ордена, когда эстонские земли оказались под властью главным образом немцев, господствовавших в Ливонской конфедерации, с меньшим участием правителей Дании и Швеции.

Rootsi Aeg — шведские времена, которые считаются наиболее успешными из этих трех периодов. Эти успешные времена охватывали период примерно с 1561 по 1721 г. — время правления державы с северного берега в XVII веке. Шведские времена в разрезе традиционного и зачастую мифологизированного самосознания эстонцев сохранились в памяти позитивно, как период достатка, стабильности и относительного благосостояния в значительной части современной Латвии и во всей Эстонии. Мифологизированный период якобы всеобщей справедливости и развития при шведских королях-благодетелях, таких как Густав Адольф и Карл IX, прочно вписался в менталитет народа и послужил

основой художественной проекции истории. В этот же период вписывается в общем-то очень ограниченное влияние польской культуры на эстонскую, связанное с рекатолизацией южной части страны, предпринятой иезуитами на рубеже XVI и XVII вв.

Vene Aeg — российские времена. В силу Ништадтского мирного договора (1721), завершившего великую Северную войну, три бывшие шведские провинции в Ливонии вошли в состав России, которой они формально принадлежали до 1918 г. Так началась эпоха, которая в эстонской истории носит название **Vene Aeg** — российские времена. Ее позитивным результатом было то, что почти на два столетия все эстонские земли оказались собраны в границах одного государства.

Период независимости. Первую независимость эстонский народ провозгласил 24 февраля 1918 г. Государство, границы которого в Тартуском договоре от 2 февраля 1920 г. признала Советская Россия, насчитывало 1 107 059 жителей, проживавших на территории в 47 450 км². Летом 1940 г. Эстония была аннексирована СССР. Новое независимое государство возникло 20 августа 1991 г. уже на меньшей территории в 45100 км² с населением, насчитывающим 1 478 501 человек.

Разумеется, мечта о собственном государстве — это очень много, но всегда возникает вопрос, чем оно должно быть, на какие принципы опираться и на что ссылаться, на чем должно строить свое самосознание. Только лишь на языке, экономике? Этого все же слишком мало.

В период начала романтизма в Эстонии на волне национального подъема великий поэт, рано умерший от чахотки, Кристиан Яак Петерсон (1801–1822) перевел на немецкий язык большую часть произведения 1789 г. — „*Mitologia Fennica*”. Автором этого труда был финский священник, фольклорист и публицист Кристфрид Ганандер (1741–1790). Перевод

К. Я. Петерсона под названием «*Finnische Mythologie*» («Финская мифология») появился в 1822 г. в журнале, выходившем в Парнаве в 1813–1832 гг., под заголовком «*Beiträge zur genaueren Kenntniss der estonischen Sprache*», то есть «Введение в подробное изучение эстонского языка». Главным редактором этого заслуженного журнала и его издателем, главным идеологом и ведущим автором был пастор из Парнавы Йохан Хейнрих Розенплянтер (1782–1846). Владелец типографии Кристан Яак Петерсон (*Kristian Jaak Petersohn*¹) — выдающаяся личность с ясным умом, человек состоятельный, снабдил свой перевод многочисленными и подробными вставками и комментариями, относящимися к фольклору и мифам эстонского народа, при этом довольно свободно относясь к источникам и порой слишком вольно трактуя их сквозь романтически-патриотические очки энтузиаста своего племени.

Пионеры эстонской этнографии, разумеется, должны были опираться на обильный исходный материал, какой составляли многовариантные руны. Чем же были и являются эти руны — зерна, из которых выросла эстонская литература? Согласно энциклопедии, руны (единственное число руно) — это народная форма художественного выражения, изначально представленная как вокал или художественное чтение. Обычно одна строка традиционной рунической песни — *runolaul* — состояла из восьми слаб. Руны с различной длиной стиха или песни складывались в целые поэмы. Зачастую они принимали развернутую форму, пелись, декламировались и записывались от первого лица во множестве эмоциональных проявлений, знакомых эстам и финнам. Классические руны писались четырехстопным хореем и использовали аллитерацию и параллелизм. В принципе руны делятся на магические, лирические и эпические.

¹ Фамилия К. Я. Петерсона (*K. J. Peterson*) также представлена в новейшей литературе без этого архаичного *h*.

В плане повествования рунические песни передавались устно из поколения в поколение, и именно они поддерживали единство народа.

Они воспевали красоту и суровость родного ландшафта, преодоление человеком природы и своей судьбы, а также призывали сохранять память предков и беречь традиции. Руны также очень интимно описывали отношения человека (как единицы, так и общности) с потусторонним миром и сверхчувственной сферой, энергия и сила которой воплощались в образах богов, злых духов, привидений, чудовищ.

При этом стоит обратить внимание на то, что одной мелодии соответствовали различные тексты.

В антропологическом плане в рунах сохранились следы древних верований и обычаев, картины борьбы между отдельными племенами, память о минувших событиях, например, о враждебных нападениях.

Некоторые руны, явно более позднего происхождения, переплетали языческие верования с элементами христианской религии и сюжетами, почерпнутыми из классической литературы. В древнейшие времена руны исполнялись странствующими бардами (эст. *laulik*), которые шли через леса и по бездорожью, заходя в избы и корчмы или навещая ночующих под открытым небом охотников, пастухов или рыбаков. Вечерами или в праздничные дни у костра лаулик, наигрывая на каннели, воспевал «память и самобытность эстонского народа».

Следует признать, что эти исконные руны, сохранившиеся до наших дней, имели некоторые постоянные многовариантные мотивы, упоминали близких персонажей и обладали схожестью повествования. Рунические сюжеты многократно повторяются различным образом. Вот обзор канонических рунических сюжетов, существующих по сей день.

1. Некая девушка находит рыбу, просит брата, чтобы он убил эту рыбу для нее. И оказывается, что внутри рыбы прячется прекрасная женщина.

2. Некое озеро, обидевшись на непристойные выходки распущенной женщины, оставляет свое прежнее место и отправляется в путь в поисках добрых людей, чтобы осесть между ними.

3. Сильные и статные герои не в состоянии убить страшного и огромного быка, а их маленький братик совершает это действие без проблем.

4. Талантливый кузнец кует из золота прекрасную женщину. Ну и что из того! Хотя он в нее и влюблен, он не в состоянии вдохнуть в мертвый предмет ни жизни, ни души.

5. Некую женщину вынуждают убить собственную дочь. Дочь после земной смерти начинает длинную вечную жизнь как воздушная дева.

Следующим этапом креативного развития эстонской мифологии стала ее литературная версия, рожденная из романтического духа и национальной потребности, сильно поэтизированная, отвечающая явным целям и конкретным ожиданиям.

Этот процесс происходил в период национального пробуждения, который для эстонского народа начался в 30-е гг. XIX века. В это время в результате все более широкого распространения общественного и национального самосознания среди крестьянства был признан романтический образ сельской жизни, а также прошлого деревни. Высшие классы, вдохновленные мыслью и идеями И.Г. Гердера (1744–1803), идеализируя действительность, вознесли на пьедестал чистоту и благородство поэзии и иных форм народного творчества. Представление о «незапамятных золотых временах достойной жизни вольных эстов», о их героических вождях и богатырских подвигах, о живописных, хотя и архаичных, верованиях, возобладала над распространенными до того времени взглядами о неотесанных языческих «бестиях в человеческих одеждах». Элиты начали ценить, а точнее переоценивать изначальную невинность этих

«благородных диких», их постоянное крестьянское стояние на своем, сильные и незамутненные цивилизацией связи с родной природой, тем самым полностью отвергая антикварную перспективу, которая стала уделом большинства просвещенных пасторов-энтузиастов XVIII века.

Во второй четверти XIX века, благодаря народному образованию, произошел резкий рост национального самосознания среди эстонцев. Однако интересно то, что сами немцы, изучая эстонский язык (например, в 1847 г., было начато обучение ему в университете в Дорпате, нынешнем Тарту), способствовали развитию крепкого эстонского национализма. Усилилось издательское движение, повсеместным стало чтение газет и книг среди крестьян. В этом процессе лютеранские приходы играли позитивную роль в противодействии русификации и расширении народного просвещения. Можно утверждать, что именно немецкие высшие слои подтолкнули сельское население к национальной деятельности. Роль вдохновителей лучше всего исполняли те, кто под влиянием немецкого романтизма и Гердера инициировал интерес к фольклору и прошлому эстонских земель. Считается, что эстонское движение «национального пробуждения» зародилось в южной части Эстонии, и было связано с таким же движением в Латвии и относительно малым кругом эстонских патриотов, живущих в Санкт-Петербурге. В результате деятельности этих движений эстонцы все более и более оказывались вовлеченными в борьбу не только с русским, но и с немецким дворянством. С момента вовлечения в нее всех общественных классов можно говорить о национальной борьбе в Эстонии, тем более что в связи с развитием торговли и промышленности возросла доля эстонцев в городах, тогда как до этой поры эстонского городского слоя практически не существовало.

На волне национального подъема в 40-е гг. XIX века, два основных будителя самосознания эстонского народа,

воодушевленные предыдущими успехами на этом поле, достигнутыми в Финляндии, а именно Фридрих Роберт Фельман (1798–1850) и Фридрих Рейнхольд Крейцвальд (1803–1882), два врача и филолога из Дорпата, составили из многочисленных народных легенд, сказок и песен, так называемых рун, своеобразную эстонскую мифологию, укрепляющую национальных дух. Фридрих Роберт Фельман сам написал восемь фиктивных мифов, свободно базирующихся на более ранних мотивах, присутствующих в эстонском фольклоре. Именно эти два человека в основном создали эстонскую национальную мифологию, пользуясь при ее построении финскими образцами, например эпосом «Калевала».

Верховным богом этого скорее литературного, нежели этнографического пантеона стал возрожденный бог Таара. Его второе имя — Уку. Тааре должны были поклоняться в священных дубравах в окрестностях Дорпата (Тарту). У него были две дочери — Линда и Ютта. Последняя была покровительницей птиц. Его два сына — Кыу (Гром) и Пиккер (Молния) защищали людей от искушений злого бога подземелий Ванатюхи и его приспешников-демонов. Пиккер имел чудесный музыкальный инструмент — каннеле, игра на котором приводила злых духов в панику и заставляла их убегать. У Пиккера также была несносная дочь Ильматютар — Дева с неба.

Благодаря стараниям Фельмана и Крейцмана в эту квазимиологию и эстонскую традицию попали такие существа как Ванемуйне или Сортс, не имеющие никакого подкрепления ни в исторических, ни в этнографических источниках.

Оба эти первых собирателя и составителя, а за ними пришла целая череда последователей, в сущности, не создавали ничего на пустом месте, так как скрупулезно обращались к подлинным легендам, сказкам, преданиям, которые записывали хотя бы во время врачебной практики в крестьянских избах. Эти объединяющие нацию рассказы они относили

к некоему сказочному правремени, сознательно подчеркивая, что передают услышанные отзвуки, дошедшие из некоего праисточника, и допуская существование некоего праэпоса, повествующего о незапамятной истории эстонского народа.

Эти собиратели и составители, формирующие нацию, много раз подчеркивали коллективный характер передаваемых ими в публикацию рун, утверждая, что данные рифмованные рассказы рождаются естественным образом, веками, циклично и постоянно, и создает их сам народ.

Должны были пройти два поколения, прежде чем серьезные работы, относящиеся к мифологии и религии языческой истории, вышли из-под пера религиоведа-антрополога, пастора Матиаса Йоханна Эйзена (1857–1934). Этот сын директора школы по окончании факультета теологии в 1885 г. стал пастором. Работой, которая ему обеспечила твердое место в истории, стала его книга «Eesti-, Liivi ja Kuura maa ajaloo» («История эстов и ливов»). Исправленное и дополненное издание увидело свет в 1920 г. Особенно ценным на сегодняшний день является его фундаментальная эстонская мифология. Ее первое издание появилось в Таллине в 1918 г. Другие его антропологические работы, достойные быть упомянутыми, это «Tõll ja ta sugu» («Тылл и его род») (1927), «Eesti vana usk» («Древние верования эстов») (1927), «Meie jõulud» («Наше Рождество») (1931), «Kevadised pühad» («Весенние праздники») (1932). Пастор М. Й. Эйзен был активным деятелем Eesti Üliõpiaste Selts и Eesti Kirjameeste Selts, — организаций, имевших большое значение для построения и укрепления эстонской национальной идентичности.

В более близкие к нам времена огромные заслуги на этом пространстве приобрел Уку Масинг (Uku Masing), вернее Хуго Альберт Масинг (Hugo Albert Masing), который родился 11 августа 1909 г. на хуторе Ээду, в деревне Липа и умер в Тарту 25 апреля 1985 г. Это была исключительная фигура

мирового масштаба, феномен и титан мысли. Полиглот, владеющий более чем шестьюдесятью языками, поэт, философ, значительно опередивший свою эпоху, фольклорист, архивист-каллиграф, археолог, публицист, юдофил...

В настоящее время самым выдающимся знатоком родных верований и эстонских традиций считается американский исследователь эстонского происхождения Яан Пухвел (род. 1932), с 2008 г. работающий в университете в Таллине.

Разумеется, современный эстонский фольклор сильно эклектичен. В нем много заимствований из сказок братьев Гримм, из русского фольклора. Мы находим в нем типичные сказочные мотивы и общеевропейских сказочных персонажей. Поэтому также и по старым эстонским замкам, например в Хаапсалу, ночами ходят белые дамы. Также известно и распространено убеждение, что случайно разбитое стекло приносит счастье.

Однако в эстонском народе особенное ощущение национальной самобытности и стремление к возвращению к этническим источникам усилилось после получения первой независимости, после 1918 г.

В 1925–1940 гг. в свободной Эстонии активизировалось неоязыческое религиозное движение, отсылающее к этническому наследию народа, носящее название «Taarausk», или вера в тары. Оно было реакцией на доминирующей монотеизм и секуляризацию официальной лютеранской церкви. В центре этого нового течения находился культ бога Таары со всеми последствиями, вытекающими из программного пантеизма и культа сил природы.

Сподвижниками движения и его идеологами стали национально-ориентированные интеллектуалы, военные, лесники. Идейные принципы Taarausk оформил Юхан Луига (Juhan Luiga) (1873–1927). Горячий патриот, Юхан Луига был участником освободительной войны 1918–1920 гг., историком, специализирующимся на истории эстонских

земель в XIII веке, врачом-психиатром, академическим учителем, публицистом, политиком, депутатом первого парламента независимой Эстонии.

Это он собрал и обработал основной канон текстов Taarausk, популяризировал его. Его последователем стал майор эстонской армии, искренний националист Кустас Утусте (Kustas Utuste) (1884–1941), пользовавшийся до 1927 г. родовой немецкой фамилией — Gustav Kirschbaum. В его деятельности значительную поддержку ему оказывала супруга Марта Лепп-Улусте. Эта пара в 1930 г. основала журнал под названием «Hiis» («Священная роща»), пропагандировавшая Taarausk. В этих кругах весьма динамичной личностью оказалась Марта (или Марта Софья) Лепп-Улусте, педагог, писательница, либреттист, драматург левой ориентации. Она родилась в Варди 12 ноября 1883 г., умерла в Тарту 11 ноября 1940 г. Тогдашние власти благосклонно смотрели на это движение как на один из факторов, формирующих национальную идентичность молодого государства. Уже в мае 1931 г. состоялся конгресс движения, на котором председателем был избран майор Яан Орг. Яан Орг родился в Вильянди 23 марта 1895 г., а умер в ссылке в советском лагере 3 октября 1943 г. Считается, что тогдашнее число членов, т.е. адептов этого движения составляло 171 человек. В более позднее время движение насчитывало уже до 700 человек, что для такой маленькой страны было значительным числом, тем более, что в движение вошли выдающиеся личности, заметные в культурной и экономической жизни страны. В масштабах региона Taarausk стал эстонским эквивалентом подобных неоязыческих движений литовского Romuva и латышского Dievturība. С движением Taarausk связана была интеллектуальная элита тогдашней Эстонии: Юхан Аавик (Juhan Aavik) (1884–1982) — композитор и дирижер, Айно Каллас (Aino Kallas) (1878–1956) — финско-эстонская поэтесса, прозаик и драматург, Эдуард Лааман

(Eduard Laaman) (1888–1946) — публицист и социалистический деятель, Худо Раудсепп (Hugo Raudsepp) (1883–1952) прозаик, драматург, публицист, Хенрик Виснапуу (Henrik Visnapuu) (1890–1951) — выдающийся поэт.

Наиболее активными центрами движения был Таллин — Tallinna Hiis, действовавший с 1931 г., Pühajõe Hiis — базировавшийся в регионе Вырумаа с 1938 г., а также Kose Hiis, который охватывал своей деятельностью регион Харьюмаа.

Члены этого движения называли себя taaralased или taarausulised. Они носили характерный амулет в форме колье или обруча, направленный обоими концами к земле и носящий название tõlet, что является слиянием эстонских слов tõde (правда) и elu (жизнь), а также tee (дорога). Они провозглашали изменение обращений: вместо традиционного härra (господин, от немецкого Herr) и proua (от немецкого Frau) они рекомендовали отечественное isand и emand. Они широко пользовались этнической музыкой, рекомендовали в школах обучать игре на каннели. Они распространяли церемонию инициации, которая носила название asko, что является очередным неологизмом, составленным из слов askus (заклятие) и hiislar, kiislar (священная роща), где эта церемония происходила. Девизом и оптимистическим лозунгом веры была декларация: «Meie usume, et homme pääev on parem tänasest, sest meie aitame sellele kaasa avaldub nii vajalik aktiivne eluhiis» (верю в завтра, которое будет лучше, чем сегодня, и знаю это, так как сегодня я предпринимаю действия, чтобы завтра было лучше). Заканчивается декларация возгласом «Taara avitab» (Таара поможет). Последователи Таары разработали собственный календарь и ритуалы свадебных и похоронных церемоний. В молитвенных целях они бросали монеты в определенные источники, чтобы освятить деревья и столбы, на которых свили свои гнезда аисты, обвязывали эти деревья и столбы цветными лентами.

Taaralased рекомендовали использовать этнические названия отдельных месяцев, которые должны были официально действовать в Эстонской республике. Вот их список.

Прим. Слева названия утверждаемое Taarausku, в середине традиционное название, заимствование из латыни (через немецкий язык) и, наконец, перевод:

Helmekuu — jaanuar — январь

radokuu — veebruar — февраль

urbekuu — märts — март

mahlakuu — aprill — апрель

lehekuu — mai — май

õilmekuu — juuni — июнь

heinakuu — juuli — июль

lõikuskuu — august — август

sügiskuu — september — сентябрь

hingekuu — oktoober — октябрь

talvekuu — november — ноябрь

jõulukuu — detsember — декабрь

Члены Taarausku рекомендовали любые подвижные действия на свежем воздухе, пропагандировали спорт и оборонные учения, краеведение, исследование языка и прошлого страны.

Taaralased или taarausulised составляли очень динамично развивающееся общественное и политическое движение с сильной национальной направленностью. Понятно, что такое движение после 1940 года было запрещено, а его деятели репрессированы с обвинением в националистической и реакционной пропагандой. Многие из них были отправлены в ссылку или были вынуждены уехать.

После 1990 г. идея Taarausku была подхвачена несколькими неоязыческими группами во главе с Maasuk (Вера земли).

СТАРЕЙШИЙ НАРОД ЕВРОПЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЖИВЕТ У СЕБЯ НА ЛИВСКОМ БЕРЕГУ

В настоящее время в Латвии до сих пор живут два исторических народа: латыши — народ балтийской языковой группы, пользующийся двумя близкими языками: латышским и латгальским, а также реликтовый народ финно-угорской языковой группы — ливы¹. Ливы (латыш. Lībieši) — народ, проживающий в настоящее время номинально на северный морской окраине Курляндии, на так называемом Ливском берегу. По-ливски: Līvõd Rānda, по-латышски: Lībiešu Krasts, сегодня это специальное пространство охраняемого в соответствии с постановлением от 25 X 1991 г. наследия, длиной около 60 км с центрами в Мазирбе и Колке. Считается, что охранный территория исторического наследия ливов, называемая Ливским берегом, включает в себя приморский пояс побережья Курляндии, представляющий лесистую и болотистую местность. На административно обозначенном Ливском берегу расположено 12 ливских сел, когда-то рыбацких, начиная с запада:

¹ О ливах и их этногенезе можно узнать больше из моей работы «Тихие страны» (Ciche Kraje — Rzeszów, 2006).

Лужна, латыш. *Lūžņa*, лив. *Lūž*,
Микелторнис, латыш. *Miķeltornis*, лив. *Pizā*,
Лиелирбе, латыш. *Lielirbe*, лив. *Īra*,
Яунциемс, латыш. *Jaunciems*, лив. *Ūžkilā*,
Сикрагс, латыш. *Sīkrags*, лив. *Sīkrōg*,
Мазирбе, латыш. *Mazirbe*, лив. *Irē*,
Кошрагс, латыш. *Košrags*, лив. *Kuoštrōg*,
Саунагс, латыш. *Saunags*, лив. *Sānag*,
Вайде, латыш. *Vaide*, лив. *Vaid*,
Колка, латыш. *Kolka*, лив. *Kūolka*,
Питрагс, латыш. *Pitrags*, лив. *Pitrōg*,
Мелнсилс, латыш. *Melnšils*, лив. *Mustānum*.

Приведем некоторые сведения о Лифляндии, то есть стране ливов, относящиеся к современному региону Латвии Видземе, в свое время населенному ливскими племенами. Исторические данные позволяют определить численность ливов на рубеже XII и XIII вв. в 20 тыс. человек. Перед самым немецким вторжением в XIII веке ливы заселяли, по крайней мере, половину нынешней территории Латвии. Однако немцы огнем и железом осуществляли истребление этого народа, затем последовал процесс постепенной леттизации, к этому добавились многочисленные и кровавые войны, чума, несколько раз опустошавшая Ливонию во время Северной войны, отсутствие институтов власти и государственных традиций. Дополняя картину исчезновения ливского народа, напомним, что в 1852 г. на северном побережье Курляндии проживало уже только 2324 лива, при этом еще присутствовало языковое деление на отдельные диалекты.

Ливы, в настоящее время народ, безусловно, реликтовый, в прошлом зачастую обвинялся в довольно отвратительных привычках, таких как: упорное сохранение язычества, пиратство, колдовство, заклинание ветров в море, пьянство, грабежи, контрабанда алкоголя в Финляндию (в царские времена), кровосмешение и т.д. Тем не менее, следует при-

знать, что высоко ценились также и большие таланты ливов. Ливы всегда считались отличными рыбаками, храбрыми моряками, выдающимися судостроителями, отличными пчеловодами. Бесспорно, ливы являются как нельзя более исконными жителями Латвии. К их происхождению идеально подходит сложная формула, придуманная Черчиллем: секрет, погруженный в тайну. Подавляющее большинство ученых соглашается с тезисом, что ливы являются прямыми потомками первых людей, появившихся на территории современной Латвии. Первой книгой на ливском языке стал перевод Евангелия от Матфея в двух диалектных версиях, который был опубликован в Лондоне в 1863 г. Публикация этих книг была оплачена принцем Луи Люсьеном Бонапартом (1813–1891), химиком, филантропом и энтузиастом исчезающих языков.

В числе тех этнографов и лингвистов, которые более других способствовали спасению ливской культуры и языка, можно назвать А.Й. Сьёгрона (A. J Sjögron) (1794–1859), отца ливистики, академика из Петербурга, финна со шведскими корнями. Затем, уже в XX веке, такими учеными-энтузиастами были Эмилс Несторс Сетеле (Emils Nestors Setele), Оскарс Лоритсс (Oskars Loritss), Лаури Кетуненс (Lauri Ketunens), И.Нейланде (J. Neilande) и др. Особые заслуги в сохранении и архивации культурного наследия и ливского языка принадлежат двоим ученым: линскому лингвисту, этнографу, поэту, писавшему стихи, в том числе и на ливском языке, Лаури Кетуненсу (Lauri Ketunens) (1885–1963) и эстонцу, его ученику и соратнику, крупнейшему современному собирателю эстонского и ливского фольклора, также поэту, пишущему по-ливски Оскарсу Лоритссу (1900–1961). При этом следует принять во внимание тот факт, что большинство ведущих исследователей ливского языка и культуры принадлежали к кругам ученых финского и эстонского происхождения. Эти ученые естественным образом смотрели

на ливов сквозь финские и эстонские очки, подчеркивая то, что является общим для всего финно-угорского этноса.

В период первого независимого латышского государства перепись населения проводилась каждые пять лет. Численность ливов в Латвии соответственно составляла в 1920 г. — 831, в 1925 г. — 1238, в 1930 г. — 962, в 1935 г. — 944 человек. В период независимой Латвии ливы, поддерживаемые родственными финно-угорскими народами, такими, как финны, эстонцы, предприняли шаги, направленные на сохранение их этнической идентичности. К сожалению, период межвоенного двадцатилетия оказался слишком кратким для того, чтобы эти шаги могли принести какой-либо ощутимый результат. Уже после первой мировой войны увеличилось число смешанных браков, в которых в семьях говорили на латышском языке. Молодое поколение, воспитывавшееся в латышских школах, по латышским программам, быстро включалось в жизнь государства, в котором официальным языком был латышский. В новое время ливов было просто недостаточно для того, чтобы они могли успешно противостоять этому привлекательному процессу латтизации. Статистические данные того времени показывают, что в 1935 г. в районе Ансе проживало 370 ливов, что составляло 13,05% от всех жителей, в районе Дундага — 595 ливов, или 6.15% от всех жителей. В то время ливы составляли 0,048% всего населения Латвии. Наряду с «чистыми ливами»¹ на Ливском берегу преобладало смешанное население из нескольких национальностей. Всего в 12 деревнях, называемых ливскими, проживало 2746 человек. Из них: ливы — 892 (32%), латыши 1735 (63%), цыгане (33 человека), эстонцы (29 че-

¹ Чистыми ливами считаются те люди, которые имеют документированное ливское происхождение как по отцу, так и по матери, что вовсе не означает, что они знают ливский язык.

ловек), немцы (18 человек), евреи (14 человек), русские (9 человек), белорусы (5 человек), поляки (4 человека), литовцы (3 человека), шведы (1 человек), французы (1 человек), украинцы (1 человек). О владении ливским языком в 1935 г. сообщили 790 человек, или 29% жителей Ливского берега. В период немецкой оккупации немцы провели одну перепись населения в 1943 г., тогда насчитали 455 ливов. В советский период переписи населения зафиксировали в 1948 г. — 800 ливов, в 1959 г. — 185 — драматическое сокращение (из них лишь 87 человек знали ливский язык), в 1970 — 139, в 1989 — 135 человек. Лишь с 1989 г. ливы смогли без опасения демонстрировать свою скрываемую до сей поры национальную идентичность.

В настоящее время латыши как народ и государство делают очень много для сохранения или скорее спасения ливского наследия. Ливский берег как охранный территория культурно-природного ландшафта был утвержден 25 октября 1991 г. постановлением Совета Министров Латвийской Республики № 289 «Об особой государственной охране Ливского берега как охранной историко-культурной территории под названием Ливский берег, (лив. *Līvõd rānda*, латыш. *Lībiešu krasts*), и утверждении его правового статуса». Латвийское правительство законодательно успешно охраняет эту территорию от поглощения иными народами, в том числе латышами, запрещает менять историческую застройку деревень. На этих территориях также запрещено строить гостиницы, рестораны и другие объекты, которые могли бы нарушать культурно-историческое своеобразие ливов. Усилия правительства, заинтересованность этой проблемой в Европе, старания энтузиастов и ученых, солидные деньги, благоприятная атмосфера все же оказываются недостаточными. Колесо истории, а вернее ее жестокой мельницы, перемалывающей более слабых, и на этот раз не удастся остановить. Перепись населения 1999 г.

приводит данные о 185 представителях данной национальности. Исследования этнографов и антропологов в 2000 г. определяют количество ливов в 177 человек. С 2004 года ливы имеют право указывать в своих официальных документах ливскую национальность.

В соответствии с последними данными ЮНЕСКО от февраля 2004 г., лишь 46 коренных ливов знали собственный язык, трудно оценить, в какой степени. Некоторые источники указывают, что свободно речью и письмом могли пользоваться 15 человек. Значительно больше людей, выучивших ливский язык, но не имеющих никаких этнических связей с ливами: немногие из-за здорового снобизма, большинство же скорее из-за естественной тоски по чему-то оригинальному, чему-то стабильному. Это своеобразная форма поисков абсолюта в нашем бренном мире. По этому принципу стихийно возникло своеобразное благородное «масонство», состоящее из представителей разных стран: скандинавские страны, прежде всего, Эстония, конечно же, Латвия, США, Швейцария, — людей разных профессий, разного возраста, бескорыстно увлеченных ливским языком, обычаями, культурой и т. п.

В КОНЦЕ МИРА ЛЕЖИТ СЕТУМАА

Юго-восточная часть современной Эстонии и прилегающие к ней российские территории — это особенные регионы, называемые по-эстонски Setumaa, а в диалекте сету — Setomaa. Регион периферийного пограничья характеризуют этническое и религиозное разнообразие. Говорят, что настоящие сету живут на границе двух миров — (эст. *katõ ilma veere pääl*) — культуры, религии, ментальности, обусловленной православной верой, и прагматизма и солидности вещей, которые характеризуют лютеранство. В настоящее время Сетумаа заселяют частично православные эстонцы сету, православные русские, а также все более многочисленные лютеране¹, переселенцы из собственно Эстонии. Сетумаа, хотя природа этой земли небогата, имеет очень длинную традицию поселений. Археологические исследования подтверждают, что эти земли были заселены уже 8400 лет тому назад. Близкое соседство Латвии и России привело к тому, что в Сетумаа сходятся балтийские, финно-угорские и славянские влияния. С этнографической точки зрения коренное население Сетумаа — народ

¹ Эти лютеране в Сетумаа, так же как и всё протестантское население Эстонии, сегодня сильно секуляризовано.

сету является эстонской этнографической группой, которая подверглась русскому влиянию и приняла православие, в отличие от доминирующей части общества, сохраняющей лютеранское вероисповедание. Рубежи этих культур, языков, ментальности, а также архаичные общественные структуры и доминирующая местная культура создали регион со спецификой, не имеющей аналога нигде в Европе.

Известно, что сету как пограничное население именуется иногда полуверниками, или полуверцами, или даже, как презрительно говорят русские, полуверующими ввиду отсутствия однозначной принадлежности к соседствующим религиям, лютеранской и православной. Определение идет из XIX века. Его звучание очень обидное и дано было русским православным клиром. Подобное значение имеет этноним сету, происходящий, скорее всего, от эстонского выражения: *ej see, ej tuu*, что на русском звучит как «не эстонец и не русский». И вот таким насмешливым образом определили Сетумаа. Термин «сету», использованный в литературе в 1860 г., несмотря на неясную этимологию, имел уничижительное значение. Возможно, он происходил от эстонского слова *segu*, означающего «мешанина».

Общность сету была и все еще остается второстепенной по отношению к коренным эстонцам, особенно с экономической точки зрения, архаична в своих структурах и обычаях. Например, на этой территории долго сохранялась повсеместная практика ходить повседневно в национальной одежде. Эта особенность сету стала предметом недоброжелательных анекдотов, поскольку эстонцы-лютеране встречались с представителями группы сету в основном как с самыми низкооплачиваемыми батраками и странствующими от деревни к деревне торговцами вразнос и ремесленниками, например лудильщиками и т.п.

История расселения и связанная с ним проблема возникновения этногенеза сету по-прежнему остается предметом

споров и спекуляций. По мнению этнографа Пауля Хагу, который сам происходит из группы сету, эту группу образовали потомки поселенцев, прибывших в XVI и XVII вв. из расположенного на юге Эстонии края Вырумаа, колыбели южно-эстонского языка.

Другие исследователи утверждают, что упомянутые поселенцы лишь присоединились к уже живущему там народу. В соответствии с этой теорией, изначально население Сетумаа представляло собой племя или свободный союз нескольких племен, принадлежащих к языковой группе балтийско-финских народов, которые занимали территории, расположенные на восток от Пскова, а также от Чудского озера, и которые в более поздний период подверглись русификации. Согласно этой теории, часть жителей Сетумаа избежала русификации благодаря наплыву поселенцев из южной Эстонии, которые со временем преобразовались в самостоятельную этническую группу сету. Третья концепция, наиболее радикальная, предполагает, что сету является совершенно независимым племенем, которое в благоприятных обстоятельствах могло бы создать собственный этнос. Сами сету всегда утверждали, что до христианства у них не было никакой веры, в отличие от остальных эстонцев, у которых, по мнению сету, существовала языческая религия. В качестве доказательства своей дохристианской чистоты сету зачастую приводят как пример бога Таара, верховного бога дохристианских эстонцев, утверждая, что у них такой или подобный бог не появлялся. Действительно, именно православная обрядовость в сочетании с периферийным положением края относительно главного течения истории эстонского народа сформировала этногенез народа сету.

Индрек Яатс, еще один исследователь этой проблемы, приводит две очередные теории относительно происхождения сету.

В соответствии с первой из них, сету являются потомками крестьянства, бежавшего от феодального притеснения

в эпоху позднего средневековья или в начале нового времени. В соответствии со второй, сету заселяли эти территории всегда. Их пращуры жили здесь уже за 2000 лет до нашей эры. Несмотря на трудности с определением истории группы, одно представляется несомненным — они принадлежат к финно-угорскому населению.

Сетумаа, т.е. земля сету, сосредоточена вокруг Печор (Petseri), которые в межвоенный период были административным центром Petserimaа. Географические границы этого региона нечеткие, т.к. являются результатом исторических процессов между современной Эстонией и Россией, становясь тем самым границами культурного, религиозного и цивилизационного деления. Понятно, что история Сетумаа является составляющей историей Эстонии и России, типичной историей пограничья.

В XI веке юго-восточная часть современной истории Сетумаа была ленником киевского княжества, а с XIII века территории Эстонии и Литвы стали целью немецкой экспансии, когда племена латышей, ливов и эстонцев оказались под натиском немецких христианских миссионеров и купцов с юга, а датчан — с севера. Пришельцы навязали типичную для того периода социальную систему, создав высший класс, в то время как местное население оставалось крестьянским. Клир также происходил из Германии, а наиболее влиятельные в то время ордена, проповедовавшие, однако, на местном языке, были доминиканцами, цистерцианцами, францисканцами и бригиттками. Города того времени развивались быстро, становясь торговыми и ремесленными центрами: Таллин, Тарту, Вильянди, Пярну были членами Ганзейского союза. Религиозная реформация также пришла туда без опоздания. В XVI веке эстонские города охватила волна реформации, формирующая религиозную структуру по немецким образцам. До настоящего времени Эстония номинально остается в основном лютеранской.

Русское влияние на территорию современной Эстонии связано с российской экспансией в направлении Балтики. Самый старый фрагмент общей истории России и эстонского населения связан с походом Ярослава Мудрого. В XI веке он покорил юго-восточную часть Эстонии, основав в 1030 г. город Юрьев, в настоящее время Тарту. Тогда в городе появились первые православные храмы, несмотря на то, что до XIII века страна оставалась нехристианизованной. Эти территории эстонцы отбили в 1061 г. Когда же в начале XIII века немецкие феодалы покорили Эстонию, граница между старой Ливонией и русскими княжествами постепенно стабилизировалась. Она отделила Сетумаа от Эстонии и стала представлять собой стык между двумя конфессиями — католицизмом (с XVI века протестантизмом) и православием, господствующим на Востоке. Когда в начале XVIII века вся Эстония была включена в состав Российской империи, граница между Эстонией и Сетумаа исчезла, остался лишь конфессиональный и ментальный барьер. Географические рамки этого деления обозначили одновременно границу Сетумаа. В XIII веке граница между владениями немецких и новгородских вельмож проходила вдоль реки Мядайыги и выше достигла Пиузы, тем самым Сетумаа осталась на восточном берегу. После упадка Новгорода она была включена в московские земли как часть псковского округа и в последующие столетия реки Мядайыги и Пиуза составляли западную границу России, которая исчезла только в 1721 г., когда царская Россия присоединила все эстонские земли.

Граница двух губерний разделила на две части Сетумаа, а также закрепила разделение между восточным и западным христианством.

Деление это было, по мнению некоторых исследователей, искусственным, а влияние православия на сету имело поверхностный характер и сводилось к обрядовости. Главной причиной сохранения группой сету финно-угорского

этноса является языковой барьер в отношении русского языка. Скорее всего, благодаря этому культура сету сохранила множество необычайно архаичных дохристианских элементов, например реликтовую структуру сельской общины, похожую на ту, какая была в русской деревне до 1917 г. Разумеется, в этой связи возникает естественный вопрос — сету или русские первыми создали эту структуру? На этот вопрос мы не найдем однозначного ответа.

В российской историографии высказывалось мнение, что местное население Печорского края: сету, этнические эстонцы, подверглись влиянию русской культуры и православной церкви. С момента основания в 1473 г. важным центром российской религии и политики стал Печорский монастырь. Это очень общая картина истории влияний над территорией Сетумаа. Сами сету, особенно те, которые уверены в самостоятельности своего региона, очень радикально определяют исторические рамки религиозной самобытности Сетумаа. Существует концепция, предполагающая, что сету приняли православие уже в 988 г., во время крещения киевской Руси. Однако следует ее считать слишком рискованной. С уверенностью можно сказать, что дата основания Печорского монастыря, 1473 г. — это самый поздний из возможных моментов христианизации сету. Историк Ааре Хырн, сам, как мы помним, сету, сильно заинтересованный в поисках идентичности своего региона, является автором подробного эссе о влиянии православия на Сетумаа.

По его мнению, истоки восходят к X–XV вв. и связаны с Изборском, находящимся в юго-восточной части региона, в границах России. Для сету он был главным культурным центром. Отсюда православие должно было распространяться на соседние регионы, постепенно вытесняя старые верования. Первая церковь и монастырь в регионе возникли в XIII веке, в Изборске. В 1473 г. возник Печорский мо-

настырь, духовное, материальное политическое и военное значение которого распространялось в самые отдаленные уголки Сетумаа. Позиция православия особенно укрепилась в продолжение XVII–XVIII вв., когда на территории всего региона возникли церкви. Следующий существенный шаг в распространении православия относится к XVIII и XIX вв., когда был введен местный язык — диалект сету, происходящий от южно-эстонского языка с сильными славянскими влияниями в литургии. Одновременно подпольно практиковались старые обычаи, некоторые из которых, особенно погребальная обрядовость, проникли в фольклор сету из православной традиции.

В 20–30 гг. XX века клир и язык литургии подверглись полной и принудительной эстонизации. В семинарии, созданной при Печорском монастыре, было введено обучение на эстонском языке, что привело к формированию местного клира сету. После 1945 г. к СССР, в настоящее время России, окончательно перешли следующие приходы Печорского района, составляющие основу Сетумаа: Senno, Petseri, Vilo, Linnuse, Roodova, Lõuna. В советское время многих православных священников сослали в Сибирь или расстреляли. Нормальная деятельность церкви была нарушена, а местами и невозможна.

Отличительной особенностью обрядовости сету является их особенное отношение к праздничным дням. В Сетумаа, ввиду используемого юлианского календаря, множество праздников празднуется в иное время, нежели в остальной части Эстонии. Некоторые праздники отмечаются лишь в одной местности, с участием только местных общин. Каждая местность имеет своего духовного покровителя и вообще покровителя местной церкви, в честь которого отмечается праздник. В Вярска это, например, Юрьев день, в Выпсу — день святого Николая и т.д. Сету отличает особенный культ богородицы и особое религиозное рвение.

Большинство празднований в Сетумаа проходят по схожей схеме. Главными элементами являются богослужение с пением и посещение могил умерших. На кладбища ходят во время всех важнейших праздников. На могилах можно тогда увидеть различного рода еду и напитки. Их потребляют на могилах, возле которых собираются близкие и друзья покойного. В честь покойных поднимаются тосты водкой. По сей день у сету сохранился обычай делиться едой на могилах с мертвыми.

Имущественное и гражданское состояние женщины (ее семьи) у сету можно узнать по количеству и качеству носимых ею серебряных украшений, например браслетов и ожерелий. Общий вес этих украшений мог превышать 5 кг. Специфика построек в Сетумаа заключается в стремлении к максимальной изоляции отдельными семьями собственного двора от глаз соседей. Поэтому некоторые хозяйства полностью отгорожены. По различным оценкам, численность коренных сету в самой Эстонии в настоящее время достигает 10–13 тыс. человек, из которых только около 3–4 тыс. живут на своей земле в Сетумаа. Сами сету оценивают свою группу максимум в 20 тыс. при этом несколько семей осели в Сибири. Центр эстонского Сетумаа находится в Вярска — городке, расположенном на берегу Чудского озера.

В настоящее время коренные сету общаются внутри своей этнической группы на одной из разновидностей диалекта южно-эстонского языка.

ГЕРОИ, КОТОРЫЕ ЖИЛИ, И МИФЫ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ НА САМОМ ДЕЛЕ

Считается, что национальная идентичность выражается в пяти основных формах выражения сообщества:

1. Само существование нации, определяемой как устойчивая общность, объединенная традицией, цементирующими отличительными признаками, такими как отдельный язык, памятные даты, мифы, травмы и легенды, символы и чувство ответственности за прошлые достижения, то есть тем, что может быть описано как национальный дух. В этом аспекте необходима общая повторяемость свойственного данной нации в экстремальных ситуациях поведения, например, во время войны — развертывание партизанской борьбы.

2. Постоянное культивирование и расширение коллективной памяти и символов, например через художественное творчество.

3. Проектирование коллективного будущего через коллективное осуществление такой деятельности, как образование, эффективная обороноспособность, пропаганда своих достижений за рубежом, защита доброго имени от недоброжелателей. Бережное отношение к наследию прошлых

поколений, воплощенному, например, в исторических объектах, кладбищах, памятниках, собраниях музеев и библиотек, фольклоре и родной природе.

4. Постоянное стремление к обеспечению своей общности безопасной территорией, по крайней мере, традиционно признаваемой собственной, родной.

5. Предпочтительно положительное положение своей общины по отношению к соседям и надгосударственным союзам. Поэтому, например, в разговорной речи англичане не ценят французов, что, однако, не означает, что их презируют или, тем более, ненавидят.

Сакрализация и обожествление исторических фигур, реальных событий и символических актов, имевших решающее значение в истории нации, а также значимых коллективных действий, служащих всеобщему благу, например национально-освободительных движений, широко и повсеместно распространены. Большинство исторических героев, принадлежащих какой-либо нации, окружены почти божественным культом. Их именами называются улицы, корабли, ордена. В Польше примером могут служить такие фигуры, как маршал Юзеф Пилсудский, папа римский Иоанн Павел II. Подобным образом обстоит дело и с коллективным прославлением целых организаций или событий, например Армии Крайовой, первой «Солидарности» 1980 г., Грюнвальдской битвы. Каждый народ имеет и свои национальные некрополи, в которых с почестями погребены тела знаменитых сородичей. В Польше это кладбище на Повонзках в Варшаве, в масштабах региона — Раковицкое кладбище в Кракове, до 1938 г. — Лычаковское кладбище во Львове, и т.п.

Также каждый народ выработал свои обычаи, которые позволяют либо воздавать почести выдающимся, заслуженным деятелям данного народа, либо возрождать и укреплять чувство национальной гордости и взаимной солидарности. Визуализацией этих государственных идей являются

памятники, шествия, военные парады, мемориальные доски, торжественные собрания в честь кого-либо, и т.п. О выдающихся людях и решающих событиях истории постоянно создается своего рода агиографическая литература. О них снимаются фильмы, поются песни, история и деяния таких национальных героев изучаются детьми в школах.

Сакрализации и мифологизации также подвержены здания и предметы, например коронационные мечи, в частности польский Щербец, памятники, например варшавская Колонна Зигмунта, строения, такие как дворец в Королевских Лазенках или краковский Вавель. Люди и факты по разным причинам наделяются героическими чертами и свойствами. Благодаря этому они легко становятся объектами фольклора, героями анекдотов, символами, которые определяются лидерами нации или кругами, формирующими общественное мнение, депозитарием образцовых личностных качеств. Они становятся своеобразными эталонами для оценки других людей, иных действий и событий. Они также являются полезными ориентирами патриотического воспитания и образцами поведения.

Эстонская культура и обычаи также вписываются в этот общий процесс формирования и закрепления собственной национальной мифологии через культ своих отечественных героев, празднование годовщин памятных событий.

Ако (Ако) — исторический, мужественный ливский воин с острова святого Мартина на Даугаве. Дата рождения неизвестна. Погиб в 1206 г. Сражался с немцами, организовал восстание ливов в 1206 г.

Ebavere (Эбавере) — гора высотой 146 м в прекрасном лесу, находящаяся у югу от Väike-Maarja в районе Virumaa. Хронист Генрих Латыш считал это место местом рождения великого бога Тарапити, который в облике змея или огненного дракона полетел на остров Сааремаа / Эзель. В языческие времена Эбавере воспринималось как своеобразный

Олимп, обитель богов. Каждый год преступным богам приносилась в жертву самая красивая девушка. Отсюда название горы Eba-vege, что означает «кровь Эбы» (Эба — гипотетическое имя одной из жертв). Видимый летом по утрам туман, стелющийся над вершиной, — это не что иное, как дым, выходящий из труб большого подземного города, который находится под горой. Раз в год, в ночь накануне Иванова дня, можно попасть в подземный город, который оживает: в нем открываются лавки и трактиры, его жители веселятся, ходят за покупками и т.д. Одна из сказок повествует о некоем пастушке, который случайно, пытаясь найти пропавшую телочку, попал в подземный город под горой Эбавере. Однако подопечной коровки он не нашел. Отчаявшись и уже возвращаясь на землю, он повстречал трех седобородых почтенных старцев, которые сидели у костра. Пастушок пожаловался им на свое несчастье, а старцы насыпали ему в шляпу углей из костра. Угли эти уже на поверхности превратились в золотые монеты.

Существует также поучительная история о колдунье из Эбавере. Давным-давно одна алчная женщина пожелала стать самой богатой на всем белом свете. И ради этого она продала свою душу Князю тьмы, то есть дьяволу. Дьявол выполнил условия контракта, и алчная женщина действительно стала неслыханно богатой. Однако когда пришло время, дьявол напомнил о себе. Алчная женщина вместе со своим домашним хозяйством, скотом и накопленным добром провалилась под землю, как раз под гору Эбавере, и уже во владениях дьявола начала присматривать за его стадами. Говорят, что раз в год колдунья из Эбавере выходит на свет, чтобы найти себе помощника: пастушка или пастушку. В этот день она бродит по лесу вокруг Эбавере и имеет право забрать себе в качестве помощника непослушного ребенка, который врет, не слушается родителей, не уважает старших, разоряет птичьи гнезда, топчет цве-

ты, ломает ветки молодых деревьев. Но добрым и спокойным детям опасаться нечего.

Другая поучительная история, связанная с этим местом, повествует об одном нищем, которого мучил страшный голод. Этот несчастный чудесным образом прошел через ворота подземного города. В заколдованном городе он наелся и напился досыта, попробовал самые лучшие блюда. Однако, будучи слабым человеком, не удержался от искушения и наполнил свою шляпу украденными золотыми и серебряными монетами, а, кроме того, прихватил элегантные и дорогие кожаные перчатки. Его алчность была наказана: вернувшись домой, он не нашел в своей шляпе монет, только горсть сухих листьев, а вместо изысканных перчаток — два огромных листа лопуха.

Говорят, что давным-давно большая и злобная река протекала рядом с горой Эбавере и постоянно ее подмывала. Такая наглость очень рассердила гнома, который жил внутри горы и был ее покровителем. Гном отправился с жалобой к богу Уку, чтобы попросить верховного бога пресечь недостойные проделки нахальной реки. Бог Уку принял решение, что гному нужно побегать наперегонки с эльфом, который жил в реке, и с которым гном давно был не в ладах. Правота будет признана за тем из соперников, кто первым добежит до финиша. Забег выиграл гном, и река вместе с эльфом вынуждена была отправиться в другую местность. На основе этой легенды великий эстонский писатель Юхан Лиив (1864–1913) создал одну из своих театральных пьес.

Мистический и мифический холм Эбавере вдохновил многих поэтов. Якоб Тамм посвятил ему 16 сонетов и целый ряд других небольших произведений. Поэтесса Керсти Мерилаас написала поэму о Колдунье из Эбавере. Элурд Леппик обработал 7 легенд, связанных с этим волшебным местом.

Imauts (Имаут) — лив, который 24 августа¹ 1198 г. под Ригой убил епископа Бертольда Шульте из Ганновера.

Isamaaliit — (эст.) Отечественный Союз, единственная политическая организация, действовавшая легально в Эстонии после марта 1935 г., поддерживавшая правление триумvirата тогдашних ведущих политиков — Константина Пятса (Konstantin Päts) (1874–1956), генерала Йохана Лайдонера (Johan Laidoner) (1884–1953) и Карда Эйнбунда (Karl Einbund) (1888–1942). Была создана по образцу польского Беспартийного блока для сотрудничества с правительством (BBWR), но была значительно более успешной.

Kaali — на острове Сааремаа / Эзель местность, и, прежде всего, комплекс из 9 кратеров, вызванных падением метеорита. Падающий метеорит еще в атмосфере распался на более мелкие фрагменты и разбился, ударившись о землю со скоростью 10–20 км/с. Катаклизм произошел около 7600–7500 г. до нашей эры. Самая большая впадина, в настоящее время озеро, имеет 110 м в диаметре и глубину 22 м.

Kadriorg (Кадриорг) — в Таллине, живописный парк во французском стиле, в 2 км от Старого города на восток. Парк можно сравнить с Королевскими Лазенками в Варшаве. Он создан с большим вкусом итальянским архитектором Николо Микетти и хорошо ухожен. Его название по-эстонски означает Долина Екатерины. Название парку было дано в честь жены царя Петра I — Екатерины, в девичестве Скавронской² (1683–1727), впоследствии царицы Екатерины I (1725–1727). Парк был основан в 1714–1716 гг. и являлся летней резиденцией царя Петра I. В особняке 1725 года,

¹ В некоторых работах приведена дата 24 июля 1198 г.

² Больше информации читатель может найти в моей работе «Словарь мифов и национальных традиций народов Эстонии, Литвы и Латвии» („Słownik mitów i tradycji rodzimych narodów Estonii, Litwy i Łotwy” — Starachowice, 2010).

выполненном в стиле итальянского барокко, отделанном изящной лепниной и ценными фресками, в настоящее время находится резиденция президента Эстонии. Особенно приятное впечатление производит Представительский зал. В парке регулярно проводится Праздник песни в великолепной постановке. Также здесь расположены четыре музея, один из которых, камерный, посвящен личности царя Петра I и расположен в белом домике.

Kaitseliit — эстонский Союз / Лига обороны — полное название Eesti Kaitse Liit. Массовая парамилитарная организация, возникшая в 1918 г. Ее численность доходила до 100 тыс. человек. В октябре 1925 г. начал издаваться начал издаваться ее печатный орган „Kaitse Kodu!» — „Защити свой дом!» — в эстонской традиции эквивалент польского «Стрельца». В советское время организация была запрещена, после 1991 г. возрождена, в настоящее время насчитывает около 8 тыс. членов.

Каупо (? — 1217) — по-латински Каупо, то есть трактирщик, на средневековом верхне-немецком Кбре vel Kobi, староста ливов из Турайды. В хронике Генриха Латыша Каупо упоминался по-латышски как «it kã karalis» (лат. quasi rex; VII:3) — почти король. Точно хронист называет Каупо «quasi rex et senior Livonum» — почти король и старший в Ливонии, а уже его потомка Весикуса (Vesiķis) определяет только как «Livonum princeps ac senior» — князь и старший над ливами. Каупо, молодой и горячий вельможа уже в 1191 г., скорее всего, одним из первых ливов из региона Турайды принял новую веру и христианское имя Jēkabs — Яков. Каупо, рьяно пропагандировавший новую религию, как каждый неопит, своего поведения не изменил, несмотря на угрозы и нажим со стороны своих земляков, в результате столь же ярым аббатом-цистерцианцем Теодорихом из Дюнамюнде в 1203 г. он был отвезен в Рим (возможно, уехал вместе с самим братом Теодорихом (?— 1219)).

В столице святого Петра Каупо был щедро вознагражден и обласкан самим папой римским, которому пожаловался на бесчинства язычников-литовцев. От папы он получил благословение и 100 золотых дукатов (*centum aureus*), а кроме того и особенную награду — ценный список Священного Писания, который находился еще в 1501 г. в библиотеке рижского Кафедрального собора. Однако самой горячей веры Каупо оказалось недостаточно для рижского епископа Альберта, который в ответ на поддержку Каупо ордена в споре с епископом сжег замок, построенный Каупо в 1214 г. Имевший горький опыт со своими крестьянами, Каупо твердо держался своей веры, не уступая напору земляков, которые продолжали пребывать в язычестве, и вместе с немцами отправился с целью грабежа на земли отважных и еще языческих эстов. Во время этого похода Каупо принял участие в громкой битве близ Вильянди, где правил героический староста неггибаемых эстов Лембиту. 21 сентября 1217 г., во время этой битвы был смертельно ранен.

Kūolka — песчаная коса, максимально уходящая в Балтийское море на Курляндском полуострове. Близкое море изобилует многочисленными и предательскими отмелями, которые становятся причиной морских катастроф, поэтому обоснованным кажется вывод, объясняющий происхождение ливского слова *kuolka* или *kūolka* — жди смерти. Латышское название *Kolka*. Место проведения древних культов и ритуалов жертвоприношения, в том числе и кровавых, ливами-язычниками.

Kuperjanov Julius (Куперьянов Юлиус) — родился 11 октября 1894 г. по новому стилю в России, погиб в 1919 г., легендарный эстонский партизан и поручик, командир батальона штурмовиков, герой Освободительной войны. Ранее он сражался в рядах царской армии, награжден орденами Святой Анны, Святого Станислава, Святого Владимира и Георгиевским крестом. Эстонский эквивалент польского

полковника Леопольда Лиса-Кули. Смертельно ранен, уже будучи полковником, под Валгой 2 февраля в сражении с большевиками. Был похоронен в Тарту.

Leinberg Juhan (Лейнберг Юхан)(1812—1885), известен как пророк Малтсвет. Был харизматичным основателем религиозной секты *Maltsveted*. С 1854 г. начал проповедовать свое учение, предвещая неизбежные кардинальные изменения, в том числе близкий конец света, и призывая отказаться от земных благ и сосредоточиться на молитве и аскезе. В 1858 г. ненадолго попал в тюрьму, что только прибавило ему последователей, число которых достигло 300 семей. В феврале 1860 г. он объявил о необходимости переселения в Крым, куда избранные должны были отправиться на борту ожидаемого «Белого корабля». Самые преданные ему адепты безуспешно ожидали в июне и июле 1861 г. прихода «Белого Корабля» на холме Ласнамяэ.

Lembitu — лат. Lembit. Храбрый староста из Сакалы — одной из общин свободных эстонских племен. Был убит в бою с немцами в Вильянди / Феллине 21 сентября 1217 г. Столицей Лембита была Лехола, расположенная недалеко от нынешнего города Сууре-Яани. Менее известные вожди племен из Сакалы, участвовавшие в боевых действиях 1217 г., носили имена: Wottele, Meme, Manihalse, Unnpereve.

Маарпэев — Земский совет или государственный сейм Эстландской губернии, управляемый Советом старейшин. Первое представительство эстонского народа на начальном этапе становления первой независимости эстонцев в 1917–1919 гг. Его первое заседание состоялось 1 июля 1917 г. в Ревеле. Первым председателем стал Яан Раамот (1873–1927), а вторым, с октября 1917 г., Константин Пятс (1874–1956).

Maarjamaa — по-эстонски Земля Марии, по-латышски Svētās Marijas Zeme, так в 1201 г. епископ Альберт назвал

Ливонию в честь Пресвятой Богоматери. Во время заседания Четвертого Латеранского Собора, в 1215 г. папа Иннокентий III объявил Ливонию, наравне с Палестиной, мессианской страной и стал именовать ее «Землей Марии» — лат. *Terra Mariana*, тем самым благословив крестовые походы на ее территории. Это название сохранялось столетиями среди местного населения, живущего на этих землях, как определение собственной страны. В то же время употребление нынешних названий, таких как Эстония и особенно Латвия, — значительно более позднее.

Maasuk — Вера Земли — Основное течение мысли и одновременно эстонская национальная форма модернизма, относящая к отечественным языческим традициям. Его институциональной эманацией является действующая с 1995 г. и восходящая к аналогичным движениям в межвоенный период община «*Maavalla Koda*» — Отечественный дом. Она активно действует в академических и интеллектуальных кругах, экологически и национально настроенных. В 2000 г. официально языческие общины насчитывали 1058 активно работающих членов. *Maasuk* непосредственно связана с подобным неоязыческим движением до 1940 г. под названием *Taarausk*. Ранее, в заключительной фазе существования СССР, эстонское неоязыческое движение начало возрождаться в виде децентрализованных местных инициатив. Примером такой инициативы может служить создание клуба защиты наследия «*Tolet*», который действовал в Тарту в 1987–1994 гг. Члены клуба, в частности Арт Лете, нынешний заместитель директора Эстонского национального музея в Тарту, организовывали календарные праздники, вели издательскую деятельность, издавали журнал «*Hiis* — Священная роща».

Другим местом деятельности язычников стал центр, основанный Аддольдом Моссином (*Addold Mossin*) (род. 1919) при поддержке Андро Рооса (род. 1983). Это языческий центр, расположенный в купленных для этой цели сельских

постройках, примерно в 40 км от Тарту. Там был создан деревянный храм, где проводятся обряды.

Очередным примером неоязыческого возрождения был действовавший в Тарту в 1987–1994 гг. клуб интеллектуалов под названием „Tžlet». В 1992 г. в него входили 130 членов.

Metsakalmistu — лесное кладбище, в Таллине, в районе Пирита. Национальный некрополь эстонского народа. Местоположение в сосновом лесу на холмах превосходно передает крестьянский дух народа. Кладбище Metsakalmistu было официально открыто в 1939 г. и в то время считалось пантеоном вечного покоя национальных величин. Вечный покой на нем нашли, в частности, героический первый президент, погибший в советских лагерях Константин Пятс (1874–1956) и второй президент возрожденной Эстонии Леннарт Мери (1929–2006), писательница Лидия Койдула (1843–1886), величайший прозаик эстонской литературы Антон Хансен Таммсааре (1878–1940), чемпион мира по шахматам Пауль Керес (1916–1975), композитор Раймонд Валгере (1913–1949), певец и дирижер Георг Отс (1920–1975). Первым человеком, который удостоился почетного погребения на этом кладбище был известный писатель Эдуард Вильде (1865–1933).

Mulks — черная куртка, одежда, которую носит эстонское крестьянство, в прошлом также пренебрежительное определение эстонского народа, используемое немецкоязычными высшими классами. Mulks трактуется как символ их крестьянского упорства и положительных национальных черт: трудолюбия, гордости и любви к родной стране.

Oleviste kirik — церковь святого Олафа. Самая красивая сакральная постройка во всей Эстонии. Расположена в Таллине, между улицами Pikk и Lai. Впервые была упомянута в 1267 г. Перестроена в трехнефовую базилику в XV–XVI веках. Является жемчужиной неоготической

архитектуры и одновременно галерей искусства с очень бурной историей: многократно переживала пожары и, как гласит легенда, стигматизировала трагической смертью ее архитектора. Ее массивная стрельчатая башня высотой 123,7 м увенчана бледно-зеленым куполом. Ее удивительная красота издалека притягивает взор и является превосходным ориентиром во время путешествий по эстонской столице.

Raabe Stefan (Раабе Стефан) — эстонский крестьянин, проводник, который 30 ноября 1700 г. завел шведские войска в тыл российских войск и значительно поспособствовал победе шведов. Некоторые источники приводят другое имя этого проводника — *Johans Rābe*, но, возможно, речь идет об одном и том же человеке. Символ крестьянской практичности и лояльности. Латыши считают его своим земляком по имени *Stepiņš Krauklis*, так как он происходил из пограничного региона между Латвией и Эстонией.

Rummu Jüri или **Jüri Rummo** (Юри Руммо), (род. 1856). Эстонский Робин Гуд, или, как гласит эстонская литературная легенда, *Fra Diabolo*. Конокрад и грабитель, романтический герой многих произведений литературы и музыки, в том числе оперетты, а также фильма, снятого в жанре «меча и сердца» в 1994 г. режиссером Яном Кольбергом. Главную роль сыграл Ханнес Кальюярв. Народный герой, который отбирал добро у богатых и раздавал нищим. Он родился в Кехтна как первенец арендатора Яана Руммо и его жены Анны. Имея способности, он выучил немецкий язык, находясь на службе в мызе Кехтна, (*niem.Kechtel*) в качестве буфетчика. Однако после кражи бутылки вина для больного отца был выпорот (30 плетей) и выгнан со службы. Вскоре после этого впервые попал в тюрьму на шесть месяцев за ограбление русского бродячего торговца. После освобождения из тюрьмы он начал систематические совершать набеги на мызу в Харриене.

Возглавлял банду. Его постоянными спутниками в грабежах и разбоях стали Матс Салм и Адл Антреп. Испытывая угрозу имуществу и жизни, помещики назначили за голову Руммо награду в 100 руб., а власти Ревеля / Таллина прибавили еще 75 руб. вознаграждения. Охота оказалась успешной, и 27 декабря 1879 г. Юри Руммо был схвачен по иронии судьбы владельцем его семейной мызы в Кехтне — Яаном Шейманом. В 1894 г. на сибирской каторге был приговорен еще к 15 годам ссылки. Его судьба остается неизвестной.

Russow Balthasar (Руссов Бальтазар) — сын Симона Риссы / Риессы, бедного возницы из Ревеля / Таллина, родился около 1536 г., получил образование в Щецине, лютеранский священник, с 1563 г. пастор церкви святого Олафа, а затем церкви святого Духа в Таллине. Умер 24 ноября 1600 г. Летописец, автор изданной в Ростове в 1578 г. фундаментальной «Ливонской хроники» («Chronica der Provintz Lifflandt»), написанной на нижненемецком языке. В эстонской истории считается первым коренным эстонцем, который стал фигурой вполне европейской величины.

Sark, chame — рубаха характерного покроя (типа туники), которую носили эстонские женщины, самый яркий элемент женского народного костюма, наряду с сердаком (безрукавкой) — *liistik* и накидкой — *syba*.

Schenkenberg Ivo, Iwan (Шенкенберг Иво, Иван) (род. 1550) — челядник из Ревеля, сын известного монетчика Кристоффера, происходил из ливско-русской семьи, имел природный полководческий талант, в 1576 г. возглавил плебейский партизанский отряд численностью около 400 человек в рамках успешного партизанского движения (эст. *Mrtsuks*). Его отряд сыграл значительную роль в обороне Ревеля в 1577 г. Примерно три года громил русские войска и был прозван русскими «Ливонским Ганнибалом». Разбитый в июле 1579 г. под Раквере, раненым был привезен в Псков, где после пыток был казнен.

Sittow Michiel (Михель Зиттов) — великий художник и скульптор общеевропейского масштаба. Родился в 1469 г. в Ревеле. Умер в родном городе во время эпидемии, опустошившей Ревель в декабре 1525 — январе 1526 гг. Относится к нидерландской школе живописи позднего Ренессанса. 15 лет своей творческой деятельности провел за пределами своей страны, при дворах королей и императоров. Был известным придворным художником датского короля Христиана II, короля Англии Генриха VII, наместника Нидерландов Маргариты Австрийской, королевы Изабеллы Кастильской, императоров Максимилиана I и Карла V. Гордость эстонской живописи. Его произведения находились или находятся в знаменитых музеях и крупных частных коллекциях : Берлина, Будапешта, Детройта, Филадельфии, Гааги, Копенгагена, Лондона, Мадрида, Милана, Москвы, Нью-Йорка, Парижа, Портланда в штате Орегон (США), Таллине, Вашингтоне, Вене.

Sylg — эст. sõlg, лив. suolġ — традиционное украшение эстонских и ливских женщин. Имеет вид круглой брошки, скрепляющей одежду, изготавливаемой первоначально из серебра, меди, бронзы. Встречается в различных формах и с различным орнаментом.

Tabelinus, Tabelin, Tabellinius, Thabelinius, Abe-lin — троекратно упоминаемый в Хронике Генриха Латыша вождь эстов из Вирумаа, крещенный на острове Готланд в 1219 г. В свое время был заложником, вывезенным в Ригу, умер или погиб между 1221 и 1224 гг. Другим вождем эстов-язычников из Вирумаа в то время был умерший около 1224 г. Кирьяван (Kyriavanus / Kyriavan).

Taevaskoja, Taevaskoda (Таэваскоя) — эст. Божественный двор, Небесное поместье. Живописный и очень крутой излом реки Ахья, начинающийся примерно в 10 км к северу от города Пылва. Быстрая река несет свои прозрачные воды между высокими берегами, образованными

из красного девонского песчаника. Через холмы, покрытые полуторавековыми хвойными деревьями. Вода из расположенного в окрестности источника *Emaläte* — Материнский Источник, считается целебной. Особенно весной люди промывают ею глаза и в качестве дара кидают в нее монеты. Виды этой земли были и остаются излюбленными мотивами для национальных живописцев, так как Таэваская рассматривается как квинтэссенция традиционного эстонского ландшафта. Сплав по Таэваское очень популярен, тем более, что ее окрестности известны различными природными и акустическими феноменами, например специфическим, усиленным эхо.

Talivaldis (Таливадис) — 1) вождь ливов из Талвы, мужественно сражавшийся против немецкой колонизации в 1200–1214 гг.; 2) — латгальский правитель края Талава, живший в тот же самый период, православный или язычник, упомянутый на латыни как *Talibaldus de Tolowa*.

Talu — хутор, самостоятельное хозяйство в Эстонии. Владеть собственным талу в лесу и у воды является мечтой каждого настоящего эстонца. У ливов — *tarā*.

Tanu — традиционный головной убор эстонских замужних женщин, вид чепца.

Vaikiv olek — эстонское определение — эпоха молчания на авторитарное правление, установившееся в Эстонии после 12 марта 1934 г. Ведущими политиками режима были: с апреля 1938 г. — первый президент Республики Константин Пятс (1874–1956), верховный главнокомандующий — генерал Йохан Лайдонер (1884–1953) и Карл Эйнбунд (с 1935 г. — Каарел Энпалу) (1888–1942), премьер и министр различных ведомств.

Vanems Imanta — Имантс со Старой земли, по-ливски *Vanema* — это старая или утраченная земля. Другое объяснение: ливское «*im*» — «чудо» и ливское «*vanema*» — «старший, вождь». Под именем *Ymaut* упоминается в Хронике

Генриха Латыша. Рыцарь, предводитель ливских племен в Курляндии, боровшихся с германскими завоевателями в XIII веке. Был поддержан мужественным вождем ливов из Турайды — Видземе, седовласым старцем Ако, вступил в конфликт со своим родственником / братом Каупо (см. Отдельную статью). Герой многих произведений латышской литературы, в частности: Г. Меркелиса, Я. Райниса, А. Пумпурса.

Vesse, Wesse — предводитель восстания эзельцев, начавшегося 24 июля 1343 г. против Ливонского ордена. Прозван «на вырост» «Эзельским королем». В феврале 1344 г. после взятия рыцарями Карьи, главного города острова, был повешен на осадной машине.

Wulfstan / Wulfstein — англосаксонский мореплаватель и купец IX века, который составил очень интересное описание стран, прилегающих к Балтике. Это он передал королю Альфреду Великому (871–899) информацию о погребальных обрядах эстов.

Аптека в Таллине — Raapteek — Аптека Магистрата расположена в барочном каменной здании на Ратушной площади (эст. Raekoja plats) под номером 11. Она связана с родом фармацевтов Бурхардов/Бурхартов, основатель которой Йоханн Бурхарт (Johann Burchart Belavary de Sykaва) прибыл из Венгрии, из Братиславы и получил в аренду основанную в Ревеле / Таллине в 1422 году аптеку от Йоханна Молнара. Аптеку содержал род Бурхардов в течение 10 поколений с 1580 по 1911 гг. Это, пожалуй, самое старое из действующих до сих пор учреждений подобного рода во всей Европе. В этой аптеке некогда продавались не только лекарства, но и целый спектр иных товаров, например косметика, ароматические средства, травы, наливки, табак, трубки, сладости, бумага, краски, изюм, тростниковый сахар, приправы и корни и даже порох. Формально аптека всегда принадлежала городскому Магистрату.

Битва в день святого Матфея — Произошла 21 сентября 1217 г. близ Феллина (эст. Viljandi) во время завоевания Эстонии немцами и датчанами. Рыцари меча отправились в поход против коалиции южных свободных общин и языческих племен эстов Сакала и Уганди. Крестоносцев поддерживали только что обращенные в христианство ливы и латгалы. Они сформировали боевые порядки с немцами в центре, ливами по правому флангу и латгалами по левому флангу. Несмотря на то, что эстам удалось обратить в бегство ливов, в центре немцы смели отряды под предводительством Лембиту, около 6 тысяч человек, окружив сражавшийся с латгалами правый фланг эстонцев. Тем самым битва окончилась разгромом эстов. Героически погибли Лембиту — староста Сакали и более тысячи его бойцов. Потери крестоносцев были намного меньше. Повидимому, смертельно ранен был также был союзник немцев, староста ливов Каупо из Турайды (эст. Toreida). Результатом поражения эстов стало согласие их старейшин на принятие христианства и тем самым на утрату независимости. С поражением в этой битве окончилась золотая эпоха свободных языческих племен эстов, единственных хозяев и властителей своей земли.

Бунт в поместье Махтра. В 1858 г. в эстонском поместье Махтра местные крестьяне отказались платить завышенную арендную ренту немецкому барону. Околоточный вызвал армию, чтобы покарать ослушников. Тогда две тысячи крестьян, вооруженных дубинками, палками и камнями, которых в Эстонии всегда хватало, атаковали солдат. Завязалась жестокая битва. Отчаявшиеся крестьяне убили командующего офицера и спалили двор. Ответные действия были страшными. Военный суд приговорил к смертной казни 60 самых активных крестьян, а к остальным участникам применили жестокие телесные наказания. И хотя царская власть под влиянием европейского общественного мнения

была вынуждена отменить смертную казнь, многие получили в качестве приговора пожизненную ссылку в Сибирь.

Восстание Юрьевой ночи в эстонских землях началось в ночь с 23 на 24 апреля 1343 г. Великое восстание эстонского крестьянства против немецких и датских угнетателей, (эст. Jüriöö ülestõus). Продолжалось до 1345 г. и охватило 1/3 эстонских земель, в том числе Эзель, и было жестоко подавлено. Под влиянием этого события датский король Вальдемар IV Аттердаг в 1346 году решил продать свою часть Эстонии — Харриен и Виронию — Тевтонскому ордену за 19 тыс. серебряных кёльнских марок, а уже тевтоны успешно утопили в крови бунт. Несмотря на поражение повстанцев, событие это надолго сохранилось в традиции и фольклоре эстонского народа, укрепляя дух сопротивления в последующие столетия и вдохновив на создание многих литературных произведений.

Генрих Латыш — по-латински Henricus de Lettis, немецкий священник неизвестного этнического происхождения, который в 1208–1227 гг. написал фундаментальный труд — важную для понимания истории Ливонии «Ливонскую хронику» — лат. *Henrici Cronicon Lyvoniae*. Хроника представлена в благоприятном для рижских епископов и архиепископов ключе. Оригинал произведения не сохранился, только 16 копий. В хронике, относящейся к 1224–1227 гг., содержатся первые записанные эстонские слова: «Laula! Laula! Raprii!» В дальнейшей части хроники мы находим эстонские названия местности, имена и фрагменты предложений. В любом учебнике эстонского языка на первом месте находится эта скромная информация, признанная сообщать о древности родного языка.

Гернхутеры — эст. Hernhuutlased (Братья-проповедники). Гернхутеры — это была мощная секта, ведущая свое начало от Моравских Братьев, с центром в городе Гернхут в Саксонии, откуда и происходит их название, пиетиче-

ская и очень активная в Ливонии в два периода — в середине XVIII века и в середине XIX. Основателем течения был граф Николай Людвиг фон Цинцендорф и Поттендорф (1700–1760), который дважды посетил Ливонию в 30-е годы XVIII века. Это они, пиетисты, были ярыми сторонниками печати религиозных и справочных книг на местных языках: латышском, эстонском. Тем самым они распространили навык чтения и интерес к знаниям в широких крестьянских массах. В результате своей миссионерской деятельности они распространили среди эстонского крестьянства «несносный порок чтения», как это язвительно заметил один балтийско-немецкий барон.

Длинный Герман — эст. Pikk Hermann, башня в замке Тоотреа, расположенная на кафедральном холме в Таллине. Изначально построена в 1360–70 гг. Ее высота была увеличена в XVI веке и в настоящее время составляет 45,6 м. Диаметр башни 9, 5 м, а толщина стены около 3 м. Лестница из 215 ступеней ведет на вершину, откуда открывается великолепный вид на весь город. Символ столицы, а вывешенный на башне трехцветный национальный флаг символизирует независимость Эстонии.

Ингрия или **Ижора** — край, непосредственно граничащий с Эстонией с северо-востока, находится в границах нынешней России. Административно находится в основном в западной части Ленинградской области. Финское название края — Inkeriamaa, русское — Ингрия / Ингерманландия, шведское — Ingermanland. Исторически эта территория, согласно Ништадтскому миру 1721 г., признана за Россией. Географически Ингрия расположена между Финским заливом, рекой Нарвой, Чудским озером и на северо-востоке Ладожским озером, восточная же ее граница является предметом дискуссии. Ее историческая территория охватывает около 15 тыс. км². Земля не слишком благоприятная для людей, с малоплодородными почвами, низинная. Самая

высокая возвышенность имеет 176 м над уровнем моря. В основном это леса, озера и болота. Самоназвание ижорцев: Karjalajest. Izurit, Izora, Inkerikko, Kajt-Ižorcy. Это реликтовый народ угро-финской группы, близкий к эстонцам, води и ливам, один из трех балтийско-финских народов, вымирающих на наших глазах. Вторым являются ливы, а третьи — это водь, также живущая в Ингрии народность — изначально автохтонное население этих земель, расположенных возле реки и города Нарвы, то есть непосредственно у границы эстонского этнического пространства.

Собственно, здесь следовало бы написать, что некогда этот край населяли два народа финно-угорской языковой семьи. Более многочисленными были и остаются ижорцы, иначе говоря, ингры, инкери, родственный народ эстонцам и ливам. Первый документ, свидетельствующий о существовании этой народности, относится к XII веку, это булла, в которой римский папа Александр III упомянул ижорцев наряду с карелами, саамами, лапландцами и водью, запрещая христианским народам продавать оружие этим заядлым язычникам. Ижорцы были достаточно многочисленным народом. Например, в Писцовой книге Московского государства, датированной 1500 г., приводится численность жителей Ингрии — около 70 тыс. человек, большинство из которых составляло финно-угорское население. Этнически ижорцы более всего близки к карелам. Деление на карел и ижорцев произошло относительно недавно — в последние века первого тысячелетия нашей эры. Их родной язык делится на четыре диалекта, но в повседневной жизни большинство ижорцев использует русский язык. Их родина также исторически носит название Ингерманландия, происходящее от шведского названия: «страна людей с реки Ингеры / Ижоры¹». Само название

¹ Ижора — левый приток Невы.

реки Ижоры, по-фински Inkeri, скорее всего происходит от финского глагола inkere — «крутой».

Начиная с XV века, ижорцы начали принимать православие. В 1989 г. насчитывалось 820 ижорцев. Мало кто знает, что ижорцы имели собственные вооруженные формирования, и это была их Национальная гвардия, вооруженная рука народа. Ижорская Национальная гвардия 27 июня 1919 г. заняла некий район Ингрии на севере бывшей Петербургской губернии. Этот успех позволил провозгласить возникновение независимого государства — Республики Северной Ингрии — Pohjois Inkeri, со столицей в местечке Кирьясало (Kirjasalo). И это вовсе не было опереточное государство — в частности, тогда был принят флаг ижорцев — на желтом поле скандинавский голубой крест, имеющий красную обводку, была организована собственная администрация, появились зачатки системы образования, выходила пресса на национальном языке. Через год большевики разгромили ижорцев, а значительная часть ижорской национальной гвардии вместе со значительным процентом гражданского населения ушла на спасительную территорию соседней и братской Финляндии. Тогда началась волна репрессий, ссылок и стала проводиться систематическая политика ассимиляции. Большевики в 1937 г. закрыли школы и лютеранские храмы, в которых использовали финский и ижорский языки и обучали им. Подобным образом поступили с радиопередачами на этих языках. Преследованиям подвергся местный клир.

Другим народом языковой финно-угорской группы, исторически населяющим Ингрию, была водь, или вожане. Народность, определяющая себя как Vaddaa seeli/ таа сеели/ Vad'd'a tšeeli maatšeeli/ Vadjalaizöt. Многие исследователи считают их язык лишь диалектом эстонского языка. В 1848 г. численность воды составляла 5148 человек. До начала первой мировой войны пользовались этим языком около тысячи человек. В 1930 г. поэт этого народа Дмитрий Цветков

разработал грамматику водского языка, рекомендуя использовать кириллический алфавит.

В 1989 г. в двух деревнях в Ингрии насчитывалось только 62 человек, пользовавшихся этим языком, что это самая младшая представительница народности родилась в 1930 г. Вожане исповедуют православие, а их национальный флаг представляет собой зеленый скандинавский крест на голубом поле.

Интересно, что уже в 1445 г. Ливонский орден насильно переселил некую группу води из Ингрии под Бауск (латыш. Bauska) в регионе Земгале в современной Латвии. Переселенцы работали на строительстве местного замка. После окончания строительства под названием кривинов они осели под Бауском в нескольких деревнях и постепенно ассимилировались с местным населением, занимаясь сельским хозяйством и ремеслами. В 1751 г. в российских кадастровых книгах был отмечен населенный пункт Кривин под Бауском. Однако, по крайней мере, до середины XIX века их финно-угорская речь, а еще дольше характерный народный костюм использовались в деревнях, находившихся к югу от Бауска. Эти деревни носили двойное латышское и кривинское название¹. Из кривинского рода происходил величайший латышский поэт и драматург Янис Райнис (1865–1929).

Также на этих территориях живут очень немногочисленные в настоящее время местные финны-лютеране, называемые ингерманландцами. Эти финны, переселенцы после 1618 г., называют свой край *Inkeriamaa* — Землей принцессы Ингрид, а себя называли *Inkeriläin* или *Inkerinsuomalainen*. В настоящее время благодаря поддержке Финляндии происходит некоторое возрождение этой этнической группы.

¹ Эти двойные названия деревень сохранились по сей день на картах и указателях.

О существовании, а вернее об исчезновении этих вымирающих народностей, стоит вспоминать по каждому подходящему поводу, так как ижорцы и водь — это два стойких и интересных народа, забытых и жестоко обиженных историей, вернее жесткими притязаниями своих державных соседей.

Каменные лабиринты Эстонии — Эстония имеет, по крайней мере, девять исторически задокументированных каменных лабиринтов. Все они находятся на западном побережье и на островах. Лабиринты были построены шведскими поселенцами в позднем средневековье, а их первоначальное предназначение вызывает оживленную дискуссию в научной среде. Одна из версий утверждает, что лабиринты были построены уцелевшими в морских катастрофах моряками и рыбаками.

«Картофельная Республика» — произведение Августа Фридриха Фердинанда фон Коцебу, родившегося в 1761 г. в Веймаре, заколотого в Мангейме 23 марта 1819 г. фанатичным студентом теологии Карлом Людвигом Зандом (1795–1820). А. Ф. Ф. фон Коцебу был автором 215 пьес на сцене, в основном комедий и водевилей, огромной массы новелл, сатир, тысяч писем, переводов, и Бог знает, скольких доносов и тайных рапортов, так как характер у него был чрезвычайно паскудный, а натура — реакционного лакея. А. Ф. Ф. фон Коцебу основал немецкую сцену в Ревеле и считается акушером эстонского театра.

Более того, Коцебу стал благодетелем всего эстонского народа и в значительной степени создателем его относительного благополучия. Ведь именно он ввел разведение картофеля в своем поместье Рапла и нахваливал достоинства новой культуры соседям и местным крестьянам. Зная консерватизм и подозрительность эстонского народа и одновременно его специфическую находчивость, он пошел на одну хитрость. Со своих полей с высаженным картофелем

он умышленно убрал сторожей. Ночью любопытные эстонские крестьяне пришли и выкопали картофель, так они познакомились с многочисленными достоинствами этого экзотического и запретного плода. Популяризируя разведение картофеля в эстонской деревне, А. Ф. Ф. фон Коцебу достиг полного успеха, так как в XX веке Эстония была названа Картофельной Республикой — *kartulivabariik*, а ранее эстонцы прослыли лучшими винокурами во всей Российской империи. Эстонцы в период с 1913 по 2000 гг. вывели 57 отечественных сортов этой полезной культуры.

Катастрофа паром «Эстония» — эстонский пассажирско-автомобильный паром, который затонул в ночь с 27 на 28 сентября 1994 г. в Балтике. Катастрофа унесла жизни 852 человек, что сделало ее одной из самых трагичных морских катастроф XX века. Самая большая коллективная травма всего народа после обретения независимости.

Кистер — по-эстонски — *kõster*, по-немецки — *küster*. Это очень славная должность, без которой невозможно себе представить возникновение и развитие эстонского языка и культуры. В 1630 г. власти местной лютеранской церкви в шведской Ливонии ввели в приходы институт кистеров — пономарей, помощников пастора, органистов, которые должны были также выступать как народные учителя. На практике кистеры полностью взяли на себя преподавательскую функцию примерно через 100 лет, хотя уже в 1699 г. в Дорпате в приходе Святого Духа открыли школу кистеров для мальчиков из крестьянских семей. В основном кистерами были коренные эстонцы, которые никогда не отрывались от своих этнических корней. Многие из них стали поэтами, писателями, собирателями фольклора и национальными активистами.

Кушак — по-ливски — *kõl*. Когда кушак шире и больше напоминает пояс, нежели ленту, он называется *piņ*. Кушаки, пояса или пояски ливы переняли у латышей. Кушаки —

это не только украшенный пояс, но и, если можно так выразиться, универсальная вещь. Кушак использовался для опоясывания пальто, брюк, рубашек, для подвязки чулок, скрепления волос, мог служить вожжами, использоваться для опутывания овец и даже при спускании гроба в могилу. Кушаки имели различную ширину и длину, делались из разных материалов, имели огромную гамму цветов и орнаментов. Эстонские крестьянки перевязывали себя кушаком в талии, приступая к работе и тем самым обеспечивали себе силу и выносливость.

Лесные братья — Антисоветские партизанские группы, действовавшие в трех прибалтийских странах с 1944 г. по крайней мере до середины 50-х гг¹. Партизаны, боровшиеся в лесах с советской властью, назывались соответственно: лит. *miškobroliai, miškiniai, partizanai, žaliukai*, латыш. *mežabrāļi*, эст. *metsavennad*. В меру объективные исследователи предмета, например скандинавы, оценивают численность «лесных братьев»: в Литве — в 30 тыс., в Латвии — более чем в 10 тыс., а в Эстонии — примерно в 10 тыс.

Ливский король — Ливским королем называли гордого хозяина хутора Бунтики из деревни Микельторнис на Ливском берегу. Это была исключительная личность, гордая и с горячим характером. Рыбак, очень интересный поэт, публицист и своего рода ливский националист — мифоман, мечтавший о свободном государстве для ливов, и, конечно, ливский Дон Кихот. *Uldriks Kārbergs* (Ульдрикс Капбергс), чье имя и фамилия по-ливски звучали как *Uļi Kīnkamāg*. Загадочная фигура, так как по одной версии, он родился 25 марта 1869 г., а по другой — 18 марта 1873 г., умер при невыясненных обстоятельствах в тюрьме в Виндаве, куда попал за активное сопротивление латвийским

¹ Больше о вторых «лесных братьях» в моей работе «Гердер в Риге и другие балтийские эссе» (*Herder w Rydze i inne szkice bałtyckie* — Toruń, 2007).

властям, 01 июня 1932 г. Полный самоучка, не признавал суверенитета латвийского государства над ливами. Не платил Латвии налогов, не отпустил своих сыновей на срочную военную службу. Не позволял себя фотографировать, детей не отдавал в школу, до конца жизни пользовался юлианским календарем, не используемым в Латвии с 1918 г.

Массовая депортация — Советы в трех „тихих” странах провели два большие волны арестов и депортации так называемых ненадежных и реакционных элементов.

В первую ночь с 13 на 14 июня 1941 г. из Эстонии в основном в Сибирь было вывезено 10205 „общественно опасных элементов”.

Во время второй волны депортации целых семей кульминационной датой в Эстонии стала ночь с 25 на 26 марта 1949 г. Тогда было вывезено 20702 человек, из которых 90% составляли крестьяне. Эта высылка в сумме охватила 2,5 % все эстонской популяции в стране. В 1950 г. проводилась депортация эстонского и латышского населения с территорий бывших республик СССР. Эти репрессии коснулись 1,5 тысяч человек. В Эстонии в марте и июне, в годовщину этих трагических событий, эстонцы массово вывешивают черные флаги как на общественных зданиях, так и на частных домах.

Митенки — по-эстонски kirikindad — люди верили, что они обладают волшебными свойствами, их специально надевали моряки и лодочники, также они использовались во время религиозных обрядов в церкви. Имели специальный узор с узкими красными полосками. Существовало верование, что они приобретают сверхъестественные свойства, если при их изготовлении петь, причем искренне, от всего сердца и бескорыстно.

Мыза — эквивалент термина усадьба, поместье, эст. mõis. Само слово очень древнее и происходит от ливского «moizo». С термином «мыза» связано немецкое понятие das

Rittergut — рыцарская собственность. Английским эквивалентом является а тапог.

Национальные движения — с 1988 г. в трех советских республиках появляются массовые национальные движения, окончательной целью которых стало обретение независимости.

В Эстонии эту роль сыграл Rahvarinne — Народный фронт, созданный 13 апреля 1988 г., а в Литве эффективно и массово действовал «Саюдис»¹, сокращенное название от «Литовское движение за перестройку» (лит. Lietuvos Persitvarkymo Sąjūdis, LPS), дата его создания — 3 июня 1988 г.. В Латвии модератором получения независимости стал созданный 8–9 октября 1988 г. Латвийский народный фронт — Latvijas Tautas Fronte.

30 марта 1990 г. Верховный Совет тогда еще формально ЭстССР принял Декларацию о восстановлении республики, основанной в 1918 г. и 3 апреля назначил независимого от Москвы премьер-министра Эдгара Сависаара (род. 1950).

Остров Кихну — в некотором смысле целый музей под открытым небом. Расположен в Рижском заливе, седьмой по площади эстонский остров — 16,4 км². Число постоянных жителей, занимающихся рыболовством и обслуживанием потоков туристов, колеблется от 500 до 600 человек. Постоянно заселен с XV века. По сей день на нем сохраняются специфические обычаи, например свадебный ритуал, ночное коллективное пение. По-прежнему на острове используется местный диалект, отмеченный сильным шведским акцентом, можно увидеть национальную одежду, которую носят в повседневной жизни. Остров славится своими митенками, троями² и полосатыми шерстяными юбками, оформленными в светлых тонах.

¹ Sąjūdis по-литовски означает «общее движение, ополчение».

² Тип пуловера.

Остров Рухну — еще один эстонский феномен. По-шведски Rönö, по-латышски Roņi Sala — островок в Рижском заливе, в настоящее время территория Эстонии. От латышского побережья остров отделяют всего 37 километра. Административно находится в провинции Сааре. Занимает площадь 11,9 км², размеры 5 х 3 км. В 1842 г. на острове проживало 389 человек, в основном шведского происхождения. В настоящее время здесь насчитывается около 60–70 постоянных жителей. На острове находится деревня Рухну с сельской администрацией. Из-за большого засоления грунтовых вод (проникновения морской воды) питьевую воду берут на глубине 787 м. Первые следы человека на острове датированы 5000 годом до н.э. С XIII века постепенно заселяется шведами. Первое письменное упоминание об острове относится к 1341 г. — это письмо епископа Курляндии, отменяющее на острове барщину. После Оливского мира 1660 г. остров находился в границах королевства Швеции. С 1721 г. Рухну перешел к России. В 1842 г. число жителей приблизилось к 400. Во время первой мировой войны Рухну был оккупирован немецкими войсками. После войны права на остров оспаривали Швеция и Латвия, однако его жители высказались за принадлежность к новообразовавшейся Эстонии. В 1934 г. из 282 жителей острова 98% составляли шведы и только 2% эстонцы. Здесь работал сильный радиопередатчик латышского радио в соответствии с договоренностями между Эстонией и Латвией, заключенными в Таллине 1 ноября 1923 г. Во время второй мировой войны остров, как и вся Эстония, был занят сначала советскими, потом немецкими, а затем снова советскими войсками. До 4 августа 1944 г. все население острова было эвакуировано в Швецию шведским кораблем Юхан с согласия Германии. После войны Рухну стал постепенно заселяться этническими эстонцами, а СССР разместил на острове военный гарнизон. После обретения Эстонией независимости в 1991 г. Рухну стал

самой маленькой административной единицей Эстонии. К главным островным достопримечательностям относится деревянная церковь святой Марии Магдалены 1644 г., а также уникальный металлический морской маяк 1875 г. Изоляция острова была причиной формирования отдельной культуры, обычаев, наречия жителей острова и сохранения чистоты природы. Только в 1958 г. на острове появилось электричество.

Праздник Песни — Основанные на скандинавских образцах массовые, циклические — как правило, ежегодные многотысячные певческие фестивали, проводимые в летний период, выступления хоров и солистов, групп и танцевальных коллективов, при активном участии высших органов государственной власти и многочисленных соотечественников из-за рубежа. Первый Эстонский всеобщий Праздник песни — *Üldlaulupidu* — прошел в Тарту с 18 по 20 июня 1869 г. Эти фестивали с самого начала стали проявлением растущего национального самосознания и чувства общности — силы и гордости, школой патриотизма. Во время борьбы за независимость в Таллине в июле 1988 г. вокруг огромной сцены *Lauluväljak*, построенной в 1960 г. в парке Кадриорг собрались 300 тыс. человек. Восстановление независимости после 1990 г. тремя братскими странами носит название «поющей революции». Праздники Песни регулярно проводятся каждые пять лет в Таллине, в июле.

Провозглашение независимости Эстонии 24 февраля 1918 г. — Утром 24 февраля 1918 г. группа эстонских военных из парамилитарной организации «*Omakaitse*» («Самооборона») вывесила на самой высокой башне — Длинном Германе замка Тоотпеа в Ревеле / Таллине сине-черно-белый национальный флаг. В полдень того же дня на лестнице старого Государственного банка была провозглашена декларация независимости свободного эстонского государства под аккомпанемент национального гимна. Было создано первое

Временное правительство Эстонской Республики (Eesti Ajutine Valitsus) во главе с первым премьером Константином Пятсом (1874–1956). В тот же самый день независимость была также провозглашена в Тарту, Пайде, Вильянди. Как любопытный факт добавлю, что провозглашение независимости Эстонии в провинциальной Парнаве, в местном театре «Эндла», состоялось днем ранее — 23 февраля, однако значение данного события имело исключительно локальный характер.

Проказа — в межвоенный период на острове Сааремаа / Эзель существовал лепрозорий. В то время проказы в Эстонию завезли моряки, возвращавшиеся с экспедициями из южных морей. Писатель Ааду Хинт (1910–1989) опубликовал в 1934 г. свой дебютный роман «Pidalitõbi» («Проказа»), который был переведен в Народной Польше. Горькая книга, основанная на собственном опыте втора, так как его мать работала в лепрозории, а его родственники умерли от проказы. Очень честная и важная книга, учитывая затронутую ею тематику. Канвой повествования является жизнь отвергнутых, растительное существование больных и персонала, людей, обреченных на застойный режим изоляции, за пределами реального времени в лепрозории на Эзеле. Впервые о месте изоляции больных лепрой в эстонских землях упоминал папский легат Вильгельм, епископ Модены, в 1237 г.

Путч в Таллине. — Коммунистический путч в Таллине был предпринят под влиянием СССР 1 декабря 1924 г. Коммунистические боевые отряды атаковали в 5.15 утра городские объекты, в том числе Главпочтамт и оба железнодорожных вокзала. Действия бунтовщиков в провинции остались лишь в планах. Повстанцы не получили поддержки со стороны рабочих, а армия осталась верна присяге. Бои в столице длились около 6 часов, в какой-то момент возникла угроза жизни главы государства — премьер-министра

Фридриха Акеля (1871–1941). Погибло свыше 40 человек, как участников, так и случайных лиц. После подавления мятежа правительственная сторона начала жесткие репрессии, полевые суды вынесли несколько сот смертных приговоров, коммунистическая партия была разбита и выведена из сферы политической жизни.

Серые бароны — Это понятие имеет два смысла:

1) низший слой немецкоговорящего дворянства, много поколений назад осевших в своих деревенских имениях, не аристократия. Общество более бедное, менее образованное, слабо связанное с германской империей, но с сильным чувством связи с родной землей. Этот слой окончательно был выброшен на свалку истории после 1918 г.

2) во второй половине XX века так называли богатых крестьян — эстонцев и латышей, ставших бенефициарами реформ, проводившихся в 60-е гг. в деревне в царской империи. Этих крестьянских «серых баронов» позднее чаще называли «Старыми хозяевами». После 1918 г. они получили наибольшую выгоду от парцелляционных сельскохозяйственных реформ, проводимых правительствами трех вновь созданных государств. Эта консервативная социальная группа, относительно богатая и хорошо организованная, с сильным чувством патриотизма, сыграла решающую роль в межвоенный период в Латвии, Эстонии и в меньшей степени в Литве. При советской власти как представители кулацкого, реакционного слоя, были в первую очередь подвергнуты репрессиям — депортациям в Сибирь, конфискациям и т.п. В эстонском самосознании и в литературной интерпретации — соль эстонской земли, наиболее креативный и ответственный слой нации.

Собственные названия в Эстонии и на Ливском Берегу — Название Эстония, возможно, происходит от некогда староанглийского и современного английского термина east — восток. Такой термин использовал англосак-

сонский путешественник Вульфстон в веке, когда писал об «Estland» — восточном крае. В 98 г. римский историк Тацит писал о народе Aesti — эсты, собирателях янтаря, лат. *aestiorum gentes*¹, однако современные исследователи склоняются к точке зрения, что он скорее имел в виду современных балтов. Интересно современное латышское название Эстонии — Igaunija — что является вариантом Ugaunia/Ugandi — искаженным названием одного из регионов южной Эстонии, упомянутым хронистом Генрихом Латышом в его труде, написанном в 1208–1227 гг. Немцы Таллин называют Реваль, а мы когда-то его называли Ревель, от названия северной части этого города — Rāvala. Арабы именовали город Колуван, так арабский исследователь аль-Идриси в 1154 г. поместил нынешний Таллин под названием Qalevep в своем атласе. Эсты называли свой столичный город Taani-Liin, что означает «датский город или замок», так как город в настоящем виде основал датский король Вальдемар II в 1219 г. Другие этимологи название Таллин производят от слияния слов: Talu-Linn — хуторской или сельский город, или от Tali-linn — зимний город. Согласно фразеологическому словарю латышского языка, то есть языка народа, наиболее заинтересованного ливами, ливы (латыш. lībieši, lībji) являются вымирающим народом финно-угорской языковой группы, который еще проживает на побережье северной Курляндии вокруг мыса Колка. Хотя словарь сообщает об этом в настоящем времени, это уже значительное преувеличение. Самоназвание ливов вызывает сомнение. Правда, уже в хронике Генриха Латыша и Ливонской рифмованной хронике появляется название народа Livones, или просто Liven. Возможно, это связано с упомянутыми Птолемеем Leunai и Плинием Hillevones, но это еще одна гипотеза. Само происхождение немецкого названия Liven — ливы —

¹ Latviešu Valodas Vārdnīca, Avots, Rīga, 1998, s. 438.

неясно. Потому не выдерживает критики утверждение, что оно может быть связано с песком, (liiv — это песок, но по-эстонски), так как в ливском в зависимости от диалекта песок — это *jovgt, jovgod, jugid*. Раньше принималось за чистую монету то, как сами ливы себя называли: *rāndalist*, то есть люди с морского берега, или *kalamied*, то есть просто рыбаки¹. Название ливы — *Liven* — было дано завоевателями-немцами. Добавим, что в старой научной терминологии, применяемой в Латвии, ливов иногда называли балтийскими финнами.

Толстая Маргарита — Наверное, самый знаменитый и самый оригинальный объект в Таллине, по-эстонски *Raks Margareta*. Мощная башня с диаметром 24 метра и толщиной стены до 4,7 м, законченная после 20 лет строительства в 1529 г. Как говорят, ее строителем был поляк по имени Клеменс, его предполагаемая фамилия Пале, который прибыл в город в 1516 г. Однако более вероятно, что башню построил мастер Герт Конингк. Некогда в ней располагалась тюрьма, а сейчас — Морской музей. За этой башней начинается главная улица Таллина — *Pikk* — Долгая. Рядом стоит памятник, поставленный жертвам утонувшего парома «Эстония» в сентябре 1994 г.

Эстонизация фамилий и названий — Около 1920 г. половина жителей Эстонии носила не эстонские фамилии и имена. После 1934 г. сверху была инициирована эстонизация всех проявлений жизни, в том числе также произошла массовая смена чужеродно звучащих фамилий на эстонские. В результате значительная часть населения спонтанно взяла фамилии и имена в эстонском звучании и написании. До

¹ Такие определения, как «люди с морского берега» или «рыбаки» являются, скорее всего, лишь латышской калькой названий: *jūrmalnieki* и *zvēnieki*, — так в Новое время ливов называли латыши. В соответствии с подобным принципом ливы называли латышей *aga* — измененное латышское *agajs* — пахарь/мужик или *matīez*, искаженное латышское *zemnieks* — крестьянин.

1939 г. это сделали около 200 тыс. человек. Пример был дан сверху: харизматичный премьер и многократный министр Карл Аугуст Эйнбуд (1888–1942) с 1936 г. стал зваться Kaarel Eenpalu, а примеру последовали художник Ганс Лайпманн (1866–1942) — Антс Лайкмаа (Ants Laikmaa), выдающийся спортсмен-борец, золотой медалист берлинской олимпиады 1936 г. Кристиан Троссман (1908–1987) — Кристьян Палусалу (Kristjan Palusalu). В июле 1934 г. эстонские власти приняли решение использовать эстонские названия местности и географических объектов. В октябре этого года эстонский язык был объявлен единственным языком государственных учреждений. Представители национальных меньшинств, в том числе немецкого, могли письменно обращаться в учреждения на своих национальных языках, но ответ всегда получали на эстонском. В марте 1938 г. уже 70% жителей Эстонии имели национальные фамилии и имена.

Эстонская освободительная война — эст. Vabadussõda — победоносная кампания эстонского народа, проведенная в основном против большевиков и отчасти против немецких интервентов, длившаяся 402 дня. Командовал эстонскими силами генерал (с 20 января 1919 г.) Иоган Лайдонер (Johan Laidoner) (1884–1953). Кампания продолжалась с 28 ноября 1918 г. до 02 февраля 1920 г. В ней погибло 3588 эстонцев, кровавые бои шли на территории Эстонии, Латвии и России, а также в прибрежных водах.

Юрген — жрец языческих эстов, молитву которого написал пастор из Урвасте Йоханн Густлафф / Густелефф (? — 1657). Этот Юрген произносил молитву во время жертвоприношения быка богу — повелителю молний, чтобы обеспечить земледельцам благоприятную погоду.

СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙ, ЯВЛЕНИЙ,
ПЕРСОНАЖЕЙ, ПРЕДМЕТОВ,
ДЕЙСТВИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ МЕСТ,
ПРИСУТСТВУЮЩИХ
В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ
И ФОЛЬКЛОРЕ ЭСТОНЦЕВ,
СЕТУ И ЛИВОВ

Ahjualune (Ахюалуне) — маленький, бородатый и усатый человечек/кукла либо обжорливое существо, живущее под полом. Не путать с Veehaldjas.

Ahti, Ahto (Ахти, Ахто) — эстонский бог вод, который представлялся с усами и бородой из мха, повелитель рыб и тюленей, покровитель рыбаков. Супруг богини моря Велламо (Vellamo). Божественная пара жила во дворце на дне моря.

Äi, Äijo, Äijattar (Аи, Аийо, Аийаттар) — эстонский демон или лесной дух, соответствует литовскому Айтварасу (Aitvaras), любит красть и устраивать всевозможные шалости. Появлялся в облике змеи или дракона. Способен навести порчу.

Nota bene! В литературном эстонском языке первое значение слова Äi — «свекр». Однако в языке выру Äi, Äio может также означать также «черт».

Äike (Айке) — *эст.* гром как божество.

Aio (Айо) — эстонский аналог Дрёмы или польского Пестуна, который насылает на людей сон и каждую ночь уносит спящих в страну сновидений и мечты.

Äitar, Äiatar (айтар, айатар) — у эстов чертовка, жена или дочь черта.

Alevipoeг (Алевипоэг) — богатырь из эстонских мифов, сын Алевы, друг Калевипоэга (Kalevipoeg). Его излюбленным оружием было копье.

Allapallaks, alapaljakas, rukkipallaks (Аллапаллакс, алалалякас, руккипаллакс) — эстонский дух хлебов, эльф, мальчик, обычно появляющийся внезапно и без одежды.

Arb, arp, aeruma, arbumiseks, ennustamiseks, orbu.

1) шаманский бубен, который встречается у финно-угорских народов. По крайней мере два из этих названий употреблялись эстонцами-язычниками. У ливов встречается более позднее название — būngad. Шаманские бубны были овальной формы и имели вид яйца или человеческого черепа. Иногда шаманский бубен был снабжен бубенцами. Шаманские бубны обычно были украшены тисненым или рисованным орнаментом. Все эти рисунки изображали нечто магическое — лик божества, тотемное животное, мифическую сцену (например, сотворение мира). Размеры бубнов колебались в пределах от маленьких, имевших диаметр 15–20 см, до самых крупных с диаметром свыше 50 см.

2) определение любых повседневных предметов и орудий труда (например, ткацкого станка, прялки, сита, решета), но только во время использования их в магических целях.

3) прибор для гадания, например: кольцо, набор колец, кусок оленьего рога, выделанный обычно в форме треугольника, ольховая щепка. Арп обычно клали на мембрану

бубна и гадали по направлению, в каком он перемещался во время ударов по мембране, определяя волю божественной силы. Эти названия часто могли даваться и шаманскому молотку, который рекомендовалось изготавливать из березы.

Arbuja, arbulõõja, ennusija — эстонская колдунья, пророчица.

До эпохи Просвещения в ведьм, чародейства и волшебство эстонские крестьяне верили повсеместно. До такой степени, что в 1636 г. первый генеральный суперинтендант лютеранской церкви и выдающийся проповедник Герман Самсон (1579–1643) опубликовал специальную инструкцию, как обнаружить ведьму. Подозреваемая в колдовстве подвергалась пыткам, а затем приговаривалась к смерти через сожжение на костре, а в более поздний период — через отрубание головы мечом. Инструкция была реакцией на волну истерии, охватившую Ливонию после появления в 1618 г. кометы.

На эстонских землях последний смертный приговор за колдовство был приведен в исполнение в 1699 г.

Armi, Irmī, Mustukene (Арми, Ирми, Мустукене) — три черных пса, верно следовавшие за сыновьями Калевы в их похождениях и на охоте.

Ebajalg (Эбаялг) — разрушительный смерч, отождествляемый с демоном, встречающийся в эстонском фольклоре.

Ehaema (Эхаэма) — *эст.* Мать Ночного Свечения, ночной дух, приобретающий облик эльфа.

Eksitaja (Экситайя) — у сетов состояние растерянности, ошеломления, обычно вызванное вредными магическими действиями. У эстов же Экситайя — это дух, который путает людям дороги и водит по бездорожью, например по болотным топям.

Haldjas (Халдьяс) — эстонский эльф, дух, покровитель некоего места, определенного человека или растения/

животного. В регионе Харьюмаа появлялся местный Халдьяс, внешне похожий на человека — как правило, на мужчину-бродягу, одетого во все голубое — Tõlp (Тёлп).

Hall (Халл) — эстонский демон, разносчик малярии.

Haltia, Hoidja (Халтия, Хойдья) — от старогерманского *haldiaz* — собственник, хозяин. Защитник и покровитель дома, дух-хранитель дома, верный страж нравственности и традиций тех, кто живет на его территории. Халтия был духом или душой первого человека, умершего в этом доме, или же первого, кто под этой крышей разжег огонь. Явной связью со скандинавскими мифами можно считать поверье, будто бы он мог быть духом первого хозяина, осевшего на данной земле, чья душа поселилась за порогом дома. Если семья переезжала, Халтию можно было перенести на другое место. Действие это осуществлялось в двух формах: 1) переносился живой огонь, разожженный еще в старом доме; 2) переносился пепел с жаром из очага старого дома на новое место. Халтия, скорее всего, был самым главным духом в хозяйстве, хотя существовали и младшие духи отдельных строений, например: дух чердака, дух бани, дух конюшни. Часть исследователей отождествляет Халтию с Халдиасом. Халтии соответствует шведский Томте(груббе) и русский домовый. Можно полагать, что Халтия был адаптирован эстонским фольклором из финского фольклора. В финском фольклоре, влияние которого на народную эстонскую обрядовость было огромным, Халтия выступал под именами Tontuu(-ukko), Haltijakummi, Kotihaltija. Он приобретает облик бородатого старичка, ростом не более половины среднего роста взрослого мужчины, одетого во все серое, в красном остроконечном колпаке гнома.

Hämarik (Хямарик) — *эст.* олицетворение заката, прекрасная молодая девушка.

Hännamees (Хяннамеес) — *эст.* демон, который крадет вещи (например, деньги, еду, утварь) и приносит добычу своему хозяину.

Härjapõlvlane (Хярьяпывлане) — *эст.* эльф,мышленый дух.

Hiid (Хиид) — жестокий и глупый огр, частый персонаж в эстонских мифах и сказках.

Hiela (Хииела) — одно из названий страны смерти, того света.

Hiis, hiimets, hiislar, kiislar, во множественном числе **hiied, hiimetsad** — у эстонцев и сету священная роща, сакральное место для принесения жертв и магических практик. Обычно это была растущая на холме дубрава или еловый лес. Здесь нельзя было пасти скот, собирать лесные плоды, охотиться и как-либо вредить растениям, особенно деревьям. В священных рощах могли обитать кони, петухи и боевые псы. Существовало поверье, что некоторые деревья, растущие в священных рощах, обладают способностью говорить человеческим голосом.

В языческие времена в священных дубравах в вечер и ночь на четверг эсты собирались вокруг сакрального камня, на котором сидел играющий на каннеле бард, собравшиеся же танцевали и предавались веселью до рассвета. Скорее всего, неприкосновенность священных рощ, как и свою чистоту, берегли девы-весталки — **hieneitsid**, а также чистые юноши — **hiinoormees**.

В священных рощах устанавливались деревянные идолы божеств, чтобы поклоняться. По свидетельству первых письменных источников, например, хроники Генриха Латыша, около 1220 г. два священника крестили трех язычников из деревень в Вырумаа. Церемония проходила на холме, покрытом прекрасным лесом, где прежде поклонились богу Тарапиту. Когда же один из христианских священников

повалил деревянного идола и сломал его, жители были удивлены, что не появилась кровь.

Первое описание священной рощи мы находим у пастора Августа Вильгельма Хупеля¹. Это святилище, скорее всего, находилось в районе Пылтсамаа, в окрестностях мызы Каавере. Здесь под священным деревом приносились жертвы на гранитном алтаре, имеющем высоту 2 стоп и такую же длину, а также плоскую, как стол, поверхность. В качестве жертвы языческим богам предназначалась шерсть, воск, хлеб, пряжа и т.д. Жертву оставляли на алтарных камнях или засовывали в дупла старых деревьев. Согласно другому методу, их следовало бросить в реку или в источник. В священных рощах также хоронили умерших.

Hinge tuul — *эст.* ветер душ, веющий во время чьей-то смерти.

Hingedeag (Хингедear) — время поминовения, период с октября, в католическое время — до 11 ноября, дня святого Мартина — *Mardipäev*. После реформации окончание Хингедeaга было перенесено на 10 ноября — на годовщину рождения Мартина Лютера (1483–1546).

Вечером 10 ноября в домах устраивался торжественный ужин с песнопениями. Считалось, что в это время души умерших предков навещают свои дома. На ночь им надлежало оставлять пищу, например на чердаке или в бане, особенно в ночь на понедельник и четверг. В бане для духов также оставляли горячую воду и березовые веники. В южной части Эстонии для духов предков даже подготавливались купальни, чтобы они могли очиститься и вымыться. В некоторых местах Хингедear длился уже с 29 сентября, дня святого Михаила, до 2 ноября — Дня Поминовения — *Hingedepäev*, и даже продолжался до Рождества.

¹ Hupel, August Wilhelm, (1737–1819) — священник, писатель, историк, языковед, просветитель, переводчик.

Hingeliblikas (Хингелибликас) — *эст.* дух-покровитель, принимающий облик мухи, комара, божьей коровки и т.д.

Hingeloom (Хингелоом) — *эст.* скорее всего дух-покровитель, но способный появляться только как насекомое, например как стрекоза, бабочка или какое-то иное мелкое животное. Дух предка также может вернуться в мир в виде бабочки, о чем свидетельствует похоронная песня у сету, призывающая умершего прилетать домой бабочкой.

Hio, hüsi — *эст.* священное дерево/деревья, растущее(-ие) на освященной земле — в роще, в которой нельзя сорвать даже листок.

Hõim — клан, род в широком смысле, племя у языческих эстов.

Hüomaa (Хюомаа) — эстонское божество небес, но не верховное.

Ilmaruu, maailmaruu, eluruu — космическое древо жизни, опора мира.

Ilmarine, Ilmasepp (Илмарине, Илмасепп) — эстонский мифический кузнец, который, в частности, выковал солнце и луну, персонаж, заимствованный из финского эпоса Калевала, в финской версии — Ilmarinen. Кузница этого силача и великана стояла под горой, расположенной в центральной точке земли. Как демиург, он выковал мир, небо и землю, небесный свод. Он также управляет атмосферными явлениями.

Ilo (Ило) — эстонская богиня, олицетворяющая радость, хозяйка обрядов и праздничных пиров.

Iru Ämm (Иру Амм) — человекоподобная скала, стоящая на возвышении у реки Пирита у восточных окраин современного Таллина. Некогда граничный камень города. Ввиду своей необычной формы скала обросла множеством легенд и мифов. Первое имя — дословно Мачеха из Иру — связано с легендой, будто бы эта скала, если ее скинуть

с холма, сама вернется на прежнее место, доставив местным жителям немало хлопот. Второе ее название — Линдов Камень / Камень Линды — Linda Kivi. Согласно мифу, приведенному в эпосе «Калевипоэг», преследуемая демонами Линда, мать Калевипоэга, благодаря вмешательству богов была на этом самом месте навечно превращена в камень и таким образом ушла от своих преследователей.

Järvevana (Ярвевана) — эстонский демон, старик из озера, который намерен затопить Таллин, когда столичный город будет полностью построен. И каждый год, осенью, в одно и то же время, в сумерках, из тумана, поднимающегося из озера Юлемисте, появляется фигура мрачного старика в длинном, влажном одеянии. Старик трясет длинной пепельной бородой, внимательно следит за городом и спрашивает первого встречного: «Ответь мне, человек, построен ли Таллин до конца, до последнего кирпичика?» Следует ответить: «Нет, еще многое осталось построить». Отвечать следует непременно так, потому что любой иной ответ станет приговором городу и будет иметь катастрофические последствия. Если старик из озера услышит, что город уже построен, воды озера Юлемисте поднимутся выше положенного, выше уровня большинства районов города, и затопят столицу. Не весь город окажется под водой, сохранится холм Тоомпеа, старейшая и красивейшая часть города, но, согласитесь, это будет небольшое утешение. Персонажа также иногда называют Юлемисте Ванак (Ülemiste Vanak).

Jeekim (Йееким) — в эстонских легендах и мифах кающийся дух на кладбище.

Jeng, vaim, gara, tont — у ливов душа, продолжающая существовать после смерти тела. Также дыхание в виде пара, дух/душа человека.

Jumal (Юмал) — древнейший бог неба у эстов.

Jumāl (Юмал) — у ливов, возможно, изначально верховный бог.

Jutta (Ютта) — королева птиц, любимая дочь бога Таари (Таару), персонаж из литературной эстонской мифологии, сестра Линды. Обительница озера Эндла.

Juudaline (Юудалине) — эстонский демон, очевидно является эстонской трансформацией новозаветного Иуды.

Kääbas (Кябас):

1) — эстонский дух умершего человека, призрак, обитающий в могиле.

2) — сама смерть, которая является как дух, предвестник чьей-то смерти.

Kääbik, Kääbus (Кяабик, Кяабус) — *эст.* гном, коротышка, лилипут, эльф, чаще всего женского пола. Больше сказочное, нежели фольклорное существо.

Kaasik (каасик) — в архаичной традиции эстонский певец старых песен, в основном свадебных.

Kaevukoll (Каэвуколл) — *эст.* дух/демон, обитающий в колоде, может быть как карликом, так и великаном.

Kaitsja (Каится) — *эст.* дух-покровитель, по большому счету ангел-хранитель.

Kaleva, Kalevi, Kalev (Калева, Калеви, Калев):

1) мифический пращур эстов, муж Линды, происходит из страны Суоми, отец Калевипоэга. Родился от отца бога Таары и земной женщины в священной дубраве, где-то далеко на севере. Имел двух братьев. Один брат уехал на Русь и стал великим купцом, второй брат отправился в Лапландию, где добился славы умелого воина. Сам же Калева был унесен орлом и попал в Эстонию.

2) согласно финской мифологии, прародитель всех финно-угорских народов. Появляется в финском эпосе «Калева-ла» и эстонском «Калевипоэг». В нордических сагах выступает как Форнйотр (Fornjotr), который, по легенде, происходил с территории современной Эстонии, а затем перебрался на земли современной Финляндии. Он объединил все финские племена и, скорее всего, жил около 160–210 гг. после Рождества Христова.

Kalevipoeg, Kalevine, Kalevide, Sohni Osmi (Калевипоэг, Калевине, Калевиде, Сохни Осми), сын Калевы¹ — мифический богатырь, король-законодатель, главный персонаж эстонской мифологии. Заглавный герой эстонского национального эпоса «Калевипоэг», собранного Фридрихом Рейнхольдом Крейцвальдом (1803–1882). В принципе героем эпоса является вся эстонская земля и ее народ, а его олицетворением стал лучший представитель народа — Калевипоэг, сын старого Калевы, который во второй песне сам выступает как Калев(и), приняв не только имя, но и большинство по крайней мере внешних атрибутов покойного родителя, и которого мы быстро узнаем в полном расцвете красоты и мужской жизненной силы как светловолового гиганта, зачастую грубоватого богатыря с неисчерпаемой силой и энергией, не всегда направленной с пользой, тем более, что личность витязя — дихотомическая. Несомненно, богатырь убежден в своем призвании осуществить священную миссию. Потому его отношения с прекрасным полом поверхностны и быстротечны, в какой-то момент Калевипоэг признается, что вообще не собирается жениться, а его цель, как и цель графа Роланда и Фауста, — творить общественное благо, служить родине и действовать на благо эстонского народа.

Он добродушный, даже грубоватый, необычайно живой, высоко ценит обильный стол, любит выпить, «после большого пива» бывает вспыльчив, легко впадает в гнев, кидается в драку, падок на девичьи прелести, отпускает грубые шутки, любит себя показать, кажется, по крайней мере в начале, что он не далекого ума, но в то же время, как мы видим в отдельных частях эпоса, по мере взросления и приобретения

¹ Значительно больше о деяниях Калевипоэга можно найти в моей работе «Хердер в Риге и другие балтийские этюды» („Herder w Rydze i inne szkice bałtyckie”, Toruń 2007).

все нового сурового жизненного опыта герой уходит в возвышенные созерцания и всё охотнее вступает в споры и отступления метафизического характера, его мучают видения и сомнения, посещают пророческие сны. Будучи по природе бродягой, склонным к приключениям, он оказывается великим творцом. Он рьяно помогает Богу, когда тот пашет и раскидывает камни, формируя облик эстонской земли. Он переносит озера (так, он целиком перенес на спине озеро Пейпси (Чудское озеро), и даже пиявок положил в карман), прокладывает реки, ставит замки. Он — полный демиург своего царства: так например, гряды холмов — это видимые борозды его пахоты, озера — это его колодцы, огромные валуны — это его точильные камни, а равнины — это области, на которых он косил первобытную траву. Разбрасывая камни, он соревнуется с Ванапагами в чуде сотворения красоты эстонского ландшафта. Он успешно отражает многочисленные нашествия на эстонские земли со стороны немцев, русских, латышей и поляков.

Kalm (Калм) — *эст.* демон, обитающий в могиле.

Kalmuneiu (Калмунею) — *эст.* девица из могилы, дух, явившийся из страны мертвых.

Kaval Ants (Кавал Антс) — в легендах и сказках эстонского народа хитрый Ханс, мужичок себе на уме, проворный слуга, который успешно обманывает своего хозяина Ванапагана.

Kiikumine — ритуальное качание, которое практиковалось с целью побуждения вегетации растений. В эстонской деревне, начиная с Пасхи до середины лета, ставились качели посреди полей или на холмах. Такое качание устраивалось и на хозяйском дворе.

Klaubauterman (Клаубауреман) — капризный и злобный дух корабля, лодки, заимствованный из немецкого фольклора и встречающийся в сказках у ливов.

Kodukäija (Кодукяйя) — *эст.* дух, который постоянно блуждает и появляется в странных местах.

Многочисленные предания говорят о нем как о духе дома — отсюда и название.

В этом втором домашнем варианте мифическая ипостась Кодукяйя родилась под влиянием предания о Хеймдангере — домашнем пришельце с того света. Само эстонское название можно перевести как пришелец или прибывший домой. Такой эстонский Кодукяйя появляется чаще всего во время Hingedeag — в поминальный период. Его можно увидеть в облике умершего предка, в той же самой одежде, в которой он был похоронен, или, менее часто, одетым в белое. Следует помнить, что в дохристианский период белый цвет был цветом траура. Иногда дух появляется в полностью человеческом облике, но с дьявольскими атрибутами, например с ужасными зубами, необычными глазами, а иногда демонстрирует только какую-то часть человеческого тела, например окровавленную голову, руку, имитирующую движение руки работающего косаря. Он может показаться в доме, в других зданиях хозяйства, на дороге рядом с данным домом, он может парить в воздухе или плыть по воде. Дух отличается необычным поведением (например, он скачет на одной ноге, перебегает с одной стороны дороги на другую). Он также может принимать форму животного, обычно черного (например, кота, волка, собаки, белки, свиньи, лошади, зайца). Кодукайю как животное отличает неестественный, «подозрительный» цвет. Он может явиться и как целое животное, как покалеченное существо, например без головы, хвоста, задних лап. Также Кодукайя может явиться как странствующее дерево (например, ель), как огонь в различных формах, как движущийся стог сена или перекатывающийся мешок зерна. Обычно он приезжает или приходит с кладбища. С Кодукайей, в том числе явившимся в облике животного, можно установить «человеческий» голосовой контакт, вступить в беседу; некоторые, особо отважные, даже обменивались с ним рукопожатием. Кодукайя часто предрекал будущие события.

Дух способен проявить свое присутствие через акустические и обонятельные ощущения. Появление Кодукайи, как правило, предвещает неминуемую катастрофу. Это многозначный персонаж появляется в многочисленных сказках и легендах, не ясна его ассоциация с дьяволом. Он мог также быть переносчиком заболеваний.

Koerakoonlane или **Koerakoonlana** (Коэракоонлане, Коэракоонлана) — в эстонских мифах воин-грабитель, с мордой (дословно: с рылом) собаки. Скорее всего, это память о татарских набегах или о пацификациях, которые в XVI веке проводила по приказу царя Ивана Грозного опричнина (1565–1572). Это, скорее, чисто эстонский персонаж их сказок и мифов. Псоголовый воин имел тело человека, но голову и хвост собаки, реже — волка. Эстонские псоголовцы — *koerakoonlased* — жили на покрытом льдом острове, расположенном где-то далеко на крайнем Севере. Они целыми ордами нападали на человеческие поселения, чтобы сжечь людей. Согласно некоторым легендам, Коэракоонлане имел только один глаз. В языке **выру** (по-другому — в юго-восточном эстонском) он именуется *pinisabalis*/*penisabalis*.

Koit (Коит) — эст. персонификация рассвета, утренняя заря, дородный молодой человек, любовник Хямарик (*Hämarik*).

Kolju-taat (Колью-таат) — дух, морской демон из Харьюмаа. Неоднократно упоминается уже в церковных хрониках XVIII века. Он особенно облюбовал себе район побережья у Кейла-Йоа, к западу от Таллина. Мог воплощаться в огромного быка, внезапно выходящего из волн. Однако чаще всего это был высокий старик с характерной формой черепа — отсюда он получил свое имя *Kolju-taat* — Черепной дед — перемещающийся на серебристо-белой лодке. Как правило, вредил людям, но случалось, что и помогал им.

Koll (Колл) — *эст.* злой дух.

Kolumats (Колуматс) — эстонский чёрт.

Kower (Ковер) — связан с легендой о волшебном лесе в Тохтле. Блуждающий по лесу косоглазый человек (эст. *kõwer-silm* — «косой/кривой глаз»). Он прячется в сильно скрученных березах неестественной формы.

Kratt (Кратт) — эстонский демон, крадущий всякое добро — молочные продукты и хлеб — для своего хозяина, появляется в форме воздушного вихря (смерча) либо метеора/кометы с огненным хвостом. Он носит имена: *puuk, pisuhänd, tulihänd, hännamees*, в Ляэнемаа (Западная Эстония) — *varavedaja*. Чтобы заключить с ним союз, следовало выпустить три капли собственной крови.

Külmataat (Кюлматаат) — эстонский Дед Мороз, символ суровой зимы.

Külmiking (Кюлмикинг) — *эст.* привидение, дух умершего и кающегося преступника.

Kungla (Кунгла) — в мифах эстов край невообразимого богатства, безмерного счастья, страна преданий и волшебства. Некоторые исследователи отождествляют этот край с прародиной финно-угорских племен в районе нынешнего Пермского края и Приуралья, другие же — с островом Готланд.

Kurat, Kuri, Kuramus, Vanakuri (Курат, Кури, Курамус, Ванакури) — у эстов и сету чёрт. Одно из его фамильярных имен — *Vana Pois* — Старый Парень, в значении «старый холостяк». В фольклоре он часто представляется глуповатым и наивным персонажем, простаком, чьим врагом являлся бог-громовержец, а также волком-зверем. Отсюда популярное эстонское выражение: «*Kurat võtaks!*» — «К черту!»

Kure, Juva (Куре, Юва) — у ливов злой демон, дьявол.

Kuri silm — *эст.* чей-то дурной глаз или сглаз, вызывающий чары, особенно опасные для домашнего скота: коров и свиней, а также вредные для детей.

Lämmeküne (Ляммекюне) — эстонский персонаж, более литературный, нежели фольклорный, известный по поздним романтическим легендам и мифам, основанным на финской мифологии, авантюрист, бродяга, гуляка и соблазнитель.

Lapi nõid (Лапи ныйд) — в эстонском фольклоре ведьма из Лапландии.

Laudsipedäjä — у сетов древняя традиция, в соответствии с которой родственники на своих руках относили тело умершего, чтобы показать покойника старым соснам — представительницам леса, чтобы его душа могла символично попрощаться с природой, а природа — с покойным.

Leelo (Леело) — эстонская народная обрядовая песня, которая может также рассказывать подробную руническую историю. У сету leelo — это нечто большее, нежели передача артистических эмоций певца. Архаическая песня с импровизированным диалогом певицы с хором становится символом этнической идентичности. Хор повторяет только что спетые певицей фразы. Самые выдающиеся певицы могут импровизировать до 20 тысяч сохранных в памяти стихов и получают при этом почетное звание «Матери песен народа сету». Легко догадаться, что праздник песни в Сетумаа называется Leeloräev.

Leiger (Лейгер) — эстонский великан (дословно: игрок), живущий на острове Хийумаа.

Leil — *эст.* визуализация жизни, проявляющаяся в виде пара, заключенного в дыхании живого существа.

Lendva — болезнь / недомогание / паралич, насылаемые злой колдуньей в эстонских мифах.

Lennuk (Леннук) — корабль Калевипоэга, полностью серебряный, парящий над волнами, как птица, сделанный Олевипоэгом с участием финских и норвежских судостроителей. В настоящее время в эстонском языке Lennuk — это банальный самолет.

Libahunt, sookull — эстонский оборотень. Оборотнем становился седьмой, девятый, двенадцатый сын одной семьи. Оборотня от нормального волка можно было отличить по белому пятну на шее, которого у обычного животного не было. Оборотнем мог также стать человек, который (например, из глупой шутки или по неосторожности) надевал на себя волчью шкуру и трижды ритуально обходил волшебный камень. Реже в оборотня могла превратиться женщина — *эст. naine libahundiks*.

Liiva Hannus — эстонская идиома. От *liiv-piach*, *разг.* смерть, Мрачный Жнец.

Linda (Линда) — мать Калевипоэга и жена Калевы из эстонского эпоса Калевипоэг. От Калевы она родила, в зависимости от варианта мифа, от 7 до 12 сыновей. Насыпала погребальный курган своему мужу — в настоящее время холм Тоотпреа/Верхний город в Таллине. В ее честь сын назвал столичный град (впоследствии Таллин) Lindanise Sutek, или Линдино Лоно. Родилась из яйца, отсюда ее имя, происходящее от эстонского Lind — птица.

Lindakivi — камень Линды. Овдовевшая Линда на могилу Калевы, павшего в борьбе за свободу своего народа, относила валуны. Из принесенных камней она насыпала остроконечную гору, которая в настоящее время называется Кафедральным холмом, или Верхним городом — Тоотпреа, и это самая высокая точка всего Таллина — 47 м над уровнем моря. Самый крупный из камней, огромный валун, выпал у нее из фартука, и именно он является объектом почитания и поклонения. В отчаянии она села на камень и залилась слезами. Из слез Линды возникло большое озеро Юлемисте под Таллином, на берегу которого по-прежнему находится этот камень. Ее тяжелый труд ускориł рождение младшего потомка, последыша, сына Калевы — будущего Калевипоэга.

Lindu (Линду) — в соответствии с народными сказками, записанными Й.В. Яннсенем (1819–1890), дочь бога

Уку. Королева мира птиц. Ее руки добивались три небесных жениха: Месяц, который прибыл в серебряной колеснице, запряженной шестью конями каштановой масти, Солнце, колесницу которого везли 20 гнедых лошадей, и третий жених — Полярная Звезда — прибывший на место состязаний в алмазной карете, запряженной ста белыми лошадьми. Свадебная фата Линды — это не что иное, как Млечный Путь, который мы можем видеть на небе.

Lohe (Лохе) — дракон из эстонских детских сказок, обычно летающий.

Lohetapja (Лохетапья) — эстонский эквивалент святого Георгия и германского Зигфрида, истребитель драконов, в том числе и самого грозного Пыхью (Põhja koon). Герой многих легенд и сказок. Чаще всего тайный сын короля, который прибывает в некий охваченный скорбью город, от которого жестокий дракон требует все новую дань, например юными девами. Ему помогает стая волшебных псов. Лохетапья убивает дракона, освобождает прекрасную принцессу, а в качестве свидетельства ее любви получает от нее обручальное кольцо. Однако герой вынужден оставить город. Он отправляется в далекие страны на три года. Когда он возвращается, оказывается, что ничтожный соперник низкого происхождения, например кучер, заняв обманом его принадлежащее ему по праву место. Но благодаря верным и ловким псам и предъявленному кольцу все заканчивается чудесно и замечательно. Негодяй получает заслуженное наказание, а Лохетапья женится на принцессе, и оба они живут долго и счастливо.

Lokk, lokulaud, реже **lookk** — деревянный гонг, звук из которого добывается двумя деревянными молоточками, эстонский народный инструмент. До второй мировой войны имел свое практическое применение — использовался пастухами и хозяйками, когда они подзывали скот.

Loomislaul — эпическая песня, описывающая сотворение мира и установление истинного порядка. Многовариантное, в зависимости от региона и времени создания, стихотворное повествование. Дословный перевод — песнь сотворения, или рождения, или создания мира.

Louhi (Лоухи) — эстонская старуха: хмурая и злая колдунья, повелительница подземелья.

Lummutis (Луммутис) — у эстов дух, призрак.

Luupainaja (Луупайная) — *эст.* демон, ночной призрак, инкуб, особенно досаждающий молодым мужчинам на сексуальной почве.

Maalune (Маа-алуне) — в эстонской мифологии гном, который прячется в подземельях, разносчик болезней.

Maalused (живущий под землей), *maalised*, *moaljud*, на острове Муху — *maahaldjad* — в эстонской мифологии существа, живущие под землей, вызывающие кожные болезни, поэтому запрещалось сидеть на земле, пока ее не омыли первые весенние грозы. Также всякий раз перед тем, как сесть на землю, следовало трижды сплунуть. Ростом они не выше, чем от земли до колена крепкого вола. Под землей эти существа жили в собственном королевстве, которое было копией человеческого мира, но все объекты, существа в нем были уменьшены до пропорциональных им размеров. Особенность их мира состояла в том, что все направления в нем были перевернуты: то, что у человека справа, у них размещалось слева, наш верх для них был низом, иными словами, с нашей точки зрения они ходили вверх ногами. Маа-алусед вступали в отношения с людьми, изменив свой облик, они могли даже заключать с ними брачные союзы. Они также обращались к людям с просьбой о помощи, например при трудных родах или в случае серьезной болезни.

Maaluste naised — пряжи, живущие под землей, обычно три сестры, эстонские Парки.

Мааема (Мааэма) — эстонская Гайя, праматерь, архетип космической жизни, дословно Мать Земля. Согласно легенде, Вапа-ема (Старая Мать) — одно из имен Мааэмы — трудолюбивой пряжи. Если ей оставляли прялку и другие необходимые материалы для работы, она работала в течение всей ночи. Жужжание и бурчание мотылька принимались за звук работы Старой Матери. Если какая-нибудь женщина, особенно пожилая, проснувшись ночью от таких звуков, умело прикладывала палец к источнику этого шума, то она приобретала необычайные способности к прядению и ткачеству. Эти мало известные божества земли (пара супругов) именовались Маајуталад (Мааюмалад).

Majauss (Майаусс) — в эстонском фольклоре домашний змей, уж, дух-покровитель домашнего хозяйства.

Mardilaud — обрядовая песня, исполняемая в день святого Мартина.

Mardus (Мардус) — в эстонской мифологии и фольклоре соответственно дух смерти, сама смерть или предвестник и посланник смерти. Он проявлял свое присутствие ночью, когда все в доме спали, словами, стонами, грохотом, стуком, скрежетом и т.д. Материалисты объясняли его проявление акустическими эффектами, например действием короедов, главным же виновником ночных беспорядков считали домового точильщика¹. Каждый человек имел своего Мардуса, который как дух/призрак покидал его тело, что предвещало скорую смерть. Мардус мог появиться в виде привидения или в виде акустического эффекта, создавая так называемые голоса Мардуса одновременно и сразу многим людям, и это было признаком того человека, которому он приписывался. Мардус воплощал в себе будущее зло. Отсюда частое и интенсивное появление голосов Мардуса предвещало неминуемую войну. Мардус также мог находиться, к примеру, в лесах и болотах.

¹ Насекомое из отряда жестоккрылых, лат. anobium pertinax.

Marras (Маррас) — эстонский демон и предвестник смерти. Может быть региональным эквивалентом или вариантом Мардуса.

Mereveised — дословно: коровы из моря. Голубые коровы, живущие в море, являются постоянным элементом эстонских и ливских мифов и сказок. Действительно сохранилась такая особенная порода коров серо-голубого окраса, которая по-латышски именуется *Latvijas zilā govs* — латвийская голубая корова. Эта реликтовая порода крупного рогатого скота когда-то была широко распространена у ливских рыбаков на Ливском берегу. В настоящее время она является предметом постоянной заботы латвийских властей, составляются реестры, книги родословных, периодически проводятся научные конференции. Государственные институты содержат эталонные опорные поголовья, например стадо, живущее в болотах под Энгуре, на северо-западе от Риги в настоящее время насчитывает 89 голов этих чистопородных уникальных животных. Латвийская голубая корова в Латвии почитается так же серьезно, как зубры в Польше.

Metsa poeg — *эст.* дословно: лесной мальчик, лесной дух, его можно было легко распознать по косоглазию.

Metsaema (Метсаема) — эстонская Мать Лесов, богиня-покровительница лесов.

Metsaisa (Метсаиса) — эстонский Отец Леса, дух-покровитель леса. Появлялся в лесах в образе бородатого старого путника.

Metsavaim, vanametsa — у сету лесной демон, страж леса. Чтобы избежать его гнева, нужно не кричать и не шуметь в лесу.

Metsavana — эстонский лесной дух, дословно: Дедушка леса.

Metshaldjad — лесные духи, они могли были дружелюбны, но порой и вредны, приобретали вид различных существ от медведя, волка, собаки, зайца до червяка, мог-

ли предстать лесным путником разного возраста и разного пола. Эсты верили, что тот, кто внезапно умрет в лесу, может после смерти стать лесным духом.

Metsik (Метсик) — *эст.* идол плодородия и обильного урожая, представленный в виде огромного соломенного истукана. Его имя дословно означает «дикий». Также зимой, в период вегетации, его в виде соломенной куклы вывешивали на верхушке дерева, что гарантировало великолепный урожай и отгоняло волков от пасущегося стада.

Mumm (Мумм) — *эст.* демон, чудовище, монстр.

Murueide Tütred — *эст.* дочери Муруэйт, дородные девушки.

Murueit (Муруэйт) — эстонская богиня зелени, в меньшей степени лесов, тесно связанная с миром мертвых. Также богиня цветов.

Näk (Няк) — в эстонской мифологии коварный водяной, просто утопленник, обычно привлекательная женщина, которая искушала неосторожных и затаскивала их в воду. Соответствует русской русалке, немецкой Nixe и шведской näck.

Näkingeid — в принципе дружественные людям русалки у сету. Живущие на глубине полуженщины-полурыбы. Их сравнивают с золотыми рыбками, так как, скорее всего, они могли исполнять всевозможные желания.

Nõiamoor (Ныямоор), реже paine, nõid¹ — в эстонских сказках и преданиях злая колдунья, ведьма. У нее был волшебный котел — nõiakatel и обладающая такой же силой волшебная палочка — nõiakerp. В своем котле она варила всевозможные колдовские эликсиры и микстуры — nõiajook.

Nõid — некогда колдунья и знахарка у сету.

Nõid, noit, noaide — колдун, обычно злой из эстонских сказок и преданий. Прежде шаман.

¹ В эстонском и ливском языках нет грамматических родов.

Nõra, nāra — ливская русалка, чаще всего морская.

Notsu (Нотсу) — в эстонских сказках домовый, добрый дух, сказочный персонаж.

Nõvõ (Нывы) — ливская смерть, и в то же время сфера смерти, параллельная сфере бытия, куда, по-видимому, умершего человека проводил либо хранитель, индивидуальный дух покойного (вроде нашего Ангела-Хранителя), либо демон — проводник в иной мир (эквивалент греческого Харона).

Ofiolatria — культ змей. Среди эстонцев не был столь зрелищным и сильным, как у их соседей с юга — балтийских народов, тем не менее, и у них эти интригующие рептилии пользовались большим уважением. Эстонцы более практично подошли к этому вопросу, змен, гадюки использовались ими в качестве сырья для приготовления различных лекарств, магических средств и т.п. Что очень важно, день святого Георгия считался магической датой; например, эстонцы верили, что змея, убитая до 23 апреля, «полна силы», и изготавливали из нее разные лекарства и даже косметику. Убитые до этой даты рептилии соответствующим образом высушивались, а затем растирались в порошок и использовались несколькими способами: либо путем сжигания — ритуально окуривалось какое-либо помещение, человек или части тела человека или животного, — либо в форме мази или крема, либо путем добавления к соответствующим магическим настойкам. Порошок, мазь, настойка со змеей были эффективным средством при ревматизме, люмбаго, подагре, инфаркте, зубной боли, всевозможных кожных заболеваниях, а как магическое средство обеспечивали игроку везение в карты, благосклонность влиятельного лица, успех в суде и торговых делах, денежный доход, понимание языка птиц и т.д. Трость или палка, которой убили змею до этой даты, вешали на карниз дома, дабы защитить все хозяйство от пожара. Когда же эту палку помещали в зернохранилище, это

способствовало обильному урожаю зерна. Змея, поселившаяся под крышей дома, не могла быть убита, она становилась *majauss* — то есть домашним червем, домашним питомцем, почти членом семьи. Считалось, что присутствие змеи во дворе способствует хорошему сохранению скота.

Ohverdamine — ритуальная жертва или иное действие, производимое в сфере сакрального. Эстонцы своим богам приносили в жертву кровь, овсянку, хлеб, растительное масло, молоко, воск, монеты, квас, пиво, курицу и петуха. Действием, относящимся к сфере *ohverdamine*, например, можно считать троекратное сплевывание за плечо, чтобы отогнать сглаз.

Õlenukk (Ыленукк) — кукла из соломы, эстонская Морана, которую сжигали на костре около 25 марта.

Olevipoeg (Олевипоэг) — эстонский дух и наследник Калевипоэга, построивший Таллин, отождествляемый со святым Олафом.

Õnne rublatükk — дословно: счастливый рубль-монета. Эстонский *inkluz* — предмет, приносящий счастье, например, денежка, которая, будучи потраченной, возвращается к владельцу, благодаря доброму духу, присутствующему в данном предмете. Частый мотив, появляющийся в дидактических сказках.

Päike (Пяйке) — эстонское солнце как божество.

Painaja — эстонский ночной призрак, упырь.

Päina, Päina — в мифологии ливов существо очень маленького размера, скорее вредное, чем зловещее, скорее домовый, чем чертик. И всё же в некоторых источниках грозный призрак, докучающий людям и портящий ночью скотину. Его знаком была семиконечная звезда.

Pakane (Пакане) — эстонский бог морозов.

Peko, Pekko, Pellon (Пеко, Пекко, Пеллон) — бог плодородия у сету, а также бог урожая, особенно покровитель ячменя. Его называли также *Maa-Kuninga* — повелитель

земли. К нему обращали молитвы с просьбой о плодородии, погоде, его просили позаботиться о семье и домашних животных. Весеннюю фигурку, представляющую бога Пекко, изготавливали из дерева или воска, или парафина, с отверстиями для церковных свечей¹ в голове, выносили на поле и оставляли под открытым небом до завершения сева или даже до конца жатвы². Весной Пекко на поле выносили всей деревней, и это было праздничным действием. Селяне приносили пищу, пиво в освященное место. Они пировали вместе, а то, что оставалось из еды после праздника, раздавали нищим. Затем устраивались бои между хуторянами и опасные соревнования с перескакиванием через заборы, канавы, камни и т.д. Тот из хуторян, кто первым мог показать рану, полученную во время боя или прыжков, автоматически признавался победителем и имел право круглогодично опекать фигурку Пекко. Победитель держал ее в своем хозяйстве всю зиму. Разве что зимой, по завершении полевых работ, идола Пекко помещали в амбар или на чердак дома ответственного хуторянина. Характерно, что в поздних тотемных фигурах Пекко имелись отверстия для установки свечей для молебна, что является четким заимствованием из православия. Сету зажигали черные свечи перед такими фигурками. В Сетумаа культ Пекко был распространен до 30-х гг. XX века. Остатки этого культа сохранились до наших дней. Пекко был также покровителем пивоварения и мифическим защитником народа сету. Существовало поверье, что он перемещается в облике бабочки. Его могила или пещера, в которой он заморожен, но всегда готов пробудиться и прийти на помощь своему народу, находится под большим дубом возле Печорского монастыря. Его самый важный празд-

¹ Обычай, взятый из православия.

² Имеются значительные расхождения в определении времени, когда Пекко покидал поле.

ник — это праздник урожая, и он не имеет четкой даты. Он приходится на третье воскресенье календарной осени, в месяц, который в диалекте сету называется *sygiskuu* — сентябрь. В 1995 г. в финском Куопио был опубликован национальный эпос народа сету под названием «Пекко». Этот эпос был составлен на основе народных песен, исполняемых народной певицей, матерью песен, сказительницей, живой энциклопедией фольклора своего народа — неграмотной Анне Вабарной (Anne Vabarna, 1877–1964). Ее песни были записаны и обработаны уже в 1927 г.

Pell (Пелл) — бог, который защищал от болезней и несчастных случаев, а также исцелял недуги.

Pikker, Piker, Pikne, Äi, Äike, Kõu — эст. длинный, эпитет грома, возможно громовержец, соответствует литовскому Перкунасу. Он был богом, управляющим атмосферными явлениями. Сын бога Уку, передвигался на колеснице, в сопровождении грома и молний. Его атрибутами были флейта и дудка. Он любил заходить на сельские свадьбы и сопровождать танцы. Он не разрешал строить мельницу на своей реке Выханду, протекающий близ современного Тарту. Пикне постоянно занимался тем, что преследовал дьявола. Дьявол же прятался от погони бога под скалами, камнями, в дуплах старых деревьев. В конце концов, он искал убежища среди людей. Преследуемый дьявол прятался в карманах и забирался под юбки. Больше всего он боялся момента, когда начиналась гроза с молниями. Тогда рекомендовалось кому-то из членов семьи встать у закрытой наглухо двери и осенить ее крестным знаменем. Благодаря этому дьявол не мог добраться до людей. Тогда, отчаявшись, он спасался единственным доступным для него способом — нырял в озеро или прыгал в колодец, ведь вода имеет непосредственную связь с подземным миром. Молнии, воспринимаемые как стрелы, которые с неба направлялись Пикне, имели для древних людей также и материальную ценность. Поэтому

сразу после окончания грозы они устремлялись на поиски стрел Пикне, потому что верили, будто бы они обладают необычайной силой и целебными свойствами. Особенно почиталась сосна, росшая возле села Меэкси, пораженная стрелой Пикне. На нее вешались дары и жертвы, посвященные этому божеству.

Piksejumaļ (Пиксеюмал) — скорее всего божество грозы и грома в верованиях эстонских племен.

Pisuhänd (Писухянд) — изначально являлся как змей с огненным хвостом, дух, стерегущий и приносящий сокровища в эстонских мифах. Позднее также злобный дух, персонаж эстонского фольклора.

Pitki (Питки) — ливский бог грома и грозы, соответствует латышскому Перконсу.

Pitkizkiv — камень бога **Pitki**, либо его ядро/стрела. У ливов красные камни, которые находят в тех местах, куда ударила молния, считаются амулетами.

Põhja koon (Пыхья коон) — лягушка-дракон, родом с севера. Пятнистый монстр с туловищем вола, лапами жабы и хвостом длиной в милю, который испускал дым и палил огнем. Пожирал девиц.

Põhjala (Пыхьяла) — суровый край далеко на севере, Лапландия.

Põl (Пыл) — у ливов соответствует старорусскому волхву. Также злой дух, привидение.

Põrgu (Пыргу) — *эст.* подземный мир, ад, который, по народным преданиям, был идентичен тому угнетению и эксплуатации, которые испытывал эстонский народ под ярмом немецких феодалов. В поэтическом варианте — *Helveti*.

Põrguneitsi (Пыргунейтси) — в эстонской мифологии девица, живущая в аду.

Püha Jüri kutsikaid — щенки святого Георгия, покровителя рыцарей и солдат. Стая волков, крадущихся ночью, — частый мотив в сказках и легендах, заимствованный

из христианских легенд. Мотив имеет двойственную оценку, так при создании волка вместе и сообща действовали бог и дьявол. Более того, в эстонских легендах часто встречается убеждение, что именно волк является самым большим врагом дьявола.

Pühäsenuk — у сету красный угол избы, выполняющий сакральные функции, в нем ставились иконы и зажигались свечи. Напомню, что в ритуалах языческих эстонцев домашний алтарь именовался Pühapaik. Капище называлось Pühamu.

Puuk (Пуук) — в эстонском фольклоре летающий демон / домашний эльф или гном, который должен приносить своему хозяину деньги, зерно и т.д., украденные в других хозяйствах. Он являлся своим хозяевам ночью в огненном цвете или как светящийся силуэт. Его можно было купить в Риге за большие деньги, и тогда он становился очень лояльным и трудолюбивым батраком. Можно было также вырастить собственного Пуука из петушиного яйца, вскармливая его молоком и яйцами. Полет Пуука был похож на полет падающей звезды. Опытные владельцы таких полезных демонов могли по их цвету во время полета узнать, что Пуук им сейчас принесет: зерна, деньги или другое добро. Например, приносящий деньги Пуук принимал, в зависимости от местности, цвет золотистый или красный, если же он нес зерно, цвет был синий или желтый, а если молочные продукты, то чаще всего белый. Уже в XI веке хронист Адам Бременский отмечал, что эстонцы держат и поклоняются в своих домах демонам (лат. *dracones*), крадущим чужое зерно и относящим его своим хозяевам. Для предотвращения кражи собранного зерна следовало в амбаре или зернохранилище над мешками / соло-сами совершить крестное знамение. Демона также называли *kratt* — эльф, *tulihänd* — огненный хвост или *lendav* — змей.

Rajakivi (Райякиви) — самый известный в Эстонии граничный камень, что находится в селе Куусалу, регион

Вырумаа, к востоку от Таллина. Он лежит в 300 м от местной церкви святого Лаврентия, датированной 1220 г. Этот камень всегда трактовался как магический объект, к которому в праздник 10 августа — день покровителя местного храма — устремлялись многочисленные паломники, в основном крестьяне, вплоть до 20-х гг. прошлого века. Это была удивительная форма квази-католической обрядности, притом в лютеранской стране. Официально — чтобы участвовать в масштабном богослужении и празднествах, которые проходили в этом городке. Возле камня протекал ручеек, вода из которого исцеляла глаза. Сам камень — среднего размера, на его поверхности видны углубления, в которые когда-то вкладывались зерна в качестве жертвоприношения, и выкованный крест. Это дело рук человека. Однако можно увидеть еще кое-что: в «естественном» переплетении царапин, вмятин и трещин на боках камня можно различить изображение орудий пыток святого Лаврентия: щипцы, ножицы с северной стороны и решетки с южной стороны.

Rauni, Akka (Рауни, Акка) — в финских мифах, адаптированных эстонским фольклором и традициями, богиня плодородия и урожая, жена Укко. Ее день отмечался 15 июля как праздник урожая и плодов. Ее атрибутом была рябина.

Rõugutaja (Рыугутайя) — в эстонском фольклоре мифическая покровительница родов и младенцев. Она наделяла новорожденного длинной или короткой жизнью. Также покровительница города Нарвы и урожайности. Она помогает женщинам в их повседневных трудах. Также это имя бога ветра и волн. В эпосе «Калевипоэг» появляется демон ветра с таким именем.

Rukkihunt (Руккихунт) — демон, прячущийся в зерне, дословно: ржаной волк. Может поразить заразой/спорышной зерно. В переносном значении: волк в овечьей шкуре.

Salme Tähermörsja (Салме Тяхермырсъя) — героиня ливских и эстонских мифов и песен. Девушка, руки и сердца которой добивались три кавалера — солнце, месяц и звезда. Салме рассудительно выбрала мужем звезду¹, не меняющую свой облик, за постоянство характера и как воплощение скромности.

Sarvik (Сарвик) — *эст.* Рогатый или Старый Рогатый, повелитель ада, главный антагонист Калевипоэга. Его мать может появляться в облике ведьмы, а бабка — в облике белой кобылы.

Sinilind (Синилинд) — в эстонской мифологии волшебная голубая птица.

Siuru (Сиуру) — в мифах эстов дочь бога Укко, превращенная в мифическую жар-птицу. Огненная птица.

Sobija — встречающаяся у сету по сей день знахарка, шепотунья.

Sorts (Сортс) — эстонский демон, живущий в Чудском озере (Peipsi/ Peipus), укравший чудесный меч, предназначенный Калевипоэгу.

Sulevipoeg (Сулевипоэг) — *эст.* сын Сулевы, друг и товарищ Калевипоэга. Был превосходным стрелком.

Suri — в южно-эстонском диалекте целитель, знахарь, шаман.

Surm — дословно по-эстонски: смерть. Также общая для эстов и финнов финская *sigma* (сурма) — бестия, сопровождающая внезапную смерть, охраняющая ворота в подземный мир, как цербер. Описывается как огромная собака с змеиным хвостом, способная превратить несчастных в камень.

Suur Kärg (Суур Кярг) — огромный вол, гигантская бестия, которая днем могла превращаться в ласточку и летать, как птица. Ночью же она вновь обретала свой истинный

¹ В эстонском и ливском языках нет грамматических родов.

облик монстра. Тот, кто убивал его и пробовал его мясо, приобретал сверхъестественные способности. Чтобы убить этого гиганта, нужно было сто удалцов, чтобы пустить ему кровь — уже 500, и только тысяча сильных парней могла снять с него шкуру и разделить мясо на куски.

Suur Tõll (Суур Тылл) — персонаж из мифов и легенд эстонского народа, обитающий на острове Сааремаа / Эзель. Гигант, король всего острова, который жил в деревне Тыллусте (Tõlluste) вместе с женой Пирет. Как гласит легенда, его хутор располагался на полуострове Сырве, и это было очень важное место для размещения хозяйства, так как на ближайшем острове Рухну у него было поле капусты. Когда его жена Пирет разжигала огонь под костром, он отправлялся через море за капустой и возвращался через полчаса, прежде чем вода начинала кипеть. У него также был сын Ноор Тылл, талантливый музыкант. У Суур Тылла была трость длиной 10 м. Его брат Лейгер, также великан, жил на соседнем острове Хиiumaa. Суур Тылл любил есть капусту, пить пиво и ходить в сауну. Хотя он был королем, жил, как обычный хуторянин, охотно помогал людям, но при этом обладал взрывным характером. В гневе он кидался валунами в своих противников.

Однажды случилось так, что его враги отрубили ему голову. Тогда его туловище положило голову на меч и отправилось в могилу близ села Тыллусте. Перед этим, однако, он пообещал, что если народ Сааремаа будет в нем нуждаться (например, если начнется война), он вернется на землю, чтобы защитить родной остров. Над этим обещанием посмеялись дети. Тогда Суур Тылл рассердился и сказал, что больше никогда не вернется.

Предполагается, что этот миф имел реальную основу. Когда-то давно на острове Сааремаа жил род немецких старост и землевладельцев по фамилии Толл, представители которого выделялись высоким ростом, более 2 м 10 см.

Suure tame laul — плач великого дуба, эпико-космологическая песнь, наиболее известная из «Калевипоэга», стихи 133–262 и 763–944.

Syntyä — определение умершего предка, покойника, известное у балто-финских народов. Потусторонний мир, в котором пребывают души умерших, назывался Syndyizet.

Taara (Таара). Рекомендуемое в настоящее время адептами движения Maasuks написание его имени — Taag. Были и другие, региональные варианты: Toag, Toog, Toogus, Тоог, Teer, Tarapita. Эстонский верховный бог, упоминаемый под именем Великого бога людьми с острова Сааремаа как T(h) arapita, появляется в 1228 г. в Хронике Генриха Латыша. Военный клич «Taara avita!» переводится как «Таара, помоги нам!» или «Таара, ударь!» Этимологически можно вывести это имя от нордического бога Тора или же из финно-угорского корня Toгum. Его полное имя может означать «Таара — великий / длинный» — Taarapita. Pita — это либо в соответствии с общим финно-угорским корнем означает «высокий» или «пребывающий с высот / с неба». Возможно, его имя в восточной части страны звучало как Ukkupa. Вообще среди исследователей нет единого мнения, тождественны ли имена Таара и Tarapita, или же речь идет о двух отдельных божествах.

Не подтвердились гипотезы, что Таара определяется как Свинный бог, это своего рода заимствование из славянской мифологии. Культ Таары как небесного духа связан с молнией, и проявлением этого духа были жертвенные камни. Тем более, в соответствии с одной гипотезой, Тааре поклонялись среди каменных глыб. Его праздничным днем был четверг, и в этот день эсты воздерживались от работы. Скорее всего, жертвы ему приносились в ночь на четверг, и отсюда посвященное ему время именовалось вечерами Таары.

Бог Таара, по-видимому, прибыл в Эстонию из страны Суоми через Эзель, перенесенный орлом на прекрасные

и лесистые холмы Эбовере в западном Вырумаа, то есть в западной части северной Эстонии. Поклонялись Тааре в священных дубравах, отсюда название Хийумаа — второго по величине эстонского острова с многочисленными священными дубравами, означающее Божественный край, Божественная или Святая земля. По мнению этнографа, писателя и первого президента возрожденной Эстонии Лейнарта Мери (1929–2006), появление Таара именно на Эзеле / Сааремаа может быть связано с катаклизмом, который произошел на этом острове около 3000–4000 лет тому назад, когда огромный метеорит ударил в предполагаемое место рождения бога.

Во время исследования коллекции рисунков Йоганна Кристофа Бротце (1742–1823) в Риге был найден рисунок, датированный 1800 г. и представляющий деревянного идола, который, скорее всего, являлся скульптурным воплощением Таары. Эту деревянную фигуру должны были хранить в Ревеле в библиотеке церкви святого Олафа. Повидимому, этот деревянный идол погиб во время первой мировой войны. Когда пантеон древних эстонских богов был воссоздан в середине XIX века, Таара был признан богом войны и верховным богом несколько искусственным образом, однако такое представление успешно закрепилось в национальных мифах. Во время национального возрождения он попал в школьные учебники и на знамена. В 1932 г. возникла неоязыческая религиозная община в Таллине, носившая название Hiss — Священный лес / Священная роща — и пропагандирующая этнический ренессанс с Таарой как верховным богом, — так наз. Таагааласед. Вскоре число адептов этой общины достигло 700 человек в 16 региональных отделениях. После образования независимого государства наступило оживление и легализация. Хисс придумала поэтическое название для города Тарту — Тааралип — Город Таары.

Täht (Тяхт) — эстонское божество, являющееся в виде звезды.

Tallaja (Таллайя) — в эстонском фольклоре демон-топотун, инициирующий топаньем плодородие почвы.

Tõnn (Тынн) — хранитель урожая, а особенно свиней, отождествляемый со Святым Антонием. Во дворе был представлен большой восковой свечей или деревянной статуей, которую держали в сараях, на чердаках в специальном ящике, называемом **Tõnnivakk**, рядом с шерстью, зерном и копченым мясом. С языческих времен до наших дней сохранилось лишь одно его графическое изображение. Это ему в его день — 17 января — приносились в жертву овцы или бык. Жертвоприношение сопровождалось церемониальным всеобщим обходом целой деревни, с Тыннивакком, от избы к избе, с пением и благословениями.

Tõnnis, Tõnnivakk (Тыннис, Тыннивакк) — сакральный ящик, шкатулка или коробочка, в наше время даже коробка из-под сигар или изысканных кондитерских изделий, в которой размещалась фигурка божества-хранителя Тынна (**Tõpp**). Фигурка деревянная, отлитая из воска или сплетенная из цветных тряпочек, ей приносились благодарственные жертвы из первых плодов урожая — как правило, в октябре, а также при появлении на свет нового члена семьи. Древесиной, рекомендуемой для изготовления коробок и фигурки, была береза, а их изготовление поручалось шаману. Заботливая опека Тынниса относилась к важнейшим обязанностям хозяина.

Tont (Тонт) — *эст.* домашний дух, эльф.

Toonela, Manala (Тоонела, Манала) — *эст.* Край мертвых, за черной рекой, где-то на суровом севере, его повелителем был бог смерти Тоопи или Мапа. Обитатель края, одетый во все белое, назывался **Manalane**.

Toor, Tooru (Тоор, Тоору) — божество, известное в западной Эстонии, эквивалент нордического Тора — бога грома, его атрибутом был молот.

Tors, Piktulis (Торс, Пиктулис) — встречающиеся в хрониках различные имена для гипотетического верховного бога ливов.

Tsässon — часовня. У сету деревянные домики обычно строились в лесу, они являлись местом молитвенного сосредоточения и поклонения иконам.

Tubane hiss — дословно: внутренняя / комнатная священная роща. Выбранное место в комнате с живыми растениями, фигурками божеств — тип алтаря, перед которым в наше время эстонские неоязычники, одетые в народные костюмы, молятся, поют, обычно по четвергам. Современная версия «святого кута в крестьянской избе».

Tuhkapoiss — мальчик из пепла. Куколка из тряпок, изготавливаемая к Пепельной Среде — *Tuhkaräev*. Ее подбрасывали под двери соседа, избавляя таким образом свой собственный дом от бед и несчастий. Нельзя была попасться во время такой процедуры, так как это навлекало на родной дом всевозможные неприятности, а непосредственно на исполнителя — неудачи в женитьбе или замужестве.

Tulkuodä — в настоящее время у ливов летняя кухня и копильня, конусовидный шалаш, прежде часовня.

Tuule-Ema (Тууле-Эма) и **Tuule-Isa** (Тууле-Иса) — у эстов соответственно Мать и Отец ветров.

Tuulispask, Tuulispea, Tuulevood, Tuulepõõris (Туулиспаск, Туулиспеа, Туулевоод, Туулкпёорис) — *эст.* смерч, в фольклоре трактуется как демон разрушения. Также дух и крылатое существо.

Tuuslar (Тууслар) — никчемный колдун, живущий в Суоми, то есть Финляндии, один из протагонистов эстонского эпоса «Калевипоэг». Его имя означает «волшебник ветров». Тот, кто похитил Линду, а в конце концов был убит мстящим Калевипоэгом. Своим свистом управлял ветрами.

Tzlet — амулет, выполненный из золота и серебра, содержащий частицу земли с места рождения данного

человека. Используется группой нынешних эстонских неоязычников.

Udres-Kudres (Удрес-Кудрес) — в эстонских преданиях молодой крестьянин или парень, именуемый Сыном Солнца, положительный герой песен и сказок.

Uku, Ukko(nen) (Уку, Укко(нен)) — *эст.* дословно: дедушка или Старый Бог, Старый Отец, верховный и истинный бог эстов, супруг скандальной богини Рауни. Грозы и гром — это свидетельства их супружеских ссор. Во время грозы Уку стрелял из своего лука — радуги. Другие его имена — Vanaisa, Taevataat — Старый Отец, Небесный Отец. Владел подземным королевством, имел трех дочерей, несметные сокровища, в частности уток и гусей, начиненных золотом и серебром.

Ülalistmine (Юлалистмине) — специфический для острова Кихну обычай, когда девушки весенними вечерами собирались в овине, амбаре или в сарае. Целью встречи являлось совместное выполнение женской работы, такое как ткачество, вышивание, сопровождаемое пением и гаданием.

Urituli (Уритули) — священный огонь, костер, возле которого скорее всего совершали свои обряды эсты-язычники. В настоящее время возле него совершаются религиозные практики, например пения, молитвы, современными неоязычниками.

Vadatajs (Вадатайс) — реже Vadajas, злобный демон, подстерегающий путников на перепутьях в южной Эстонии. Он приобретает вид всевозможных тварей, не существующих в реальном мире, чтобы запутать беднягу в лесах и полях и завести в глушь. Он опасен также тем, что может проявиться как нормальная собака или обычный ребенок. Тогда он обычно доводит свою жертву до смерти. Этот демон был заимствован из латышского фольклора.

Väinämöinen (Вайнемейнен) — финский герой, демиург, волшебник, певец, изобретатель кантеле, искатель волшебной мельницы Сампо, чудесным образом зачатый

сын Илматары, богини воздуха. Один из главных персонажей финского эпоса «Калевала». На эстонскую почву его попробовал перенести Й.К. Петерсон под именем *Wainepoien*.

Vambola, Meelis (Вамбола, Меелис) — очень гипотетические вожди языческих племен эстов, боровшиеся в первую четверть XIII века против немецкого завоевания. В XIX веке на волне национального подъема в них увидели королей. В старых текстах встречается написание через *W* — *Wambola*.

Vanahalg (Ванахалв) — в фольклоре эстонцев и сету дьявол, изначально демонический дух леса: *vanahalb* — старый черт.

Vanamoor — дьяволица, но в человеческом обличье: знахарка, волшебница, травница, в разговорной речи — старая баба.

Vanapagan (Ванапаган) — один из множества гигантов, совместно создавших мир, выступающий в эстонской мифологии, в христианские времена отождествляемый с дьяволом. Ванапаган в соперничестве с Калевипоэгом формировал эстонский ландшафт, насыпал горы, создал реки. В фольклоре Ванапаган, дословно: старый язычник, — это эпитет дьявола, представлявшегося в виде великана и глупого хуторянина, которого легко обмануть. Ванапагана в ночных проказах сопровождала стая волков или волчьих щенков, которых называли стадом святого Георгия.

Vanejumi (Ванаюми) — эстонский бог плодородия и роста растений. Благодаря его стараниям женщины рожают детей.

Vanemuine (Ванемуине) — *эст.* бог танца, музыки, радости, придуманный Ф.Р. Фельманом (1798–1850), создателем эстонской литературной псевдомифологии, а кроме того, музыкант, играющий на каннели, и волшебник. Как гласит поздняя легенда, созданная в дидактико-патриотиче-

ских целях, он любил сидеть на холме Тоотетägi — Кафедральном холме в Тарту, и демонстрировать всем свою игру.

Vanetooni (Ванетоони) — эстонский бог смерти, эстонский Харон, проводник мертвых в их последний путь.

Varbola (Варбола), в настоящее время Лоху (Lohu). — Прежде важная крепость свободных эстов в Харьумаа. Пару раз упоминается в хрониках. Существовала как центр сопротивления с XI до XIII вв. В 1211 г. осаждалась войсками новгородского князя Мстислава Удатного.

Varrak (Варрак) — лапландский пророк, мудрец и шаман, появляющийся в эпосе «Калевипоэг».

Vaskia (Васкиа) — *эст.* богиня, пользующаяся поклонением в посвященных ей лесах.

Veehaldjas (Веехалдьяс) — *эст.* нимфа, ткачиха из источника Ахьюалуне.

Veteema (Ветеэма) — *эст.* Мать вод.

Vikatimees (Викатимеэс) — эстонский косарь, мужской персонаж с косой, эвфемизм смерти.

Vilisuu (Вилисуу) — монстр, подстерегающий непослушных детей, которые гуляют по ночам. Эстонские родители предостерегают своих непослушных отпрысков такими словами: «Ära mine õue, vilisuu tuleb!» — «Не выходи на двор, Вилисуу идет!»

Vilkatõks¹ — у ливов оборотень. Самый известный оборотень с Ливского берега имеет свою настоящую могилу. На кладбище в Мазирбе, прямо за воротами находится могила, заваленная огромным валуном. Общеизвестно, что это могила оборотня — пастора по имени Людвиг, а камень должен помешать ему выбираться из могилы. Прототипом был, по-видимому, пастор местного прихода Фридрих Кристиан

¹ Важно обратить внимание, что волк по-ливски — siuz, а значит, ливы заимствовали искаженное латышское название оборотней, так как по-латышски оборотень, вурдалак — vilkacis.

Людвигс (1735–1811), который оставил после себя очень интересные этнографические записки, также относящиеся к ликантропии.

Virmalised — эст. северное сияние, являющиеся людям как проявление воли богов.

Võlur, imetegija — шаман, колдун, знахарь, ведун.

Vonjemā, Von (Вонйема, Вон) — у ливов мать судьбы, богиня предзнаменования, фатум. В поздней ливской мифологии появляется балтийская *Laima* / *Laime*, но она играет второстепенную роль. Зато христианская Мария у лютеран занимает очень сильную позицию, и, кажется, именно христианская Богородица заняла место богини-матери, родительницы.

Wanaisa и **Wanataata** (Ванайса и Ванатаата) — в эстонской мифологии существовал образ благожелательной пары стариков, которые жили в согласии друг с другом, не вмешиваясь в текущие дела этого мира. Следует сразу сказать, что оба этих имени являются вариантами эстонского слова «дедушка», и кажется, его передача была неточной, так как бабушка по-эстонски — *vanaema*, или в разговорной речи — *petm*. По мнению Ф.Р. Фельмана¹ (1798–1850), Ванайса был творцом и изначальным правителем неба и земли. Миф об изначальном «сотворении мира» начинается словами: «Ванайса поселился на высоком небе, а в его всевластной тени в те времена светило солнце». Скорее всего, древние эсты не имели единого божества, сотворившего самостоятельно небо и землю, чтобы единовластно править; они верили в различных духов, которых называли отцами, лесными духами или же, к примеру, «дарителями дождя».

Баня — значение бани в восточно-балтийском регионе огромно и определяет целые сферы жизни и культуры. Без

¹ Врач, этнограф, писатель, будитель эстонского национального самосознания.

бани не может жить коренной балт или великоросс. Эти небольшие деревянные строения с трубой, расположенные возле озера, реки, пруда, были и до сих пор остаются постоянным и характерным элементом сельского пейзажа Северо-Восточной Европы. Все народы этого региона, а также жители Сибири буквально с древнейших времен строят специальные помещения и целые строения, позволяющие греть и мыть тело, несмотря на трескучий мороз и бушующую метель. Возможно, для таких народов, как прибывшие на эти земли финны и эстонцы, баня заменила им то, чего они лишились, покинув прародину, — благодати солнца и доступности тепла в горячих степях Азии. Так, обильно потев в помещении, нагретом до 140 °С, с окошком, размещенном с возделенной западной стороны, человек, — сейчас финн, эстонец, а некогда вожанин или лив, — молчал на двух языках: официальном, навязанном ему, и на втором, материнском (так говорили прежде всего о финнах), подсознательно тоскуя, как говорил финский пророк Иоганн Людвиг Рунеберг (1804–1877), по утраченной прародине, где-то за Уралом. Возможно, этот отголосок прафинской тоски перешел в лексику их славянских соседей, ведь даже в польском диалекте исторической Литвы, согласно Карловичу, а также в Латгалии и в Белоруссии, баня носила и до сих пор носит гордое имя — теплица. Таким образом, баня представляла и представляет собой важный объект гигиены. В соответствии с освященным обычаем, баню топили мужчины, так как столь ответственную задачу, по всеобщему убеждению, не следовало возлагать на женщин. Одна баня удовлетворяла потребности нескольких соседских семей, которые по очереди, обычно по субботам, готовили баню для купания. Самой ценной древесиной для растопки банной печи считалась береза, популярная с практической точки зрения, так как во время горения она не издает никакого шума, тем самым не отвлекая мысли, но дает тепло и

в то же время бодряще пахнет. Солидная банная постройка состояла из предбанника — раздевалки, места, где можно было перевести дыхание и что-нибудь выпить, и собственно помещения бани. В этой банной комнате располагалась мощная печь, сложенная из камней без раствора, так называемым шпоном. Дым в прежние времена выходил через окно либо через дымовое отверстие, но бани, строящиеся в наше время, естественно, имеют более изысканный вид. Расположенные в печи небольшие камни нагревались до красноты, после чего их в раскаленном виде с помощью специальных щипцов кидали в кадку с холодной водой, чтобы получить достаточное количество пара. Разогретые камни шипели, брызгались и подскакивали, а вода нагревалась до состояния кипятка, который для мытья следовало разбавлять. После выветривания помещения обычно ударяли по куску рельса, что было сигналом готовности бани... Выражение «задать дух» означало полить холодной водой печь, или, в случае с баней по-черному, кучу камней с большой примесью железа. Правильно «задать дух» надо было уметь, бессмысленно поливать водою печь — это не только варварство, но и опасная глупость. Поскольку первый дух по своей природе самый мощный, в соответствии с ритуалом и законами физики сначала в баню заходили мужчины и старшие мальчишки. А потом, когда дух становился более терпимым, в баню впускали женщин, девушек и детей, в том числе мальчиков дошкольного возраста. Конечно, бани пережили различные модификации: например, финская сауна обычно имеет три помещения: раздевалку, купальню с душем или кадками с холодной и горячей водой и помещение с полками для лежания на различных уровнях, то есть собственно сауну. Очень похожие бани встречаются во всей северо-восточной Европе, но с разной частотой. Божественное присутствие духов предков, обитающих в бане, приносило очищение. Ливы в своей мифологии на почетном месте ста-

вили демонов — покровителей гигиены, называемых матерями бани. Поэтому долго сохранялся обычай уходить из бани, не выливая из ведра оставшуюся горячую воду. Это делалось для того, чтобы живущим в бане духам было чем помыться. Люди входили в баню и выходили из нее с именем Бога на устах. Побратимы ливов и эстонцев финны утверждали, что существуют два священных места для человека — сауна и церковь. В целях пожарной безопасности и для сохранения интимности классические бани ставились на некотором расстоянии от других зданий, для них выбирались места возле рек, озер или у пруда. Если не было никаких естественных водоемов, вырывались пруды. Так повсеместно делали, например, ливы. Для ливов пруд, бассейн у бани стал таким же необходимым атрибутом домашнего хозяйства, хутора, как, например, хлев. Помимо чисто гигиенических процедур, таких как мытье, стирка и купание, бани также использовались для сушки белья, копчения мяса и рыбы, варки пива. Баню использовали и для лечебных процедур, здесь боролись с простудой, в них оставляли на ночь батраков и даже, временно, арестантов. Эстонцы повсеместно после Иванова дня, но не раньше, готовили березовые веники, чтобы париться ими в бане

Баня — это пространство очищения, в том числе в духовном смысле, место магическое и сакральное. Эстонцы строго соблюдали запрет топить баню, когда дома на носилках лежал покойник перед переносом на кладбище. В баню рекомендовалось ходить босиком, а внутри вести себя серьезно и достойно. Всевозможные подтрунивания, свист и глупая болтовня были запрещены на территории бани, это была сфера сакрального. Деревенская баня по-шведски называлась *bastu*, по-фински — конечно, *sauna*, а по-эстонски — *saun*, *leil*, *leilisaun*, по-ливски же *sõna*.

Белый Корабль — *эст. valge laev* — мифический и вожденный корабль, который должен был отвезти бедных

и угнетаемых в землю обетованную — на Кавказ или в Крым. Этот эстонский миф зародился около 1860 г., а его автором был харизматичный предводитель религиозной секты, купец Юхан Лейнберг, именуемый Пророком Мальтсветом. Фанатичные адепты пророка собирались в местечке Ласнамаэ, под Таллином, разумеется, тщетно ожидая этот самый корабль. Миф этот ожил в советское время как символ надежды на независимость.

Блуждающий лес — мотив в эстонской мифологии, повествующий о каре, которая постигает людей, когда они становятся злыми, никчемными, предаются порокам, не уважают традиции и жестоки к окружающей природе, которая их кормит, защищает и поддерживает. Тогда обиженный лес оставляет свое прежнее место и уходит в другие края. Самое сильное верование в то, что лес может покарать безнравственных людей, встречается на морском побережье.

Голубой источник, расположенный под холмом Вилина возле церкви в Лаис, неподалеку от Тарту, регулировал погоду во всей Эстонии. Вытекал он из ближайшего болота. Когда люди страдали от засухи, следовало туда отправить с садовыми инструментами трёх вдов, имевших одно и то же имя, чтобы они в строго определенное время воскресного богослужения очистили источник и тем самым увеличили ток воды. Когда же, наоборот, дожди и ливни заливали весь край, то три вдовы должны были ограничить поток.

День Королевства сету — *эст. kuningriigipäev*. Ежегодный фестиваль культуры и традиций сету, во время которого устраиваются игры, забавы, ярмарки (где продаются столь ценные в народности сету женские серебряные украшения), певческие, кулинарные, ораторские смотры, показы танца. Условно очерчиваются границы этого «королевства». Проходят выборы короля сету — *эст. ülemsoostka*. Выбираются и его придворные, так называемые мастера сету. Этот почетный титул обязывает достойного им человека до-

стойно представлять всё Сетумаа, став наместником Пеко (Реко) на земле.

Дети Варвары или Варвы/Варавы — у ливов несчастные сиротки — сестренка и братик. Эти бедняги утонули не где-нибудь, а в Красном море. Уже после своей смерти детишки пережили чудесное превращение — став тюленями, они ждут конца света. С мифом о детях Варвары связан культ, который некогда существовал у ливов в отношении тюленей. Некогда — потому что в более близкие нам времена ливы много охотились на этих морских млекопитающих. Явное заимствование из латышского фольклора.

Жертвы — эстонцы-язычники охотнее всего приносили жертвы в четверг. У воды обычно для этого брались молоко, монеты, чаще всего серебряные, украшения, кровь, мясо, яйца, зерно и целые животные, в основном птица. После рождения ребенка или теленка в жертву приносилось молоко с первого удоя. В качестве жертвы могли приноситься и крупные животные, например волы. Такую жертву совершал языческий жрец Хартвиг в 1220 г. в юго-восточном районе Уганди.

В особых случаях совершались и человеческие жертвоприношения — обычно военными пленниками. 29 января 1223 г. эсты атаковали город Феллин, который защищали немцы. Захватив его, часть пленных они убили, часть отправили в рабство, а мужественному войту из Ярвамаа, датчанину Хеббе (Хеббусу) живьем вырвали сердце, запекли его и съели «чтобы обрести силу, что жила до недавнего времени в убитом враге». Тела убитых врагов эсты обычно оставляли на съедение зверям и птицам как жертву богам лесов и полей. Реже в качестве жертвы приносились крупные животные, например кони, коровы, овцы, телята.

В средние века эстонские крестьяне приносили в жертву овцу в день Olevipäev — святого Олафа — 29 июля. Обычно жертвенные дары эсты сбрасывали в воды рек и озер.

Вешались жертвенные дары и на деревья, ранее покалеченные ударом молнии. Также и ливы приносили кровавые жертвы, в том числе пленников, своим богам в пещерах и гротах.

Загробный мир и мертвые. Эстонцы, по свидетельству англо-саксонского путешественника Вульфстана IX века, соблюдали обычай, при котором они оставляли своих умерших в доме, где проходило бдение и жертвенное возлияние до момента кремации. Эстонцы боялись хоронить тело в земле, потому что считали, что тело станет обителью демонов, которые могли бы нанести вред живым. Это противоречит тому, о чем упоминали письменные источники, утверждавшие, что тела убитых врагов эстонцы оставляли на поле боя на съедение собакам, волкам, лисицам и хищным птицам. Однако, как, в свою очередь, отмечал в своей хронике Генрих Латыш, эстонцы даже выкапывали захороненных врагов и сжигали их. Убитым врагам эстонцы отрезали голову и вырывали сердце, чтобы лишить их силы. В народной традиции эстонцев сохраняется поверье, что в году существуют два хороших периода для смерти — весной, когда деревья начинают выпускать листья, и осенью, когда деревья начинают их терять. Эстонцы верили, что в хорошую погоду и утром умирают честные люди, а ночью и, например, во время метели — колдуны и негодяи. Рекомендовалось класть тело умершего на солому. Рядом с телом покойного нельзя было произносить имя, фамилию или прозвище умершего человека, потому что это могло помешать его путешествию в загробный мир. Следовало также как можно скорее открыть двери и окна в избе. Также рекомендовалось сломать иглу на груди покойного. Тело укладывали ногами к северу. В момент смерти останавливали часы и покрывали тканью зеркала. Существовало верование, что в человека может войти чужая душа, например покойника или животного. Это происходило тогда, когда спящий человек неосознанно проглатывал мышь, жука, бабочку, муху или червяка. Связь живых

с мертвыми особенно сильна у сету. Похороны у сету были связаны с приношением жертв, громким пением и причитаниями, своеобразными формами диалога с мертвыми. У сету существует также широко распространенное убеждение, что душа умершего пребывает на земле еще сорок дней после его смерти. По истечении этого времени у них проходило торжество — реплика настоящих похорон.

Заколдованный лес в Тохтля. — В Эстонии, к северу от Чудского озера, в районе Алутага находится прекрасный и девственный лес, не слишком большой лесной островок среди полей. И в этом лесу живет множество человекоподобных существ, например старухи в лохмотьях, похожая на шайку компания цыганок-попрошайек, ватага полуголых диких детей, которые могли летать, маленький старичок с очень длинной бородой, тащивший мешок, который больше его самого. Жил здесь также черный кот, огромный, размером с теленка. Никто не отваживался войти в этот лес. Дурная слава леса в Тохтля переходила из поколения в поколение, пока сам шведский король не решил вырубить лес в Тохтля. Долго не могли найти смельчака, который взялся бы выполнить это задание. Наконец нашелся такой, что самого черта готов был ухватить за рога. Этот дровосек, который ничего не боялся, нанес удар по первому дереву своим топором. Тогда из раны дерева брызгнула кровь, совсем как человеческая, и пораженное дерево издало пронзительный крик боли, как живой раненый человек. Пораженный дровосек бросил свой топор и убежал. С того времени никто не отважился нарушить вечный покой леса в Тохтля.

Зимние сапоги — эта кошмарная обувь должны была пугать ливских, особенно своенравных детей.

Золотые змеи — очень популярная и дидактическая эстонская сказка, имевшая много вариантов. Она рассказывает историю о двух лесорубах, которые в лесу наткнулись на группу змей. Лесоруб убил одного из гадов, и тогда в атаку на

людей кинулся целый змеиный полк со своим предводителем, голову которого украшала золотая корона, иными словами, король змей. Дровосек топором разрубил голову змеиного короля. Убитый гад в одно мгновение превратился в золотой слиток. Ободренные таким замечательным превращением, лесорубы убили другого змея, с тем же результатом. Два солидных слитка золота лесорубы разделили справедливо. Один слиток они оставили для себя, а на деньги, вырученные за второй, построили церковь.

Источники. У сету вода из некоторых мест считалась целебной или святой. Святыми могут быть реки, ручейки, например тот, что протекает у сакрального камня Jaanikivi, или же озеро Engli järv, то есть Ангельское озеро, близ Тикласы. Однако более всего почитались источники. Самым известным считается источник в Печорах близ монастыря. Люди утверждают, что вода в нем имеет целебные свойства, а потому часто наполняют ею бутылки. Подобные свойства имеет вода из источников вблизи Серга или Мииксе. И хотя множество других источников в Сетумаа считаются целебными, лишь вода из Печор и Мииксе, по мнению сету, в полной мере заслуживает того, чтобы называться святой. Вода эстами воспринималась как дарительница и источник жизни, а потому к богине, Матери Воды — Veteema — обращались за помощью бесплодные женщины. Эсты вообще очень чтит и чтут природные объекты и всю родную природу. Только в западной части страны — Läänemaa до сих пор находится 69 священных камней, 14 культовых колодцев и 20 некогда священных рощ.

Каннель — вид гуслей/цитры, по-эстонски kannel, kannel, по-ливски kändla, по-фински kantele — струнный щипковый инструмент различных типов и размеров. В старой Эстонии традиционные каннели имели 6–7 струн. В новое время каннель может иметь до 30 струн. Древесина, рекомендуемая для изготовления эстонского каннеля, — яблоня

дуб или орешник. Одна из популярных эстонских народных песен повествует о том, как некий юноша (здесь подчеркивается мужской фактор) изготовил каннель на холме, то есть рядом с местом обитания богов, используя древесину трех «духовно» твердых деревьев: яблони, орешника, дуба, ритуального посредника между живыми и мертвыми. В эстонских племенах было необычайно сильно убеждение, что каннель — это дар богов, тем аннеля были изготовлены из волос морской русалки. Скорее всего, изначально для изготовления струн каннеля использовался конский волос.

Космология и космогония. У эстонцев оригинальные рунические песни повествовали о зарождении Вселенной. В них птица, обычно утка, откладывала 3 яйца в гнезде, свитом на Древе Мира / Жизни — космической оси, и из них вылупились солнце, луна и земля, или же в качестве третьей — звезда. Эстонцы верили, что весь видимый мир построен вокруг Мирового Древа или Столба, который, в свою очередь, прибит к небу огромным, возможно, золотым гвоздем, колышком — Полярной звездой. Ежедневное наблюдение звезд, как будто вращающихся вокруг Полярной звезды, подтверждало эту точку зрения. Само небо воспринималось как крыша мира — своего рода купол или перевернутый котел, накрывающий сверху землю. Земля же представлялась круглой, слегка выпуклой и покоящейся на большой воде.

Млечный Путь называли Птичьим Трактом, по-эстонски Linnutee. Птичий Тракт был одной из ветвей Мирового Древа¹ — Ilmaruu. Корни же Мирового Древа были погружены в подземный мир. Иные названия Птичьего Тракта — Piimatee (Млечный Путь), Taevatee (Небесный Путь), Kuretee (Путь Аиста), последнее является регионализмом для островов. Появляется также и более позднее название — Kristuse

¹ Оно также называлось шаманским, так как по нему взбирался или ходил шаман в своих мифических странствиях.

tee (Путь Христа). У сетов Млечный Путь носит название Sirgutee — Прямая (Правильная) Дорога. Птичьим Трактом двигались птицы, переносившие души умерших на тот свет.

В пятой книге эстонского эпоса «Калевипоэг» есть рассказ о гигантском дереве — Дубе, который разрастался с такой скоростью, что стал угрожать людям своей тенью, способной заслонить весь мир и тем самым уничтожить жизнь на земле. Калевипоэг срубил колосса, спасая тем самым весь мир от погружения во мрак и холод. Это отголосок мифов народов Севера, где Млечный Путь предстает космическим деревом со многочисленными ветвями, которое и повалил божественный богатырь. Для эстов небесные тела: луна, солнце и звезды, — это мужские божества. Божества мощные, но не всемогущие, так как язычники-эсты обвинили монаха Теодориха, осуществлявшего у них миссию в 1191 г., в том, что он съел солнце, — так они восприняли солнечное затмение, произошедшее 23 июня 1191 г.

Космос для языческих племен эстов существовал параллельно в 3-х пластах: срединный — существующий здесь и сейчас, верхний — мир небес и вместилище богов — *taevamaailmad*, нижний — подземный мир, соответствующий в общих чертах античному Тартару — *allmaailmad*. Все эти миры имели связи между собой, что позволяло, например, шаману в состоянии транса перемещаться по необходимости в верхний или нижний мир. Можно найти упоминания о существовании мифической или космической реки. Ее исток находился где-то в верхнем мире, затем она текла через срединный мир и заканчивалась уже в нижнем мире.

В финской мифологии, родственной по отношению к эстонской, творцом мира был Вяйнямёйнен (*Väinämäinen*). Вначале он плыл по космическому праморю, когда прилетела птица, обычно утка, реже — лебедь. Птица села ему на колени, свила там гнездо и снесла яйца. Она сидела так долго, пока не обожгла колено Вяйнямёйнена. Тот сбросил

яйца в море, разбив их. Так волшебник из разбитых яиц создал солнце, луну и звезды. С нижней части скорлупы возникла земля, а сверху — небо. Луна была создана из белка, а из желтка — солнце. А остальное, что осталось после смешивания белка и желтка, превратилось в звезды.

В эстонской версии этого мифа, птицей-творцом был орел, который летал над водами и увидел выступающие колена Вайнемейнена, на котором отложил одно яйцо. Вайнемейнен почувствовал, что что-то давит, сменил позу и уронил яйцо, которое разбилось. В результате из желтка возникло солнце, из белка — луна и звезды, а из скорлупы — земля. К сожалению, оригинальные космологические ливские мифы не сохранились.

Кресты на соснах. В Эстонии в некоторых местах сохраняется обычай вырезать знак креста на стволе массивной и старой сосны в качестве своего рода эпитафии для сохранения памяти об умершем человеке из местной общины. К сожалению, этот обычай плохо сказывается на такой живой «мемориальной таблице», и самая старая сосна с крестом в Лаатре недавно засохла.

Ливские магические символы. Символы, вырезанные на ульях в лесах, как правило в виде букв Х и К, — это, вероятно, знаки собственности¹ бортников. Другие, более таинственные символы постоянно встречаются на деревьях, чаще всего на крупных соснах, а также на дверных рамах или балках в домах, хлевах, конюшнях, сараях в ливских хозяйствах. Набор форм этих знаков очень широк: от пометок, схожих с нашей буквой Х, до упрощенных изображений парусников, паутины, домиков с покатой крышей, пятиконечных звезд. Преобладает точка зрения, что эти знаки имели цель отгонять ливских ночных призраков — Rājna, Rāipa.

¹ Гмерки или тамги, старопольские знаки.

Есть также более смелое утверждение, что эти символы являются зародышем оригинального ливского алфавита.

Ливские Матери — лив. *Līvlizt jēmād*, духи, отвечающие за отдельные сферы жизни и природы в мифологии ливов. Важнейшие из них: *Lēmjēmā* (Лемйема) — мать тепла, представленная с солнечной корзинкой в руке, дающая тепло и свет. *Lēmjēmā* — мать ветров, у которой множество своевольных детей-ветров разного вида: от ласкового зефира и бриза до страшного вихря и разрушительного шторма. *Mōjēmā* (Мойема) — мать земли, покровительница земли как плодородной почвы, урожайности полей. Ливы, народ рыбаков и мореходов, более всего почитали *Mierjēmā* (Мерьема) — мать моря, которой приносились жертвы в виде красных ниток и цветов — единичных или собранных в венки и букеты, — их забрасывали в море и оставляли плыть по волнам. Мерьема является героиней многих сказок и рассказов. Вот одна из них. Как-то раз, в спокойное время море как бы заплакало, зарыдало. Ливы страшно удивились, что это такое? Тогда один пожилой и мудрый рыбак посоветовал им перенести якорь лодки в другое место. Послушались ливы совета опытного человека и перетасили лодку в другое место. Едва сделали это, как слезная жалоба моря сразу прекратилась. Тогда этот мудрый человек объяснил: так уж случилось, что как раз сейчас на дне морском должна состояться свадьба одной из дочерей матери моря, а этот якорь так неудачно был заброшен, что загораживал приглашенным и ожидающим свадьбы вход в свадебный дом.

Озеро Ыйсу — Находится в регионе Феллин, *эст.* *Viljandi* (Вильянди) и возникло чудесным образом. Давным-давно некий злой помещик собирался непременно выдать свою сестру (по другой версии — дочь) замуж, вопреки ее воле. Ради этого недостойного дела он подкупил священника. Однако во время этой кошунственной церемонии замок провалился под землю, а на его месте возникло озеро.

Пояс и лента — эст. *kirivöö*, ленты, особенно красные, имели магическую силу. Или украшались ветки в священных рощах. Пояс в лечебных целях обвязывался вокруг больного места. Для придания силы и здоровья им обвязывалось запястье.

Реинкарнация или жизнь после смерти. Финно-угорские племена, в том числе эстонцы верили в возможность посмертного воплощения души в тело животного, например, волка или медведя, что могло случиться только с самыми смелыми воинами, и служило своего рода посмертной наградой. В языческий период, и этому имеются многочисленные археологические доказательства, широко была распространена вера в продолжение жизни в загробном мире. Поэтому мертвым, которых хоронили под каменным курганом, оставляли оружие, украшения, зачастую имевшие значительную ценность, например серебряные и золотые, орудия труда, игрушки.

Священные деревья — эст. *hiieruud*. Священными деревьями у эстов в первую очередь были крепкие дубы, реже — медоносные липы, а еще реже — ольха. В магической сфере ценился также кизил. Священной до сих пор считается липа в приходе Мярьямаа — деревне Сипа, имеющая в обхвате ствола свыше 9 метров, самое большое дерево в Эстонии. Некоторые эстонские народные предания объясняют, почему листья дуба имеют такую неровную форму. Дьявол в порыве ярости поцарапал листья дуба, когда тот, вопреки дьявольской воле, сохранил листья до весны. В эстонской мифологии существовало понятие священного дуба — *Hiidtammi*. В настоящее время самым старым дубом в Эстонии, а значит, наиболее почитаемым, является дерево, чей возраст 680 лет, имеющее в обхвате 8,25 м (если измерять на высоте груди взрослого мужчины), растущее в селе Лаури в южном регионе Вырумаа. В эстонском фольклоре очень благоприятной для людей считается ель. Существует поверье, что под елью безопаснее всего спрятаться во время грозы. В эстонском

языке есть идиома «идти под ель», что означает искать чьего-то покровительства. Кроме того, молодой еловой хвоей красили пасхальные яйца в зеленый цвет.

Береза считается символом плодородия и лета. Поэтому свадебные избы украшались березовыми ветками. У сету священными и важными деревьями были береза — влияние русского фольклора, — сосна, дуб и рябина, реже липа и можжевельник. У сету было особенно распространено верование в то, что рябина защищает от удара молнии. Одновременно рябина считалась деревом, дающим счастье в широком смысле. Рядом с ней с человеком не могло случиться ничего плохого. Также для этой группы ценным деревом являлась береза, а особенно получаемый из нее сок, который, по мнению многих сету, являлся эффективным средством для всех заболеваний. Кроме того, во многих селах Сетумаа стоит дерево, считающееся местными жителями «особенным» или священным. К известным мне примерам относятся: группа сосен в Вярска, можжевельник и сосна в Хярма, сосна в Лютепя, дуб в Печорах, лес возле Саатсе. Сосна и можжевельник были связаны со сферой похоронных обрядов, что имеет обоснование, так как у финно-угорских народов хвойные деревья связаны с культом мертвых. Поэтому на кладбищах эти народы охотнее всего сажали сосны, ели и рябины.

Священные камни в эстонской мифологии и обрядовости (эст. *Hiiekivid*) имели большое значение как алтарные плиты для жертвоприношений. Для этой цели предпочтение оказывалось валунам, оставленным ледником. На них в качестве жертвы оставлялась кровь, красные ленты, серебряные украшения, позже — монеты с целью обеспечения богатства и успеха. Обычно на этих камнях были естественные или искусственные углубления диаметром около полуметра. Как правило, их отличительной чертой была форма, вызывающая ассоциации с фигурами людей или животных. В углубления складывались дары. По сей день в самую ко-

роткую ночь в году — 22 июня — эстонские неоязычники проводят свои обряды, связанные с пением и установкой деревянных идолов у священных для них валунов на холме Тоомеяги (Toometägi) в Тарту. У лапландцев такие жертвенные камни назывались seide.

Священные Камни у сету. В Сетумаа находится несколько камней, считающиеся особенно священными и пророческими. Наиболее известным является Яаникиви, или камень Святого Яана / Ивана. Этот камень находится в Мииксе (Miikse) (бывший Meeksi). Он лежит у небольшого ручья, рядом с церковью. До настоящего времени там сохранился обычай жертвоприношения во время многих праздников, а прежде всего, на Старого Ивана, 7 июля. Этот праздник летнего солнцестояния отмечается в Эстонии как Jaanipäev, или Иванов день. По утверждению опрошенных, только в этот день камень обладает энергией, способной обеспечить счастье, богатство или же излечить. Взамен следует принести соответствующие жертвы, главным образом творог, сливочное масло, молоко и яйца. На Старого Ивана также поются хвалебные песни, устраиваются танцы. Помимо Яаникиви, недалеко от Мииксе находится Annekivi — камень Анны. Возле него не проводятся никакие обряды, но камень этот по-прежнему считается «особенным». Некогда он также был местом жертвоприношений. К нему, в частности, приносили отрезанные ноги и головы овец. Камень в Саатсе, однако, также до сих пор используется во время церковных торжеств.

Священные липы — почитаются ливами в Курляндии. Известны два таких дерева. Первым была священная липа возле Ринда, под которой в неспокойное время, например во время войны, собирались ливы, чтобы в ритуальном молитвенном обряде поливать листья священного дерева водой. Если вода стекала с листьев быстрой струей, то это означало, что просьба выслушана. Второй священной липой было огромное дерево, растущее прямо на берегу ручья

Ансе. Под ним также раньше собрались ливы и обращались с просьбами к богу или, скорее, к богам. Завершив молитву, они срывали с нее ветки и бросали их в бегущий ручей, внимательно следя, что произойдет. Второе дерево также нашло свое место в фольклоре и истории Латвии, с ним связано около 50 преданий и сказок. Оставшиеся от него отростки были намеренно уничтожены в советское время, но уже во второй период латвийской независимости на этом месте выросла молодая, но уже крепкая липка.

Священный лес — точнее: Посвященный лес, *эст.* Ristitud mets, находится в центральной части Эстонии. Когда-то в нем некая женщина была изнасилована ночным путником. Этот лес, свидетель такою гнусного дела, почувствовав себя виноватым и стал увядать и высыхать. Чтобы ему помочь, местное население вызвало из Паиде (польское название этой местности — Белый Камень) священников, которые совершили обряд очищения леса, окропив его святой водой. Эти меры оказались успешными, и вскоре лес ожил, снова расцвел и зазеленел.

Старец из леса — эстонский бог леса или лесной демон, который появляется как дряхлый старик с одним глазом и длинной седой бородой. Его эстонское имя неизвестно, он соответствует богу Тапио в финской мифологии, покровителю лесов и зверей. Финский Тапио — дословно: лесной старик, занимался охотой, а также особым покровителем медведей. Его функции пересекались с основной деятельностью Метсаиса — божественного Отца Леса.

Старый Томас — *эст.* Vana Toomas — покровитель Таллина. Самый известный символ города, изображается на кубках, футболках и всевозможных сувенирах. Существует ресторан под его покровительством, марка сигарет, хороший ликер, названный его именем, снят фильм о нем и т.д. В Таллине он поселился в 1530 г. Он выглядит как позолоченная фигурка высотой 75 см — средневековый ландскнехт в остро-

конечной шляпе, с великолепными усами, с поднятым для удара боевым мечом. Практически он служит городу флюгером на башне Ратуши, построенной в 1402 г., а значит, указывает направление ветра и в то же время, как гласит легенда, стоит часовым на вечной страже города от наступающего противника. Имя фигурки, как утверждает одна этимологическая версия, дал один бедный уличный мальчик, который оказался лучшим лучником на соревновании стрельцов. Благодаря этому он добился поддержки бургомистра и смог получить образование. Он приобрел знания и уважение среди горожан, неоднократно героически защищал Таллин. Повзрослев и возмужав, он отпустил великолепные усы солдата-ветерана. Его имя Томас с лестным эпитетом «старый» (в смысле закаленного в боях) и дали позолоченной фигурке.

Хлеб — эст. leib — как и у других крестьянских народов, по-прежнему пользуется огромным уважением. Эстонцы, особенно с островов, носят в качестве амулетов мешочки, украшенные народными орнаментами, с ржаной мукой на хлеб. Раньше эстонцы, веря, что хлеб — глава всей пищи, начинали каждую свою трапезу с проглатывания хотя бы маленького кусочка хлеба, если не с целого ломтя. Во время пира, который устраивался после крещения ребенка, родители строго следили, чтобы крёстные, прежде чем опрокинуть первую рюмку водки, отведали сначала хлеба. В противном случае, как считалось, ребенок мог вырасти пьяницей. В окрестностях Сууре-Яанни, когда пекся хлеб, строго запрещалось оборачиваться к хлебной печи спиной, а если дети делали это, даже случайно, считалось, что они могут стать горбатыми. Нельзя было жаловаться на найденную в хлебе муху, соломку, траву, нитку и т.п. Такое сетование воспринималось как неуважение к хлебу. В этом случае говорили: «Ты не уважаешь хлеб, и он от тебя отвернется». Запрещено было принимать пищу в помещениях, где сушился хлеб, так как это приносило влагу и заболевания зерна. По этой же

самой причине запрещено было что-либо употреблять в пищу рядом с работающими жнецами. Нельзя бы ломать или резать хлеб, используя только одну руку. У этого принципа было лишь одно исключение: так могла поступать мать, кормящая в этот момент ребенка грудью. Некогда в окрестностях Рапла первый кусок хлеба отдавали собаке, так как существовало поверье, будто «под собачьей лапой хлеб растет». До сих пор по-эстонски «приятного аппетита!» звучит как «jätku leiba!», дословно «вдоволь хлеба!». Вообще для коренных народов этого региона настоящий хлеб должен быть ржаным.

Христианские святые — адаптированные эстонским фольклором в качестве богов покровители повседневной жизни, отвечающие за отдельные сферы и виды деятельности: святой Георгий — Jüri — покровитель сельского хозяйства, святой Лаврентий — Laurits/Lauri покровитель огня, святой Мартин — Mart — покровитель плодородия, а святой Антоний — Tõpp или Tõppis — пребывающий в вечных трудах хранитель урожаев и свиней. Святая Катерина — Kadri — особенно заботилась об овцах.

Четыре пророческие дара духа озера Пейпус — легенда говорит, что однажды в воскресенье четыре мальчика играли на берегу озера Пейпус (Чудского озера). И вдруг к ним из воды вышел старик — человек из подземного мира, с длинной седой бородой. Он вручил каждому из детей подарок. Первому он дал лодку, и этот мальчик во взрослой жизни стал рыбаком. Второму он дал молот, и мальчик вырос кузнецом. Третьему старик подарил плуг, и тот стал землепашцем. Четвертому же он вручил книгу, и ребенок, возмужав, стал королем, который, защищая родную землю, громил шведов и датчан.

Шляпа из ногтей — в эстонских мифах: küüntest kübar — шапка-невидимка, которую обычно использует в своих гнусных целях Ванатюхи (Vanatühi).

ГАДАНИЯ И ЗАКЛИНАНИЯ, ЧАРЫ, СУЕВЕРИЯ

Для эстов воды имели свое магическое значение, в Книге Гутслаффа было отмечено, что оба их народа считали, будто погода зависит от текущего состояния воды, от ее чистоты в реке, считавшейся священной — Выханду (Võhandu), недалеко от современного Тарту. Если в данную реку попадет что-то, что загрязнит ее глубины, то начнутся дожди или зимой воду скует лед. Выдающийся эстонский лингвист XX века Фердинанд Йохан Видеман (1805—1887) в работе «Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten» («О внутренней и внешней жизни эстонцев»), 1876, с. 470, описывал следующее гадание эстонцев: на землю клали шест и заставляли переступать через него коня или вола; если животное переступало через жердь правой ногой, предзнаменование было хорошим, если левой — плохим. В прошлом в Эстонии было суеверие, в соответствии с которым рождение двуглавого теленка предвещало надвигающуюся войну. При жертвоприношении древние эстонцы обращали особое внимание, на какой бок падала жертва, при этом правая сторона означала удачу, а левая наоборот. По сей день ворон, пролетевший над кем-то с левой стороны на-

право, является счастливым знаком, а летящий в противоположном направлении — знаком несчастья. Точно так же в Эстонии до сих пор сохраняется убеждение, что муравьи приносят людям счастье. Было также запрещено сжигать или выкидывать вычесанные или обрезанные волосы, косы — их необходимо было тщательно закопать, потому что иначе владельцу грозили внезапные головные боли. В эстонской провинции сохранился обычай дарить ребенку во время его крещения серебряные монеты, чтобы у него выросли крепкие и красивые зубы.

Эстонские крестьяне предсказывали предстоящую погоду по радуге, вернее, по интенсивности появлявшихся на ней цветов: если красный цвет преобладал, то следовало ожидать сухой и хорошей погоды, зеленый же цвет предвещал дождь. Эстонцы верили, что если срубить или покалечить цветущую черемуху, то из окрестных мест улетят все соловьи. По сей день эстонская молодежь обоего пола узнает по направлению полета божьей коровки ту сторону, откуда появится жених или невеста. Вообще для эстонцев божья коровка, улетающая на юг, — это хороший знак, а на север — плохой. Аист был зловещей и пророческой птицей. Если аист упорно и долго кружил над границами чьей-то земли, это предвещало близкую смерть в семье. Похожим образом дело обстояло с кукушкой: если птица упорно куковала рядом с чьим-то хозяйством, это также был плохой знак, но все же при этом был шанс что-то изменить. Хуже всего было услышать кукующую кукушку возле водопада, это означало одно: неминуемую смерть. С другой стороны, кукушка была полезной птицей: заблудившемуся в лесу человеку следовало ориентироваться на ее голос и идти к ней.

В эстонской традиции по сей день сохранилась целая гамма суеверий, связанных с выходом из дома в поле, на рынок или по делам. Особенно важной для предсказаний

была встреча с первым существом или человеком на этом пути. Лучше всего было встретить мужчину, встреча же со старой женщиной, а особенно со старой девой, предвещала неизбежную неудачу. Тем же, кто отправлялся на рыбалку или охоту, встреча со старой девой грозила полным провалом. Можно было, правда, обойти такого человека, приносящего несчастье, с левой стороны, но такая уловка вовсе не гарантировала желаемого изменения судьбы, выходило 50 на 50.

Хорошим знаком было встретить мужчину, едущего в повозке или, еще лучше, верхом на лошади. Несколько мужчин сразу в одной повозке умножали гарантии успеха. Хорошо было встретить кого-нибудь с узелком или вязанкой хвоста за спиной. Появление же на дороге кого-то с пустыми руками приносило несчастье. Заяц, белка, девица, овца — это были плохие знаки, и наоборот, такие животные, как: волк, рысь, лось, олень, косуля, кот, лиса, собака, лошадь, воспринимались как доброе предзнаменование. На побережье встреча с человеком в форме предвещала неудачу, но повстречать трубочиста, сельского сторожа¹ ночью было знаком благоприятным. Трубочист приносил счастье, если стретившем его удавалось ухватиться за что-то черное, например за часть собственного гардероба того же цвета, а не за пуговицу, как это принято у нас сейчас.

Для эстонцев предвестниками будущих плохих событий были русский поп, черный кот, нищий, старуха. Предстоящий день должен был стать успешным, если первым встреченным утром человеком (помимо домашних) был мальчик или мужчина младший по возрасту — чем моложе, тем лучше. Также, принимая гостей, хозяева заботились, чтобы поставленное на стол угощение было полностью

¹ В сельских общинах существовал институт сторожей или стражников села или мызы.

съедено, так как это обеспечивало хорошую погоду в ближайшее время. Эстонские хозяйки особенно заботились о чистоте кастрюль, сковородок и противней, если же на их поверхности появлялась ржавчина, то это могло предвещать болезнь или даже смерть хозяйки дома. Замужняя женщина не должна была появляться перед людьми без фартука, нарушение этого запрета могло вызвать неурожай. Повсеместно существовало убеждение, что если готовящаяся в кастрюле еда начинала кипеть с середины, то вскоре должны появиться непрошенные гости. Не разрешалось, чтобы два человека одновременно заглядывали в кастрюлю с готовящейся едой, так как это могло вызвать ссору между ними. Нельзя было ничего есть при работающем ткацком станке, так как изготовленная в таком случае ткань была особенно подвержена заражению вшами. Существовал и такой железный принцип: нельзя ничего есть и пить, сидя на пороге, ибо таким образом прогонялась еда из этого дома, а женихи обходили двор стороной. За столом одновременно не могли находиться 13 человек. Молодые люди не могли сидеть за столом так, чтобы их ноги разделяла ножка стола, так как из-за этого можно было остаться старой девой или старым холостяком. Проклятьем считалось сватовство, длившееся семь лет, оно несло в себе опасность скорой смерти одного из супругов. Подросток мог впервые сесть за стол, как взрослый, лишь после того, как он вспашет свой первый отлог земли. Девушки, однако, оттягивали этот момент, так было распространено предубеждение, будто девушка, севшая слишком рано за стол вместе со взрослыми, скоро состарится. Запрещено было заглядывать кому-то в тарелку, пока он ест, из-за его спины, потому что это не только отбивало аппетит, но и могло стать причиной возникновения горба. При некоторых обстоятельствах заглядывание кому-то в тарелку могло быть расценено как пожелание смерти. Нельзя было сви-

стеть за столом во время приема пищи, из-за этого могли родиться непослушные дети или достаться глупый супруг. Взрослые избегали есть в темноте, чтобы дети не стали не-ряхами и не выросли ворами. Разумеется, девушки гадали с помощью свиных ножек, кто из них скорее выйдет замуж, и судьбу тут решала собака: на быстрое и выгодное заму-жество могла рассчитывать та девушка, которая первой со-блазнила собаку своим угощением.

Сохранились сообщения хронистов о том, что ливские боги являлись своим приверженцам во сне, объявляя свою волю или предрекая будущее. Например, одному из ливов ливский бог объявил во сне, что приближается отряд литов-ских грабителей.

На ливские представления о смерти оказали сильное вли-яние верования германцев и балтийских племен. Смерть, по-ливски *põlvõ*, это параллельная сфера бытия, в которую покойного уводил либо дух умершего, либо демон-прово-дник. Больше известно о самом погребении. Ливы верили, что покойный, вернее его душа, принимает активное уча-стие в похоронах. Он идет по главе похоронной процессии, иногда превращаясь в цветочную пыльцу, перышко птицы, кружащийся листок или облако пыли, а затем, уже на клад-бище, внимательно наблюдает за ходом похорон, оценивая поведение скорбящих. По завершении ритуала он в том или ином виде, или же бестелесно, возвращается в дом. И здесь возможны две версии: одна гласит, что дух остается у ворот, а вторая — что вместе с первым скорбящим она садится за стол, чтобы присутствовать на поминках. Во втором случае следует во время поминок обильно угощать душу покойного лакомствами и внимательно наблюдать за зеркалами и ок-нами, так как вполне могло случиться, что душа умершего на мгновение приобретет его земной облик и покажется со-бравшимся. Осенью и зимой в период поминовения души мертвых следовало кормить хлебом, рыбой, молоком, кашей

и т.п., то есть обычной земной едой. Считалось, что души умерших обитают в своем мире, параллельном миру живых, но с тем преимуществом, что видят и слышат все, что происходит в обоих мирах и имеют способность проникать из одного мира в другой. Этот альтернативный мир именовался Морем мертвых, а в окрестностях Дундага, не понятно почему, Египтом. Столь хорошо информированные умершие охотно являют живым свою волю и делают им предостережения во снах.

Ливы верили в существование и действие так называемого «дурного глаза». Существовало убеждение, что некоторые люди способны сглазить, заморозить у кого-то скот или иным способом причинить вред. Простым средством противодействия этому, известным еще с языческих времен, являлось заклинание. Какая-нибудь заботливая бабушка обращалась с простыми словами заговора к внуку, который подвернул себе палец или разбил колено. Желая успокоить боль, бабушка спешила произнести заклинание по-ливски: «Of, of, of, — и при этом она дула на болящее место, — of, of, of tãmpõ ruĵã, ūomdõ tierã!» — «Оф, оф, оф, сегодня ты больной, завтра здоровый!» Таким образом, люди верили, что боль пройдет, и плакса перестанет реветь. Осенью и зимой ливы, а особенно ливские девушки очень любили устраивать гадания. Для гадания собирали кусочки олова, высыпали на старую сковородку, которую ставили на разогретые угли в печи. Олово плавилось, принимая зачастую замысловатые формы. И тогда его быстро бросали в миску с водой, которую заранее ставили под печь. Замысловатые оловянные фигурки и немного воображения доставляли девушкам много радости и побуждали к предсказаниям, особенно когда такую фигурку брали в руку и подносили к свету так, чтобы на стену ложилась тень. При некоторой доле фантазии можно было увидеть в тени то коня, то фигурку будущего поклонника (точно так же га-

дают и в Польше на день святого Андрея). Существовали также и другие виды ворожбы. Девушки кидали туфельку за плечо, вспоминали сны, что снились в особенную ночь. Были такое специфическое гадание: зажженная свеча ставилась на печь (это лучше всего), а затем, нагнувшись, надо было посмотреть между ног на зеркало, которое отражало другое зеркало¹. Это последнее гадание проводилось в последний день старого года. Первый же день нового года воспринимался как обычный праздник, ливы не приписывали ему никаких особенных вещих свойств.

¹ У Казимира Мошинского в его «Народной культуре славян», находится описание подобного гадания с зеркалами, которое встречается в Велико-россии и проводится девушками. Вообще гадания с использованием зеркала встречаются в основном у славян.

ТРАДИЦИОННЫЙ И ОБРЯДОВЫЙ ГОД ЭСТОНЦЕВ, СЕТУ И ЛИВОВ

Январь. У ливов январь называется *janvāg*, и важнейшей датой этого месяца является 17 число, день святого Антония, покровителя свиней. В этот день эсты с юга страны и ливы ели свиную голову, а оставшиеся после такой трапезы кости относили в лес. В этот день у ливов было запрещено расчесываться и вообще использовать гребень, так как, нарушив этот запрет, можно было наслать на свиней вшей. Подобное суеверие было известно и эстонцам. Также в этот день были запрещены работы с сетями, так как существовало поверье, будто бы в случае нарушения этого запрета, летом свиньи будут рвать выставленные на просушку сети. В официальном эстонском календаре месяц называется *jaanuar*, но в традициях и в фольклоре сохраняется название *näärikuu* — новый месяц, месяц рождения — например, ягнят, телят и т.п. Эстонские хозяйки на Новый Год пекли специальный пирог, украшенный колосьями и шишками — *näärikak*. На 13 января приходится день святого Канута — *Nuudipäev* / *Kanutipäev*. Вечером этого дня родственные семьи встречаются за пивом, на беседе. Существуют и другие названия этого месяца: *südaakuu*, а в южной части страны *vastseajastajakuu*.

Вторая половина января считается эстонцами временем перелома, так как до конца зимы остается меньше времени, чем прошло с ее начала. В зависимости от местности, переломной датой считается либо день святого Антония — 17 января, когда друг другу обещают, что «зима сломает себе шею», либо праздник Божьей Матери Громовницы, 2 февраля, когда «сердце мороза трещит». Испулавшись в горячей воде, поляки радуются, что на Новый Год день прибывает на бараний прыжок, а эстонцы более осторожны и менее оптимистичны, они говорят, что на Новый Год день прибавляется на петушиный шаг.

Февраль. Февраль в ливском языке называется *īēbruāg*, у эстонцев — *veebruag*, а разговорной речи *küünlakuu* — месяц, сияющий от свеч, зажигаемых в праздник Божьей Матери Громовницы, 2 февраля. Эстонский февраль имеет также и другие названия — *raduokuu*, *vastlakuu*, *sudenkuu*, *kassikuu*, *pudrusõõmisekuu*, *soekuu*, *helmekuu*, *hõlmkuu*. 6 февраля эстонские неоязычники празднуют свой самый большой праздник в году, день Таари — *Taarapäev*.

24 февраля — национальный праздник Эстонии — день объявления первого независимого государства 24 февраля 1918 г. Также на 24 февраля приходится день святого Матфея. Раньше в этот день символически вывозили на поля навоз, чтобы зараза не повредила картофель, чтобы мухи, змеи, гадюки и прочие вредные твари держались подальше от домашнего хозяйства. Другим подходящим сроком для первого вывоза навоза на поля был вторник перед Пепельной средой, так как это действие предвещало великолепный урожай льна. В этот день молодежь с радостью каталась на санках и предавалась веселым забавам на свежем воздухе. В этот же день прежде в Ляэнемаа крестьяне громко и символично избавлялись от всякого зла, вынося за пределы деревни узелки, связанные из тряпок и лохмотьев. В приходе Ханила тряпье зашивали в старую юбку, придавая ей форму

мяча, который назывался *kada*¹, и с помощью палок катили в соседнюю деревню с целью отогнать несчастье от своей деревни.

В Пепельную среду эстонцы традиционно ели гороховый суп со свиными ножками, а ливы торжественно открывали бочку с тюрбо. Праздник Божьей Матери Громовницы был днем гаданий. Так, например, жители эстонского острова Сааремаа считали, что выпавший в этот праздник обильный снег сулил великолепный улов на весь сезон. Точно так же доброй приметой в день Божьей Матери Громовницы ливы считали появление снежного налета и инея, рассчитывая при этом осенью на богатый улов, особенно сельди. Рыбаки с озера Пейпси/Пейпус избегали рыбачить² в день Божьей Матери Громовницы, считая это обычное для них действие смертным грехом.

Март. Официальное эстонское название марта *märts*. Народное же название связано с католическими традициями — *raastukuu*, от *эст.* *raast* — пост. Другие названия марта более приятные: оптимистическое *kevadkuu* — весенний, *linnikuu* — птичий, *urbekuu* — сережечный³.

День 14 марта — годовщина рождения великого поэта, сына эстонской литературы, величайшего романтика — Кристиана Яака Петерсона (1801–1822), и в Эстонии он отмечается как День родного языка — *emakeelepäev*. День 21 марта в Эстонии именуется *Metsiku Austamise Päev* — день, в который пробуждаются от спячки змеи, червяки, насекомые и медведи. В западной Эстонии канун дня 21 марта считается *Metsiku Austamise Päev* — праздником дикой природы и диких зверей. Для эстонских женщин день *Maarjapäev*, 25 марта — Благовещение Пресвятой Богоро-

¹ В этом случае речь идет вовсе не о праще или катапульте, так как первое значение слова — праща.

² Речь идет, разумеется, о подледном лове.

³ От сережек, появляющихся на вербе.

дицы — был пограничной датой. В этот день заканчивался период женских работ, выполняемых под крышей, например ткачество, шитье и т.п. Это событие женщины отмечали в своем кругу, пили наливку на спирту, обязательно красного цвета, например с брусничным соком, называемую «румянцем Девы Марии» (по-эстонски *Маагјарипа*).

Также в этот день запрещено было выполнять некоторые виды женских работ, например ткать, шить. Вечером запрещено подметать пол, расчесываться и разжигать новый огонь. Реальным началом весны у эстонцев считается день, а точнее ночь, когда яйцо без трещин, оставленное на заборе, держалось целый день и всю ночь. Это был знак того, что можно начинать работу в поле, с этого же дня девушки могли спать на лофте, то есть на чердаке амбара¹, и вообще за пределами дома. Тогда же устраивался забавный обряд передачи девушкам ключа парнями. Отсюда напев, немного фривольный, но очень жизненный: «Вот вам ключ, возьмите его, но отворите нам двери, когда мы постучим». С первым весенним громом, который слышал прежде эстонец, связано следующее суеверие. Когда раздавались первые раскаты грома, следовало трижды ударить себя в голову камнем, чтобы голова стала твердой, как этот камень. Это должно было защитить обладателя такой «каменной» головы на весь предстоящий год от удара молнии. День 25 марта — праздник Марии Капустной. Исследователи культуры и обычаев сету не могут точно объяснить происхождение этого названия. Чаще всего объясняют, что в этот день обычно сажают капусту. В этот день также девушки сету, чтобы иметь красивые румяные щеки, пили *таагјарипа* — вид сока или вина, приготовленного из лесных ягод — черники или брусники. В наше время этот обычай

¹ Классический амбар на богатых крестьянских хуторах в балтийских странах, как и скандинавский лофт, был двухэтажный, при этом комната на втором этаже, часто с балкончиком, служила для хранения одежды, инструментов, а летом — как девичья спальня, а также гостевая комната.

редко встречается, а вместо упомянутого напитка пьют красное вино. По-ливски март звучит как *märts*.

Апрель. У эстонцев *aprill* и *jürikuu* — месяц святого Георгия, чей день считался первым днем выпаса скота под открытым небом, и это событие знаменовало начало пастушеского года. День 14 апреля в аграрном календаре эстонских крестьян считался днем плуга, поскольку именно в этот день в первый раз в новом году плуг распахивал почву.

Другие названия этого зеленого месяца — *mahlakuu*, *sulakuu*, *naljakuu*. *Jüriöö* — это особенная ночь, ночь святого Георгия с 23 на 24 апреля, когда разжигали костры, трубили в трубы и стучали в котлы и барабаны, желая отпугнуть злых духов и хищников, способных повредить скоту. В наше время в день святого Георгия в Эстонии также разжигают огромные костры, организуют народные забавы на свежем воздухе, бег по пересеченной местности и ориентирование, а вечером — шествия по улицам городов и деревень с факелами.

День святого Георгия воспринимается как магическая дата. Например, эстонцы верили, что убитая 23 апреля змея «полна силы», и изготавливали из нее различные медикаменты, а также косметические средства. На юге Эстонии известна также поговорка: «Святой Георгий приходит с корзиной рыб», что связано с началом рыболовецкого сезона на море и озерах. Святой Георгий является покровителем коней, и поэтому прежде эстонские крестьяне два раза в год — на святого Георгия и на святого Михаила, 29 сентября, приносили святому в жертву черного петуха, чтобы затем съесть птицу в конюшне в мужском обществе. Также очень важно было помешать появлению росы, особенно на рогах скота, утром в день святого Георгия, так как существовало поверье, будто корова с росой на рогах потеряет вес и перестанет давать молоко. Менее строго придерживались запрета на забой крупного рогатого скота, начиная с этого

дня. До этой даты не впускали цыплят в курятник, так как опасались, что в будущем куры не будут нестись. Детям запрещено было до этого дня бегать и ходить босиком, так как существовало убеждение, что земля до этого момента все еще отравлена зимой. Вечером этого дня совершались магические ритуалы, которые должны были помешать нападению волков на пасущийся скот, потому что, как известно, в эстонских народных традициях святой Георгий был также покровителем волков. С этого дня изменялся также и рацион. В пищу начинали больше употреблять молочные продукты, сыр, яйца и т.п., ели меньше мяса.

Одно из наименований Пасхи — яичные праздники, Мунарühad. Традиционно в эстонских деревнях красят яйца, отваривая их вместе с березовыми листьями и луком. Во время этих праздников молодежь, в основном мужского пола, развлекалась на качелях, качаясь на доске парами, устраивались всеобщие гуляния с песнями, а также с соревнованиями, кто выше подпрыгнет.

В день Пасхи (лив. Lejävõtāmõd) ливская молодежь выходила к приморским дюнам, выкладывала на песке зеленые ветки и пением призывала птиц, чтобы те прилетали на Ливский берег.

В эстонском традиционном аграрном календаре день святого Георгия — 23 апреля, — это дата начала полевых работ, Иванов день — 24 июня — время первых сенокосов, а в день святого Михаила, 26 сентября, заканчивались полевые работы. На день святого Георгия в эстонских деревнях существовал такой обычай: женщины надевали на левую сторону юбки и перчатки, затем бежали на пастбище по следам коров, но не своих, а соседских. Они тщательно подбирали навоз, оставленный скотом, и восклицали: «Вот мое молоко, вот мое масло!» Собранный таким образом навоз сохранялся и затем использовался при проведении различных магических ритуалов. Существовало поверье, что

таким образом можно легко обогатиться за счет соседа. Интересным, хотя все реже встречаемым обычаем является использование качелей во время праздников у сету. Во многих районах этого края, Сетумаа, устанавливаются большие деревянные качели высотой в несколько метров. Обычно они стоят в местах, где проходят всеобщие гуляния, связанные с этим праздником. Качаются на качелях во время различных праздников, однако чаще всего это связано с весенним циклом или самой Пасхой, которую иногда называют даже праздником качелей — *kiigepühad*. Другое название праздника — Праздник Весны — *kevadpühad* — время возрождения природы, крашения яиц, откуда идет и название *munapühad* — праздник яиц и радости молодых. Весенний период — это также начало работ, связанных с разведением скота и обработкой почвы, столь важных для деревенских общин. В обрядовом календаре сету существовали дни, в которые следовало заняться следующими действиями: *karjalaskeräev* (первый выпас скота) и *küüipäev* (день первой пахоты). Обычно это соответственно 1 и 14 апреля. Говорят, прежде вышеупомянутые действия совершались в начале или в конце апреля, в начале мая или же в день святого Георгия. Однако в настоящее время эти дни выбираются по собственной воле и желанию или в зависимости от метеорологических условий. Таким образом, срок их проведения может быть произвольным. Немного дольше сохранилась традиция *karjalaskeräev*. С днем этим связано много обычаев и обрядов, сохранившихся до наших дней. Первый выпас имел символическое значение. Считалось, что некоторые магические практики, совершаемые в этот день, защитят животных от злых сил, в том числе от болезней. С этой целью животным давали съесть яйцо или же их поили святой водой. Обычай этот встречается до сих пор, хотя уже довольно редко. 25 апреля — день святого Марка, покровителя крестьян — *Markusepäev*. Считалось,

что изготовленный в этот день плуг будет самым совершенным орудием. В свою очередь, ливские рыбаки в Великий Четверг тайно в лесу у муравейника окуривали рыбацкие сети, потому что, как и латышские рыбаки, верили, будто сети, изготовленные или окуренные в Великий Четверг, принесут большой улов. То же самое делали и эстонские рыбаки.

Ливы в апреле, который в их календаре носит название *aril*, отеча пасхальный праздник, верили, что если какая-то работа удастся в это время, а особенно, когда сети легко вытягиваются, то это означает, что сам дьявол помогает рыбакам. В самую Пасху ливские хозяйки готовили угощение для Матери Моря, состоявшее из белого хлеба, алкогольных напитков и сахара. Это ритуальное языческое угощение выносили на пляж очень ранним утром, прежде чем проснутся птицы, девушки и парни.

Май. Когда в мае (по-эстонски *mai*) зацветают вишневые деревья в саду, приходит время посева льна, говорят в эстонской деревне. Народные и традиционные названия мая следующие: *nelipühakuu* — месяц Зеленых святок, *lehekuu*, *meiakuu*, *lehehakkamiskuu*, *toomekuu* — черешневый месяц. Православные сету в Эстонии в день начала посева ржи отмечали день святого (весеннего) Николая — 9 мая. В этот день у сету была запрещена любая работа с использованием коней. Майский день святого Николая был очень важен для ливов и был связан с аистом. Если лив видел в этот день аиста, идущего по земле, то это означало, что море в этом году поглотит много жертв из рыбаков. И наоборот, если он видел аиста (для ливов дословно «святую птицу» — *pivalind*) на дереве или в гнезде, то это означало, что год будет безопасным. Раньше эсты считали самой подходящей датой посева стручковых культур (таких, как горох, фасоль, бобы) день первого мая, день святой Вальпургии — *Volbripäev*. Ночь на 1 мая — Вальпургиева ночь, *Volbriöö* — считалась началом

нового цикла рождения в природе. Интересно, что у ливов май — тај (как и у нас), либо таіј, что также очень похоже.

Июнь. 4 июня в Эстонии празднуется день эстонского национального флага, установленный в 1884 г. — Eesti Riigilippupäev. 14 июня — день национальной скорби — Leinapäev, так как в ночь с 13 на 14 июня 1941 г. была проведена массовая депортация так называемого «общественно-опасного элемента», то есть элиты эстонского народа.

Эстонцы свой июнь называют juuni и jaaniku. Это второе историческое название связано с праздником святого Иоанна Крестителя — Jaanipäev. Следующий за ним день называется Janniõhtu. В Иванову ночь на эстонских островах обычно сжигали старую и ветхую рыбацкую лодку. Раньше в эту особенную ночь прогоняли скот возле костра. Другие народные названия июня — suvekuu, kesakuu, pärnakuu.

23 июня — эстонский национальный праздник. В этот день отмечается праздник победы — Võidupüha — в честь освободительной войны 1918–1920 гг., которая велась с Красной Армией, а особенно в честь победы объединенных эстонско-латышских войск под Кием (*латыш.* Cēsis) в июне 1919 г. над немецкими интервентами. Утром этого дня в присутствии официальных лиц президент Эстонии зажигает костер, символизирующий независимость государства. Огонь от этого костра торжественно разносится по всей стране.

В период Иванова дня и первых сенокосов в эстонских деревнях готовили сыр — sõir, высушивая его на воздухе. Он является отличной закуской к пиву. В канун Иванова дня повсеместно разжигали большие костры, и возле этих костров собирались массы людей, вплоть до тысячи человек, танцевали вокруг огня, перескакивали через костер, а девушки, особенно у сету, клали венок, сплетенный из девяти цветов, под подушку, считая, что во сне они увидят будущего мужа. Девушки также старались вернуться домой

с букетом примулы, так как это сулило многочисленных поклонников и хорошее замужество. Молодые эстонские пары в Иванову ночь отправлялись в лес искать цветков папоротника, который зацветает в полночь, когда запоет петух. Нашедшего его ожидает великое счастье, но он должен знать, что в эту ночь черти особенно активны. Существовало верование, будто в эту чудесную ночь домашние и дикие животные, деревья и даже такие объекты, как скалы и реки могут разговаривать с людьми человеческим голосом. Православные сету и маленькие угро-финские племена, такие как ижорцы, праздновали также и Петров день, 29 июня, разжигая большие костры и прыгая через них. Протестанты в балтийских странах 25 июня отмечали свой церковный праздник, связанный с датой 25 июня 1530 г., когда императору на рейхстаге было представлено Аугсбургское исповедание (*Confessio Augustiana*). Июнь в ливском календаре — jūnij.

Июль. Эстонский июль — juuli — носит исконное местное название heinäkuu — сенной месяц, месяц сена. Народная эстонская примета гласит: «Если льет на семь спящих братьев (30 июля), то дождь будет идти еще 7 недель. На святого Якова, 24 июля, в Эстонии заканчивались сенокосы и начиналась жатва. Делалось это в соответствии с правилом¹: повесь косу на гвоздь и иди за серпом. На острове Сааремаа в праздник святого Олафа, 29 июля, забивали овцу и устраивали торжественный пир. В Сетумаа очень важным считался день 7 июля, называемый Ивановым днем или Старым Иваном, когда устраивались гуляния и разжигались костры во время семейных встреч. В этот день повсеместно существовал обычай кататься на качелях и навещать могилы умерших. Утром же совершались специальные богослужения в церквях. Ливы июль называют jūlij.

¹ Эта поговорка очень древняя, так идет с тех времен, когда косой косили только траву, но не хлеба.

Во время жатвы забивали животных, в основном овец и козлов, с особой целью — чтобы сбор урожая был удачным, а сам урожай — обильным. Обычно это происходило в три освященных дня: 26 июля, в день святой Анны — в юго-восточных районах, 29 июля, в день святого Олафа — на западе страны, а также в день святого Лаврентия, 10 августа — на юге Эстонии. Вообще эстонский традиционный аграрный и расчетный календарь делился на четыре периода. Первый начинался с середины зимы — 14 января и длился до 14 апреля — первого дня первой пахоты. До этого дня допускалось сеять овес. С 14 апреля начинался второй период, который длился до дня святой Маргариты 13 июля. Третий период заканчивался 14 октября — в день падения желтых листьев, и в этот же день, разумеется, начинался четвертый период.

Август. С жатвой связано народное название месяца у эстонцев: официально *august* и традиционно *lõikuskuu* — месяц жатвы, от *lõikus* — жатва. Менее популярны народные названия *rõimukuu*, *mädaaku*, *viljakuu*, *rukkiikuu*. *Rollapäev* — 18 августа, день, посвященный святому Флориану, а для сету — рекомендуемая дата начала посева озимых. Эсты-лютеране несколько ранее начинали эти сельскохозяйственные работы — 10 августа, в день святого Лаврентия, особенно в северной и западной части страны. На день святого Магнуса — *Raasapäev* — 19 августа, приходится важный аграрный праздник, отмечаемый в Сетумаа. Самые же большие торжества здесь устраиваются в деревне Обинитса. Праздник проходит в два этапа. Первый из них — это богослужение в церкви, во время которого освещаются яблоки и мед. Другое название праздника — праздник яблок.

Ежегодно в первую субботу августа (по-ливски *august*) в Мазирбе на Ливском берегу проходят традиционные праздники ливов — *Libiešu svētki*.

20 августа ливы начинали сев озимых хлебов. В этот день нельзя было разжигать огонь. Имеются сведения, что прежде этот день приходился на 10 августа, на святого Лаврентия (по-ливски *Lovātspāva*) — покровителя огня, когда строго запрещалось разжигать огонь, сушить зерно в хлебной печи и вообще готовить на кухне. Считалось, что если нарушить этот запрет, огонь будет жечь хозяйства весь предстоящий год. Это поверье встречалось как у эстов, так и у ливов. День святого Лаврентия считался у ливов и эстонцев трагичным днем, так как существовало верование, что в этот день сгорели Содом и Гоморра. В тот же день, грозящий штормом, когда море обладало страшной силой девятого вала, рыбаки трех народов не выходили в море на промысел. Однако в некоторых регионах южной Эстонии в день святого Лаврентия проходили торжества, связанные со сбором овощей и фруктов. Подобный, но уже не столь строгий запрет выходить в море в день святого Лаврентия существовал у ливских рыбаков и в день святого Бартоломея, 24 августа. 20 августа — *Taasiseseisvumispäev* — годовщина возрождения эстонского независимого государства в 1991 г.

Сентябрь. Для сету день 8 сентября — *Ussimaarjapäev*, то есть день Марии Змеиной. Сету верят, что в этот день все змеи уходят под землю, чтобы погрузиться в зимнюю спячку. Перед этим, однако, они собираются в лесу, потому в этот день людям нельзя ходить в лес. Есть известное предание-предостережение, повествующее о том, как одна легкомысленная девушка, несмотря на предупреждения старых людей, пошла в лес в этот день. В лесу она встретила пестро раскрашенную змею, которая обвилась вокруг ее шеи. Девушка обрадовалась и вернулась в деревню, хвастаясь таким прекрасным украшением. Однако она была за это наказана, потому что оказалось, что несчастная не может снять с себя это украшение.

Самым важным днем этого месяца является день святого Михаила (*эст.* Mihlipäev) — 29 сентября. Общее название сентября у эстонцев — september, а традиционное — mihklikuu. Причем это второе народное название также связано с днем святого Михаила. С этим днем связана поговорка: «В день святого Михаила репа должна быть в кладовой, а бабы в избе». На святого Михаила в эстонских деревнях забивали барана и по этому случаю готовили баранину с брюквой и картошкой. Ближайшие дни к празднику — это традиционный период торгов и ярмарок. Менее известно народное название сентября kanarbikukuu от слова kanarbik — вереск, растение, которое столь обильно и живописно растет на эстонских холмах. Другие народные названия — sügiskuu, а в языке Выру — jahikuu. Ливское название этого месяца — septembõr.

Октябрь. Хотя у эстонцев, — народа, заселяющего северные края, — виноградные лозы по очевидным причинам не выращивают, заимствованный из немецкого языка oktoober называется все же viipakuu — месяц винный, а точнее водочный, так как в этот месяц различными домашними способами гонят алкоголь. Сохранились другие народные, менее говорящие эстонские названия октября — kooljakuu, rehekuu. Этот осенний месяц имел пророческие свойства. Поэтому эстонцы в качестве реликта культа предков хранили и с огромным почитанием отновились к деревянным или берестяным коробочкам. Со временем их сменили красочные упаковки, например от сигарет. В такой коробке хранилась статуэтка из дерева, воска или из тряпок, представлявшая собой идола Tõnnis — покровителя свиней, что является эстонской формой имени Антоний. И собственно, в октябре, на пороге осени, ему приносили обильные жертвы из первых плодов урожая, а также в том случае, если в данной семье появился на свет ребенок. День святых Симеона и Иуды Фаддея 28 октября —

simunapäev — знаменые начало работ под крышей. В этот день ожидали первый «серьезный лед» на реках. По-ливски октябрь — oktoõdr.

Ноябрь. Эстонцы ноябрь называют november, а исконное название talvekuu — зимний месяц, и это справедливо, поскольку зима в Эстонии начинается уже в ноябре. Другое народное название эстонского ноября — kooljakuu. На день поминовения, согласно исконному эстонскому обычаю, следовало забить какое-то домашнее животное в хозяйстве, затем разделать его, приготовить, а лучшие куски мяса отнести в миске, котелке как можно дальше от двора, и такими словами пригласить души умерших членов семьи: «Дорогие души, приходите все на пир, чтобы насытиться мясом, не заходите на наши поля, обходите наши дороги, идите себе прочь на болота и трясины». В ноябре, в дни святого Мартина и святой Екатерины по эстонским деревням с пением бегала детвора, переодетая в старую одежду, тряпки и маски. Детей угощали в домах орехами и яблоками. Взрослые же ели кровавые галушки — verikakk, и колбасы также с добавлением крови. Также старшие по этому случаю переодевались, порой целыми семьями. При этом самые смешные ряженые становились (в зависимости от пола) либо отцом Мартином, либо матерью Катериной. Другие же участники карнавала надевали маски и костюмы козла, медведя и Старого Иуды. Тех же, кто участвовал в карнавале по случаю дня святого Мартина — Mardipäev, называли попрошайками Мартина — mardisandid. Их угощали мясом, хлебом, алкоголем, ноябрьским пивом собственного приготовления. В ответ на обычный вопрос хозяев: «Откуда вы прибыли и каким способом добрались до нас?» — они жалобно отвечали: «Из Лапландии на метле», или уже в современные нам времена: «Из Англии на самолете». В Mardipäev в эстонских деревнях не работали, вечерами проходили обильные мясные пиры, где главным

блюдом был гусь. День 25 ноября посвящен святой Екатерине, и в этот день в восточной Эстонии существовал обычай так называемых «блеяний», когда дети собирались и, громко блея под овчарней или в самой овчарне, обеспечивали на грядущий год благополучие для овец. Ведь именно эстонские крестьяне своих овец доверяли опеке святой Екатерины, по-эстонски Kadri. Разумеется, детки блеяли не бесплатно. Хозяева угощали их овсянкой, печеным горохом и другими традиционными угощениями. Середина ноября знаменовала традиционное в Эстонии время большого убоя и приготовления различных колбас, особенно кровяной колбасы, копченостей и мясных солений. Это время интенсивного пивоварения, выпечки ячменного хлеба. Вообще ноябрь в северных краях назывался месяцем великого убоя скота. У сету зимний день святого Георгия 26 ноября был праздником коней и пастухов. В церквах проходило торжественное богослужение, вокруг священника собирались дети пастухов, которые в этот день пользовались привилегиями. Приведенных к храму коней окропляли святой водой, обмахивали кадиллом и благословляли иконой святого Георгия. В некоторых местах, например в Вярска, коней заводили прямо в церковь святого Георгия. По-ливски ноябрь — novembõg.

Декабрь. В балтийском мире уже царит суровая зима и приближается ожидаемое время больших праздников. Собственно от праздников происходит эстонское народное название декабря jõulukku (jõulud — это заимствованное из Скандинавии языческое название праздника зимнего солнцестояния — Yule). Названия этого нет в календаре, вместо него прозаичное общеевропейское «detsember». Другое название народное декабря — talvistepühakuu — суровый зимний месяц. Эстонская легенда повествует о том, что раньше в году было не 12, а 13 месяцев, но фео-

дальные правители ловко украли этот 13-ый месяц, чтобы не платить за него налоги. В сочельник у эстонцев-протестантов на стол ставят кашу, свиную голову и специальный вид холодца — студень, то есть большие куски мяса в желе. На праздник Yuletide — Рождество — пекли специальный каравай, который назывался по-разному, например «рождественский поросенок». На нем сверху делали оттиск различных знаков, в зависимости от местности, например: ключа, брошки или просто большого пальца. Этот сакральный хлеб хранился все праздники нетронутым, часто до дня Божьей Матери Громовницы — 2 февраля, когда он делился на куски, которые скармливались всему домашнему скоту. Прибывал эстонский святой Николай — сморщенный старичок с красными щеками и длинной белой бородой — Старый человек праздника Jõuluvana. Обычно у него были розги и мешок с подарками. Ряженые появлялись в эстонских деревнях также в период Рождества и Нового Года. При этом на Рождество переодевались в гусей, в Новый Год — в козлов, а на праздник Трех Королей — в аиста. При этом костюм аиста был наиболее детальный. Ряженный аист в вывернутом наизнанку полушубке играл с детьми, заглядывал в баню, делал вид, что хромает, отпускал всевозможные шутки, за что его угощали пивом. Самым веселым персонажем был козел, который бил собравшихся хвостом, бегал и вел себя по-козлиному. Подойдя к воде, он опускал в нее хвост, обычно сделанный из пучка веток, а затем обрызгивал водой всех собравшихся, что считалось доброй ворожбой. На юге Эстонии для Рождества использовалось название talvistepüha — Зимний праздник — что является калькой с латышского Ziemas svetki — зимние праздники. Еще в середине XX века в эстонской провинции во многих домах не украшали ёлку, но соблюдали более древний обычай расстилать на полу в главной избе солому. В Рождество хозяева и гости садились на пол, пили пиво,

развлекали себя различными играми, загадывали друг другу загадки и вместе пели.

Оба народа, эсты и ливы, внимательно присматривались к деревьям в день Рождества и в день Нового Года. Если на деревьях лежал иней, то, в зависимости от местности, ожидали богатый или, наоборот, бедный предстоящий год. В декабре (по-ливски *detsembõr*) для ливов был значимым день Рождества, когда завершался сезон рыбной ловли в уходящем году. В этот день торжественно переворачивались рыбацкие лодки дном вверх. То же самое делали и эстонские рыбаки на островах.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЛИ ГЕРБОВЫЕ ЖИВОТНЫЕ И РАСТЕНИЯ, ЦВЕТА ФЛАГОВ

В XIII веке тотемным животным одной из земель свободных племенных эстонцев — Уганди, лат. *Ugania*, с центром в городе Отепя (Отепää), был медведь.

На гербе Эстонии изгибают спину три синих льва¹ в геральдической позе *passant* — идущие — на золотом щите в окружении дубовых венцов. Это позаимствовано из Дании, герб с печати датского короля Вальдемара II был перенесен на герб датского Эстонского княжества. Львы символизируют такие добродетели эстонцев, как настойчивость, отвагу и волю к борьбе. Эстонцы действительно до сих пор остались собой, народом крестьян, рыбаков, лесорубов, людей, тесно связанных с землей, небом, лесами, водами, и это объясняет, почему популярными символами у них являются дуб, деревенская ласточка, а также их спутник в ежедневном крестьянском труде, обычный и вездесущий на межах

¹ Проф. Ян Левандовский, автор первой польской «Истории Эстонии» («*Historia Estonii* — Wrocław 2002», стр. 31) усмотрел на гербе Эстонии не львов, а более экзотичных в геральдике животных — леопардов.

василёк. Василек встречается и на нивах, и тогда он сорняк, а если растет на паровых полях, вдоль дорог, то тогда радует уставший глаз путника голубым мерцанием. Повсюду встречаемый плебейский василек ежедневно связывает крестьянина с хлебом, рожью, пахотой, сбором урожая. Василек — это также древняя трава, которая лечит болезни печени, горла, полости рта всей крестьянской семье.

В одной популярной эстонской сказке ласточка когда-то была бедной женщиной, которую мучил и в конечном счете убил жестокий муж-пьяница. Бог Укко превратил ее в птицу, и потому с той поры ласточки столь охотно вьют гнезда рядом с людьми. Большинство сельского коренного эстонского населения по-прежнему считает, что деревья имеют души, и с ними можно вступать в эмоциональный контакт. Поэтому иногда можно встретить каменные алтари, расположенные у корней старых деревьев.

С 18 ноября 1923 г. ливы имеют собственный флаг — трехцветный, имеющий три горизонтальные полосы с соотношением высот 2-1-2. Ливские национальные цвета — холодные, их символика очень прозрачна: сверху зеленая полоса, как у леса; в середине белая полоса — уже, чем крайние полосы — очевидная связь с ливской судьбой, напоминание о том, как мало собственной земли осталось у них, земли, зажатой между лесом и морем; снизу синяя полоса, как море, дающее им пищу.

Для эстонцев всегда были важны три национальные цвета: черный — это гордый цвет родной земли и цвет кафтанов эстонских крестьян; васильковый синий цвет воспринимается как цвет воды, которой изобилует эстонская земля; и белый цвет, предвещающий лучшее будущее, напоминающий белые ночи, столь характерные для Эстонии, он также символизирует стремление к знаниям и просвещению. Это уникальное расположение горизонтальных полос, холодное и северное, было впервые принято корпорацией эстонских

студентов Virõnia 4 июня 1884 года в церкви в Отепя. Автором будущего эстонского национального флага — Eesti lipp — был поэт, студент богословия в университете Дерпта Ян Бергманн Jaan Bergmann (1856–1916) — впоследствии эстонский журналист и писатель. Под этими цветами 21 ноября 1918 г. эстонские войска пошли на бой за независимое государство. Флаг был принят правительством свободной Эстонии 27 апреля 1920 г. и торжественно утвержден парламентом 19 июня 1925 г.

Весьма оригинальный флаг имеют сету. На белом поле примерно 60% места занимает красный скандинавский крест. При этом красный крест представляет собой композицию из двух народных лент с нанесенным на них белым геометрическим орнаментом с декоративными голубыми и синими точками, вроде тесьмы. В гербе Сетумаа на темно-синем рыцарском щите расположен золотой пятиструнный каннель.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГИМНЫ

ГИМН ЭСТОНИИ MU ISAMAA, MU ÕNN JA RÕÕM (Моя отчизна, мое счастье и радость)

Прапремьера состоялась на Первом эстонском мире песни в 1869 г., с 1920 г. официальный национальный гимн Эстонской Республики: Eesti Vabariik.

Слова — Йохан Вольдемар Яннсен (Johann Volde-mar Jannsen) (1819–1890), мелодия — Фредерик Пациус (Frederik Pacius) (1809–1891).

Mu isamaa, mu õnn ja rõõm,
kui kaunis oled sa!
Ei leia mina iial teal
see suure laia ilma peal,
mis mul nii armas oleks ka,
kui sa, mu isamaa!
Sa oled mind ju sünnitand
ja üles kasvatand;
sind tänan mina alati
ja jään sull' truuiks surmani,

mul kõige armsam oled sa,
mu kallis isamaa!
Su üle Jumal valvaku,
mu armas isamaa!
Ta olgu sinu kaitseja
ja võtku rohkest õnnista,
mis iial ette võtad sa, mu kallis isamaa!

Моя Отчизна, моя радость и счастье
Ты моя радость и счастье моё, Отчизна!
Никого и ничто так не полюбила, как Тебя,
На всем широком свете моя душа.
Так, как Тебя, моя самая милая,
самая дорогая моя Отчизна!
Ибо я рожден в Твоем лоне и здесь вырос,
Тебе я всегда останусь благодарен,
До часа моей смерти верен.
Для меня ты моя величайшая святыня,
Ты, моя самая дорогая Отчизна!
Пусть тебе всегда Бог помогает.
Тебе, моя самая любимая Отчизна,
Пусть одарит тебя счастьем и благословит,
И пусть разгонит все твои печали,
И неустанно поддерживает Твои славные намерения,
Ты, моя самая дорогая Отчизна!

ГИМН ЛИВОВ MIN IZĀMŌ, MIN SINDIMŌ

Min izāmō, min sindimō,
ūod ārmaz rānda sa,
kus rādanaigās kazābōd
vel vanād, vizād piedāgōd.

Min ārmaz īlmas ūod set sa,
 min tōurōz izāmō!
 Min izāmō, min sindimō,
 ūod ārmaz rānda sa,
 kus lāinōd mierstō vīerōbbōd
 un rāndan sūdō āndabōd.
 Min ārmaz īlmas ūod set sa,
 min tōurōz izāmō!
 Min izāmō, min sindimō,
 ūod ārmaz rānda sa,
 kus jelābōd īd kalāmīed,
 kis mīer pāāl ātō pāāvad īed.
 Min ārmaz īlmas ūod set sa,
 min tōurōz izāmō!
 Min izāmō, min sindimō,
 ūod ārmaz rānda sa,
 kus kūltōb um vel pivā ēļ
 — min amā ārmaz rāndakēļ.
 Min ārmaz īlmas ūod set sa,
 min tōurōz izāmō!

Моё Отечество, Родина моя. Ты любимый берег, где на берегу пока растут старые и твёрдые сосны. Ты моя единственная любовь в мире, моё дорогое Отечество

Моё Отечество, Родина моя. Ты любимый берег, где волны катят от моря и целуют родной берег. Ты моя единственная любовь в мире, моё дорогое Отечество

Моё Отечество, Родина моя. Ты любимый берег. Место, где живут рыбаки, которые день и ночь в море. Ты моя единственная любовь в мире, моё дорогое Отечество

Моё Отечество, Родина моя. Ты любимый берег, где святой язык до сих пор говорит, мой самый любимый Ливский язык. Ты моя единственная любовь в мире, моё дорогое Отечество

Текст: Корли Сталте (1870–1947), музыка: Ф. Пациус (1809–1891)

У ливов был свой собственный гимн, простые, но искренние слова написал Карлис Сталте, церковный причетник, органист, поэт, публицист и переводчик в 1923 году. Скорее всего, первое исполнение гимна — *Min Izamā, Min Sindimā* — Моё Отечество, Родина моя — состоялось на чердаке дома органиста, автора слов в Мазирбе в конце декабря 1925 года. Мелодию сочинил Фредрик Пациус (1809–1891), житель Гамбурга, финский композитор и дирижер немецкого происхождения. Впервые мир услышал эту мелодию 03.V.1848.

Слова к его композиции изначально написал по-шведски Йохан Людвиг Рунеберг (1804–1877), великий финский поэт. В независимой Финляндии песня «*Maamme*» — «Наша страна» — была принята в качестве гимна Республики Финляндии. Напомним, что все эти три народа являются родственными финно-угорскими народами.

ГИМН СЕТУ KATÕ ILMA VEERE PÄÄL (1909)

Olli suurõ Säksa sõa',
Vinne väe' oll' vägevä',
suurõp hulk jäi Säksa or'ast,
meist sai vilets Vinne viir.

Visati meid ütте viirde,
tõistõ viirde tougati —
sääл meid surbi Säksa rüütli',
Vinne vürsti' vindsodi'.

Küll oll rassõ ello ellä',
Pühä Esä Maar'amaal,

küll oll rassõ koto tetä',
katõ ilma veere pääl.

Siski esä-esä kombõ'
joudsõ hoita' alalõ:
uma keele, valgõ' rõiva',
uma hüä süäme.

Ku mi jal' sis kokko tulli,
ummi vanno laulõga,
ar sis veli vele tundsõ,
sugu nakas selgümä.

Õt mi latsõ' sammu pitä'
jovvasi õks tõisiga,
õt saas valgõt päivä nätä',
tulõvikuh Setomaa.

Автор слов — Яан Ряппо, поэт, публицист, переводчик, писавший на языке выру (Võru)¹, родился 11 апреля 1880 г. в регионе Вырумаа, в деревне Казаритса в семье владельца хутора, выпускник гимназии и студент философии в Санкт-Петербурге, путешественник. Яан Ряппо побывал, в частности, в Китае, Турции, Японии, на Цейлоне. Революционер, который в 1910 г. был интернирован царскими властями на польских землях, солдат царской армии в период первой мировой войны. Наконец, советский государственный деятель, скончавшийся в Киеве 14 января 1958 г.

¹ В диалекте сету литературное Võgimaа носит название Võgomaа.

Зубинский Тадеуш
Мифология эстов

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Оригинал-макет *Н.Н. Орловская*

Корректор *С.А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.

Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 11. Печать офсетная.

Заказ №

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

ТАДЕУШ ЗУБИНЬСКИЙ

Мифология балтов

